

The background of the entire page is a photograph of an underwater scene. It shows a dense thicket of seaweed or kelp. The stalks are dark brown and have a fuzzy, white, hair-like texture. The water is a murky, greenish-brown color, creating a somber and mysterious atmosphere. The lighting is soft and diffused, highlighting the intricate details of the seaweed's structure.

Илья
Ермаков

Глубины
Пепла

Сага о
Мрачных
Водах

Илья Сергеевич Ермаков

Сага о Мрачных Водах. Глубины Пепла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68771340

SelfPub; 2023

Аннотация

Первый призрак Перламутра повержен, но это только начало настоящей войны. Остальные призраки готовы поставить весь Перламутр-Бич на колени. И они не одиноки в этой битве. Скальду, Энтони и Айседоре предстоит опуститься на самое дно Сапфирового моря и узнать, что скрывают Мрачные Воды. Подводный мир путает в своих течениях все: добро и зло, плен и свободу, власть и рабство. Новые враги выйдут на тропу войны. Порой погоня за мстостью и справедливостью может привести к фатальным последствиям, которые необратимо изменят привычный ритм жизни раз и навсегда. Какие опасности таят глубины Пепла? Кто станет Королевой морских сердец? На чьей стороне играет Верховная мать? На этот раз никому не выйти сухим из воды...

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Омут	10
Глава 2. Война началась	22
Глава 3. Погружение	36
Глава 4. Одд	54
Глава 5. Жизнь на дне	67
Глава 6. Академия Марии Селесты	84
Глава 7. Пути расходятся	99
Глава 8. Последнее пророчество	112
Глава 9. Путь Оракула	125
Глава 10. Вести со дна	142
Глава 11. Течение боли	158
Глава 12. Тайны ректора	172
Глава 13. Западня	188
Глава 14. Слезы Белой Смерти	203
Глава 15. Раскол	218
Глава 16. Во имя власти	232
Глава 17. История Элеоноры ван Касл	249
Глава 18. Секреты Омута	263
Глава 19. Наемник	280
Глава 20. Несущий Погибель	294
Глава 21. Обручение с водой	310
Глава 22. Другая жизнь	327

Глава 23. Новая власть	343
Глава 24. Реформы Королевы Морских Сердец	359
Глава 25. Возвышение Призраков	376
Глава 26. Белый червь	392
Глава 27. Предвестие беды	408
Глава 28. Ярость Карателя	422
Глава 29. Левиафан	436
Глава 30. Переворот	450
Глава 31. На самом дне	465
Глава 32. Любой ценой	484
Глава 33. Верховная Мать Мелисента	496

Илья Ермаков
Сага о Мрачных
Водах. Глубины Пепла

*Море внешне безжизненно, но оно
полно чудовищной жизни, которую не дано
постичь, пока не пойдешь на дно*
Иосиф Бродский

Пролог

– Расскажешь мне сказку, мама?

Он услышал ее звонкий нежный смех в ответ.

– Какую ты хочешь услышать?

– Ту самую, свою любимую.

– Опять? Я же уже рассказывала ее тебе сто раз! Не наскучила? Может, прочитаем что-то новое?

– Хочу ее. Давай еще раз. Расскажешь?

– Ах, что за ребенок? Иди ко мне. Садись ближе.

Вдвоем они поместились в одном кресле. Мама прижала сына к себе ближе и обняла его за бок. Мальчик опустил голову ей на плечо и закрыл глаза, чтобы рисовать в голове картинки.

– Однажды большой корабль, на котором Мальчик плыл с мамой и папой пошел ко дну. Родители успели посадить сына в лодочку и отправить в море, чтобы спасти. После кораблекрушения Мальчик остался один в открытом море. И рядом с ним не было никого. Ни одной живой души. Он плыл на своей лодочке, качаясь по волнам. Вокруг лишь море, бесконечное и всемогущее. Мальчик плакал. Он скучал по маме и папе. Больше по маме. Но плакал он недолго. Он набрался смелости и отправился на поиски родителей.

Мама посмотрела на сына, сидящего рядом с закрытыми глазами, словно спящий. Она не сдержалась и поцеловала его

в макушку.

– Ну, мама! Продолжай! – «проснулся» он.

– Хорошо-хорошо! Ах, да... и вот Мальчик плывет по волнам и встречает Сову. Своими размерами эта Сова превосходила всех своих сородичей. И перья у нее черные, как ночь без звезд. Мальчик спросил у нее: «Куда мне плыть, чтобы найти свою маму?». И Сова ответила ему: «Вот тебе мое перо. Возьми его и используй, как весло. Оно поможет найти маму». Черная Сова дала Мальчику перо и улетела. Мальчик использовал перо, как весло, чтобы плыть дальше.

Он знал продолжение сказки. Знал, кого Мальчик повстречает на своем пути дальше, но слушать было все так же интересно, как и в первый раз.

– А потом на пути Мальчика повстречалась Смерть. Смерть в белом облачении. И спросил Мальчик у Смерти: «Куда мне плыть, чтобы найти свою маму?». И Смерть ответила ему: «Вот тебе череп. Сияние в его глазах укажет путь, словно свет маяка». И Смерть исчезла, оставив Мальчику белый человеческий череп. Из пустых глазниц вырвались лучи света, и Мальчик последовал в сторону, куда они светили.

Он ярко представлял в своем воображении белые лучи-стрелки, пульсирующие из глазниц черепа, как свет фонаря.

– Но свет в черепе угас. И Мальчик снова оказался посреди моря. И вот с неба к нему прилетел зонтик. Мальчик взял этот зонтик и раскрыл его. Подул сильный ветер. И зонтик

стал парусом его лодочки-корабля. Мальчик сказал зонтику: «Зонтик, зонтик, отнеси меня к моей маме!». И зонтик понес его в нужную сторону. Но потом ветер угас. И зонтик оказался бесполезен. Мальчик снова остался один.

Отчего-то зонтик в воображении рисовался ему розовый с ленточкой бахромы по краям и с серебряной ручкой. Девичий зонтик. Такой от дождя не спасет – только от солнца. Но именно этот образ крепко засел у него в голове.

– И вот Мальчик встретил Рыбу. Большую Рыбу. И спросил Мальчик у нее: «Куда мне плыть, чтобы найти свою маму?». И Рыба ответила: «Плыви за мной следом. И я отведу тебя к ней». И Мальчик поплыл следом за Рыбой. И Рыба привезла его на берег. Мальчик вышел из лодки и увидел на берегу женщину. Он мог узнать ее со спины. Мальчик закричал: «Мама! Мама!». Женщина развернулась к мальчику. Да, это было ее лицо. Лицо его матери.

Он представлял себе ее лицо. Лицо своей мамы. Такое доброе. И нежное. Он открыл глаза и посмотрел на нее. Она улыбалась ему.

Дальше начиналась самая любимая часть сказки.

– Мальчик спросил у мамы: «А где же папа»? Он так отчаянно хотел его увидеть. Ему его очень не хватало, пока он путешествовал на лодочке. Мальчик спрашивал у мамы снова и снова. Но она не знала, что ему сказать. Папа вернулся к ним с глубокими ранами на руках. Он спасал маму во время кораблекрушения и повредил руки. И каждое касание

давалось ему с болью. Так больно, что он даже не мог обнять Мальчика или коснуться его. Но папа был рядом с ним. И важнее этого ничего не было на свете! Мама взяла Мальчика за руку, и всей семьей они вернулись домой, чтобы жить долго и счастливо. Конец.

Он открыл глаза и посмотрел на нее.

– Где же папа, мама? Когда он придет?

– Я не знаю, милый. Я постараюсь вернуть его.

– Почему... когда мы смотрим на него, а он смотрит на нас... он не видит нас? Он не знает, где мы?

Но мама не ответила. Она поцеловала его в щечку и сказала:

– Пора спать, сынок. Я очень устала. Завтра я пойду к твоему отцу и постараюсь уговорить его вернуться.

– Хорошо. Пусть он приходит. Скажи, что я очень его жду. Мы приготовим вкусный рыбный пирог и посидим за столом всей семьей.

– Да, малыш. Всей семьей...

Взяв сына за руку, мама проводила его в комнату. Она уложила мальчика в постель и накрыла одеялом. Выключив свет, мать склонилась над сыном и поцеловала его в лоб на прощание, сказав:

– Знал бы ты, как сильно я тебя люблю, мой маленький Натаниэль.

Глава 1. Омут

– Вы чего такие любопытные? А ну, брысь отсюда!

Малисса смерила стайку белых медуз злостным пугающим взглядом, и те рассыпались в разные стороны, отпрянув от ее стола.

– Совсем покоя не дают.

Мелисса огляделась лишний раз по сторонам и склонилась над стеклянными страницами.

– И где же их скат носит? Ох, как во всем этом разобраться?

Вокруг стояло назойливое шушуканье. Работать над проектом в общем обеденном зале очень неудобно. Все постоянно носятся туда-сюда со стопками стеклянных книг, с едой, разговаривают и хохочут. Профессора время от времени появляются с разных углов, чтобы следить за студентами.

Мелисса с осторожностью поглядывала на длинный коралловый стол за ее спиной. Малис не выпускал из рук стеклянную банку, в которой резвился странный черный слизень с красными нитями-венами, опоясывающими его тельце. Слизень больше напоминал толстую пиявку, нежели червя. Сама Мелисса предпочитала именно морских червей, нежели слизней. Эрис постоянно шепталась с Кроу. Эта парочка не разлей вода. Всегда вместе ошиваются рядом с Малисом. И если Кроу почти не обращал на Мелиссу внимания,

то Малис в упор молча смотрел на нее, словно хотел загнипотизировать.

Заметив его пристальный взгляд, Мелисса быстро отвернулась от троицы, которая называла себя Омутом – тайный студенческий клуб, который возглавлял лично декан Милантэ Мунлес, противный профессор. Других студентов, кроме своего Омута, он в расчет совсем не берет и относится к ним, как к сардинам.

Вернувшись к чтению, Мелисса не могла сосредоточиться на символах, высеченных на стеклянных страницах. Ей претило читать книгу, которая была сделана за счет рабского труда жителей города, изо дня в день трудящихся в копях кварцевых шахт. Из кварца делалось стекло для книг и для всех нужд Перекрестков – подземных лабораторий, где занимались студенты, создавая свои учебные проекты.

Наконец в зале появились они, Эш и Винтер. Двое друзей Мелиссы шли в ее сторону, бурно обсуждая насущные проблемы.

– И чего вы так долго? – спросила у них Мелисса, когда двое появились рядом.

– Мунлес послал нас к морскому черту, – Винтер с грохотом уселся за стол.

– Все настолько плохо? – Мелисса взглянула на подругу, Эш.

Эш отмахнулась от налетевших назойливых медуз и, подперев руками голову, ответила:

– Они не будут устраивать поиски дельфина Винтера. Если ты не смог уследить за своим проектом – пеняй на себя. У Винтера есть несколько недель, чтобы создать что-то новое.

– Я трудился над этим дельфином весь год! – застонал Винтер. – Они не могут так со мной поступить! Я так старался! Фаза интенсивного роста должна была пройти на прошлой неделе! Я... я хотел увидеть это! Мой дельфин уже стал слишком сильным и мощным, если его... не сожрали рыбы покрупнее.

Мелисса сочувствовала трагедии Винтера. Она, как никто другой, знала, сколько ее друг вложил сил и времени в свой проект.

– Может, профессор Орэлла сможет нам чем-то помочь? – предположила она. – Она все поймет. Она знает, что такие случаи... бывают. Проекты слишком живучи и могут сбежать из Перекрестков, если станут достаточно сильными и выйдут из-под контроля. Это же означает, что твой дельфин удался на славу!

– Декан Милантэ Мунлес так не считает, – Винтер покачал головой, – он сказал, что руки у меня из клоаки растут, раз я допустил такое.

Но Мелисса не теряла надежды. Она все еще хотела поговорить с профессором Орсиной Орэллой и помочь Винтеру с проектом.

– А что с твоим осьминогом, Эш? – спросила она у подруги.

– Его не вернут.

– Это невысказано! Как Омут себе такое позволяет?

– Не Омут, Мелисса. Ты же знаешь, что мой проект перехватили по распоряжению самого ректора, Лорда Сееры.

– Но это случилось только потому, что Мунлес над ним кружил свои водовороты весь год! Декан и ректор в близких отношениях. Уверена, что Лорду Сеере все известно о деятельности Омута. Она же ведется под его командованием. И твоего осьминога они прикарманили себе, чтобы только нас отбросить на десять шагов назад.

– Он нестабилен.

Мелисса напряженно следила за Эш. Та выпрямила спину и прикрыла глаза, словно вспоминала дни своей работы над проектом до того, как он попал в руки Омута.

– Он часто выходил из-под контроля. Буянил только в путь! Я не могла его контролировать слишком долго и сдерживать фазы агрессии. Он постоянно погружался в приступы и не выходил в ремиссии. Мунлес это заметил. Он увидел в моем осьминоге свирепство, к которому сам так долго стремился. Я в этом уверена. Им нужно могущественное оружие, способное убивать все живое. Они боялись, что я смогу усмирить осьминога и лишит его той мощи, какую он имел в фазах агрессии. Им нужно больше. Больше силы. Вот и забрали его у меня, чтобы самим доработать его.

– Но тебе выдали новый образец! – возмутился Винтер, стукнув кулаком. – Ты продолжаешь работать над новым

проектом, а я... у меня ничего нет...

Эш оглянулась по сторонам. Конечно, она смотрела на столик, за которым сидела тройца из Омута, но старалась делать вид, что не замечает их.

– Что там у Малиса за червь в банке? Я такого не видела в Перекрестках, – озадачилась Эш.

– Сама не знаю, – Мелисса пожала плечами, – он носится с ним весь день. С самого утра я вижу, как он не выпускает своего слизня из рук. Похоже, это секретные разработки Омута. Лорд Сеера дает им особые задания. И Мунлес делает все возможное, чтобы угодить ректору. Не удивлюсь, если Милантэ метит на его место.

– На место Сееры? Ты шутишь?

– А почему бы и нет, Эш? Ты же знаешь, как он пресмыкается перед ним. Для меня не станет неожиданностью, если Мунлес однажды вонзит кровавый коралл в спину ректора.

– Тише ты, Мелисса! – шикнул на нее Винтер. – Чего так громко об этом говоришь? Мало нам того, что ты занимаешься правами шахтеров! Мне кажется, что именно из-за твоих изысканий нас так упорно гнобят и двигают назад. Они не довольны, что ты хочешь пойти против законов Академии.

– У Академии жестокие порядки, Винтер. Шахтеры кварцевых копий этого не заслужили. Их график... он ужасен! А условия, в которых они трудятся, чудовищны! При этом мы, студенты, и все профессора Академии радостно насла-

ждаемся белыми стенами Перекрестков и всеми удобствами. Элита. Я не поддерживаю такого разделения. Уверена, что среди простых рабочих найдется множество талантов.

– Но они не учились столько лет, чтобы получить все знания, которые помогают нам создавать проекты, – парировал Винтер, – у них нет должного уровня образования.

– И почему они не могут его получить? Почему лишь первенец из каждой семьи имеет право пройти отбор на зачисление в Академию? А остальные? Они обречены выкапывать кварц для нас. Это несправедливо! Их жизни, их судьбы – все предрешиено с самого рождения. Академия должна выбирать лучших, я согласна. Так сделайте же справедливый отбор! Но ректор Сеера, вероятно, видит иное будущее Академии.

А потом в обеденном студенческом зале появились преподаватели. Их появление не оставалось незамеченным. Трое профессоров, включая декана Милантэ Мунлеса, вошли в зал. Все студенты тут же повставали со своих мест, приветствуя преподавателей.

Вместе с деканом в зал пришли профессора Орсина Орэлла и Сангинарий Саг.

– Нужно узнать, чем промышляет Омут, – шепнула Мелисса Эш на ухо, – готовится что-то грандиозное. Я это чувствую. Все проекты скоро будут закончены, а это значит, что Омут тоже продемонстрирует свое творение.

– И что ты хочешь? – услышал шепоток Винтер.

– Разузнать о проекте Омута до официальной презентации и выставки.

Легкий жест руки декана Мунлеса призвал всех студентов сесть за столы и вернуться к своим занятиям.

Сам же декан, скользя на своем толстом зеленом хвосте, направился к троице из Омута.

Мелисса не вернулась на место. Она не сводила взгляда с профессоров Сага и Орэллы, ведущих беседу в углу зала.

– Что ты задумала? – спросил у нее Винтер.

– Идем к профессорам. Нам нужно попросить у них новый образец для твоего проекта.

И Мелисса решительно двинулась с места.

– Мелисса, не надо! Стой!

Винтер хотел ее остановить, но Эш помешала.

– Заткнись, Винтер! Она хочет тебе помочь и, возможно, у нее что-то получится. Давай пойдем с ней, но ты не будешь мешать Мелиссе выбивать для тебя новый образец. Уговор?

Винтер понимал всю жестокость ситуации. Ему нужен новый образец вместо сбежавшего дельфина, иначе через несколько недель его ждет отчисление.

– Эх... уговор...

Двое друзей направились следом за Мелиссой.

Заметив приближение троицы, Саг и Орэлла прервали свою беседу.

– Прошу прощения, – начала Мелисса, – профессор Сангинарий Саг, профессор Орсина Орэлла.

– Да, Мелисса? – обратилась к ней профессор Орэлла. – Вы что-то хотели?

– Да, профессор. Вы же знаете, что у Винтера сбежал дельфин? Он остался без проекта, а декан Мунлес не хочет давать ему новый образец. Срок сдачи работ подходит к концу. Можно что-то сделать? Декан сказал, что не будет тратить силы и средства Академии на поимку дельфина. Вы могли бы нам помочь? Винтеру нужен еще один образец. Он сделает все быстро. Он у нас очень умный и способный. Я обещаю, что мы поможем ему закончить проект к нужному сроку!

Такая твердость и настойчивость не могли не радовать преподавателей. Саг и Орэлла даже нежно улыбнулись в ответ.

Профессор Сангинарий ответил:

– Винтер, я видел твоего дельфина, и он был прекрасен. Я знаю, что ты работал над ним весь год. Ты очень упорно и старательно трудился. И если дельфин сбежал, то он был слишком хорош, да, профессор Орэлла?

– Да, я согласна. Конечно, декан не разделяет подобных взглядов других преподавателей на этот счет. У него вообще... – ее взгляд метнулся в сторону Омута, – свои предпочтения.

– Так вы нам поможете? – вырвалось у Эш.

Профессора переглянулись.

– Да, – кивнула Орэлла, – мы с профессором Сагом поговорим с ректором Сеерой и попросим для вас еще один об-

разец. Думаю, он послушает нас. Надеюсь, Лорд Сеера будет благоразумным и не станет идти на постоянные провокации декана Мунлеса.

Все в Академии знали, что у профессоров с деканом натянутые отношения. И то, что декан Мунлес являлся приближенным ректора Сееры, лишний раз усугубляло ситуацию.

– Лорд Сеера поможет, – согласился с выводами коллеги профессор Саг, – если же нет, то мы сами раздобудем для тебя, Винтер, новый образец. Мы сделаем все возможное, чтобы ты закончил проект к сроку. Не волнуйся. Мы поможем.

– Ох, спасибо большое! – сорвалось с губ Винтера. – Я очень вам благодарен! Спасибо, профессор Саг! Спасибо, профессор Орэлла! Я вас не подведу – обещаю.

Мелисса обрадовалась, что смогла добиться желаемого результата. У них с профессорами хорошая связь и надежные отношения.

– У вас есть еще вопросы? – спросила профессор Орэлла.

– М-м... да!

Мелисса осторожно покосилась на Омут: трое студентов встали из-за своих места и направились следом за деканом Мунлесом.

– Что за червь в банке у Малиса? Вы что-то знаете о разработках Омута?

Двое профессоров также обратили взгляды на мрачную компанию тайного клуба.

– Боюсь, что декан Мунлес не делится своими разработ-

ками в Омуте с другими преподавателями, – вздохнула профессор Орэлла, – это тайна только самого Омута и ректора Лорда Сееры. Ну, судя по виду, это новый слизень. Не видела ничего подобного в Перекрестках. Впрочем, я не советую вам соваться в это дело, ребята. Делайте то, что должны. Если залезть в Омут... можно и не выбраться. Или даже пострадать.

– «Пострадать»? – переспросила Эш.

– Мы знаем лишь о том, что там ведутся проекты, особо опасные для жизни, – ответил профессор Саг.

– Именно поэтому они забрали себе моего осьминога! Он у меня был... очень опасным! Он не выходил несколько дней из фазы агрессии!

Саг и Орэлла мрачно переглянулись.

– Я считаю, что подобный поступок декана недопустим, – высказалась Орэлла, – он не имел права отнимать у студента проект и присваивать его своим тайным разработкам. Он даже не является твоим наставником, чтобы так поступать. Мунлес воспользовался властью, которая имеется в его распоряжении. И без ректора тут не обошлось, конечно. Впрочем, Эш, не обращай на это внимания. Это значит только одно: твой проект впечатлил руководство Академии настолько, что они не сдержались и украли его у тебя. Поэтому не переживай об этом ни минуты. Уверена, что с новым образцом все получится также успешно.

– Да, профессор. Я буду стараться. Обещаю.

Омут прошел мимо них. Малис держал в руках банку с черным слизнем. Он, Кроу и Эрис косо поглядывали на Мелиссу, Эш и Винтера. Омут считал их своими прямыми конкурентами и радовался каждым ослаблением позиции со стороны противника. Винтер потерял проект. У Эш его нагло отняли. А Мелисса занималась защитой труда шахтеров, что шло вразрез с политикой Академии. Именно по этой причине Мунлес так яростно «атаковал» студентов перед сроками сдачи проектов.

– Возвращайтесь к работе, ребята, – велел им профессор Саг, – ее у вас сейчас предостаточно. Мы с профессором Орэллой сегодня же ходим к ректору и попросим новый образец. Удачи вам.

Распрощавшись с профессорами, троица вернулась за свой стол. Мелисса закрыла стеклянную книгу, обдумывая свои мысли.

– Вы есть хотите? – поинтересовалась Эш. – Что у нас сегодня?

– Только салаты из водорослей с мидиями, – ответил Винтер.

– Ох... опять эти мидии! Каждый день! Да сколько можно?!

Потом двое друзей обратили на молчаливую Мелиссу, погруженную в свои мысли.

– О чем задумалась, Мелисса? – спросил у нее Винтер.

– Омут. Хочу погрузиться в него с головой и узнать все

его темные секреты.

Глава 2. Война началась

– Присцилла!

Эвр увидев, обезглавленное тело, бросилась к нему. Отбросив розовый зонтик в сторону, она упала на колени. Ее пальчики в белых перчатках с дрожью потянулись к иссохшей шее, облитой запекшейся черной кровью.

– Нет... нет...

Синяя пещера усыпана окровавленными трупами сов, изрезанных и искромсанных на куски. Перья. Кровь. Отрубленные головы.

Некогда громадные крылья Присциллы обратились в тонкие обломки из костей, обтянутые черной кожей – перья осыпались.

– Как им это удалось? – ужаснулся Алойш, увидев жуткое зрелище.

Вилиамонт Гринштейн, оставаясь в инвалидном кресле, крепко сжал пересохшие губы и процедил:

– Они нашли их...

Эвристика, заливаясь слезами, извергла адский крик:

– Откуда у них мечи?

В пещере повис звенящий стон.

– Где они взяли проклятые мечи?

Эвр с гневом ударила кулачком о каменный пол. Девочка обернулась и злобно взглянула на Вилиамонта, пыхтя, как

бык на корриде.

Вилиамонт поймал себя на мысли, что никогда прежде не видел такой злости и столько ярости в глазах своей верной соратницы. Эвр хочет убивать. Он видел это желание в ее взгляде, полном жажды мести.

– Клинки были утеряны, – проговорил, заикаясь Алойш, – они не могли... невозможно...

Но у Вилиамонта нашелся ответ на загадку:

– Старая карга... – прошипел он.

Алойш сглотнул:

– Кама?

– Гадкая старуха! – рывкнула Эвр. – Это все из-за нее! Она дала им чертовы мечи! Она подсказала им, как пробраться сюда! Это все она! Их руками она сгубила нашу Присциллу!

Эвр подползла на коленках к отрубленной голове Присциллы, взяла ее в руки и подняла перед собой.

– Бедняжка...

Лицо Присциллы обезображено – худое, вытянутое, с длинными расплавленными глазницами, залитыми черной смолой, кровью.

– Мы будем помнить тебя всегда, дорогая.

Эвр подалась вперед и наградила мертвую треснутую, словно стекло, щеку поцелуем.

– Алойш, – Вилиамонт заговорил в приказном тоне, – с Камой разберешься ты. От этой дряблой перечницы необходимо избавиться как можно скорее.

– Слушаюсь, – кивнул Алойш в ответ.

– Но сперва... город.

– Перламутр-Бич? Вы уверены?

– Медлить нельзя. Этот город должен стать нашим в ближайшие дни.

Эвр это обрадовало. Она оставила голову Присциллы рядом с телом, подняла зонтик и вскочила на ноги.

– Это мне нравится!

Вилиамонт ответил торжествующей улыбкой и добавил:

– Они первыми начали войну против нас. Настал момент, когда мы должны нанести ответный удар и показать всем, на что мы способны. Очень скоро Перламутр-Бич встанет перед нами на колени. И мы станем его единственными владыками.

Вилиамонт сделал мягкий пасс рукой в сторону мертвого тела Присциллы – зажегся огонек. И вот уже язычки пламени охватили изуродованный труп. Струйки огня расплзлись в разные стороны, задевая и поджигая мертвых сов.

Пещера занялась алым пламенем.

– Алойш, твой черед настал. Делай то, что должен.

– Да, милорд.

– Пришло время перейти к новой фазе.

– Энтони! Энтони!

Прижимая доску для серфинга к груди, он огляделся по сторонам. Перламутровый Пляж в разгар сезона всегда переполнен туристами и отдыхающими.

Бесконечные шезлонги, пляжные бамбуковые коврики, зонтики, шлепанцы, солнечные очки, маски с трубками, кремы от загара, панамки и разноцветные пляжные полотенца.

– Энтони Эрнандес! Я здесь!

«Где Миса? Черт! Ничего не вижу! Слишком много людей».

Он крутился на месте, топчась босыми ногами по горячему белому песку.

– Миса!

– Энтони!

– Где ты?! Я тебя не вижу!

Он тупо глядел во все стороны, пытаясь отыскать свою девушку среди загорающих дамочек, мускулистых пловцов, любовных парочек, играющих детей и заботливых бабушек, стоящих рядом с ними.

В ушах звенел легкий блюз, порой своей громкостью заглушающий шум морских волн.

– Я здесь!

На него напали сзади: так неожиданно и внезапно. Энтони подпрыгнул на месте и выронил синий серф с изображением дельфина из рук.

Позади раздался звонкий смех Мисы:

– Дурашка! Ты чего такой пугливый?

Он смотрел на Мису. Она стояла перед ним и ласково улыбалась. Миса подалась вперед, чтобы поцеловать его, но Энтони... сделал шаг назад.

– Что?

Миса тупо уставилась на него.

– Энтони, ты в порядке?

Он не ответил.

– Ты чего, милый? Все хорошо?

Она сделала шаг вперед. Он – шаг назад.

– Энтони... ты меня пугаешь! Что с тобой?

Она протянула ему руку.

– Пойдем. Самое время сделать заплыв. Большая волна вот-вот уйдет. Ты же хотел покататься на пене.

Снова шаг вперед.

Энтони не двигался и не отвечал.

– Ты чего завис? Энтони!

Миса уверенно выставила руки в его сторону, чтобы коснуться его плеч. Энтони ушел назад. Еще шаг. И еще.

– Энтони?..

Миса обиженно остановилась.

По ее глазам струились слезы.

– Ты чего уходишь от меня? Почему? Я тебя обидела?

Она вытерла намокшие глаза ладонью.

– Я и так одна. Каждый день. Ты меня совсем не ищешь!

Мгновение – и Перламутровый Пляж опустел. Только белый песок. Море. И солнце, уходящее в закат.

– А я тебя, знаешь ли, жду. Дожидаюсь. Когда ты придешь ко мне? Где мой Энтони? Когда он спустится на дно?

И последнее слово разнеслось эхом в его ушах: «...на

дно».

– ...на дно. Энтони!

И песок стал жидким, как вода. Энтони разом провалился. Земля ушла у него из-под ног. Он плыл в песке, как в воде. И Миса плыла рядом с ним.

– Энтони! Помоги мне! Меня что-то схватило!

Он бросился к ней.

Он должен спасти ее!

Еще раз!

А потом Миса застыла. Ее глаза расширились. Ее тело приподнялось над уровнем песка и замерло.

– Энтони...

Она смотрела ему прямо в глаза, когда... когда ее тело ушло на дно. В воздухе взорвался алый всплеск, и песок окрасился кровью.

– Миса! – он закричал.

Но ее больше нет. Она ушла на самое дно.

– Миса! Где ты?

И Энтони ощутил, как начинает уходить на дно окровавленного песчаного моря.

– Не помешала?

Энтони открыл глаза.

Он лежал в своей постели. Белье промокло.

«Проклятье!».

Энтони повернулся в сторону двери и встретился взгля-

дом с Айс.

– Прости, не хотела тебя будить. Твой дядя попросил проведать тебя.

– Ничего, Айс. Ты меня не разбудила. Впрочем, хорошо бы, если разбудила...

– Опять кошмары?

Энтони знал, что ей не нужен его ответ.

– Который час? – спросил он.

– Уже... полдень. Да, полдень.

– Черт! Как же долго я сплю! И чего не разбудили?

Энтони поспешил вскочить с постели и заправить ее.

– Не хотели мешать. Последние дни выдались тяжелыми для всех нас. Ты должен был выспаться.

Энтони только сейчас услышал дробь капель по окну.

– Дождь все еще идет?

– Он и не заканчивался. Ни на миг.

После страшной бури, нахлынувшей на Перламутр-Бич, дождь продолжал идти каждый день. Каждый час. Город постепенно затапливало.

– Мы будем ждать тебя внизу. Я передам, что ты проснулся, – сообщила Айс.

– «Мы»?

– Ну да, сегодня же собрание. Все уже здесь.

– Ах, черт! Собрание! Я мигом, Айс! Только умоюсь и сразу спущусь!

– Хорошо-хорошо, не торопись. Мы только сделали чай.

И Айс вышла в коридор, оставив Энтони одного.

Энтони, закончив заправлять постель, надел домашние шорты и футболку. Он прошел в ванную комнату, чтобы умыться. Открыл холодную воду, посмотрелся в зеркало и схватился за расческу.

Приведя в порядок волосы, Энтони умыл лицо холодной водой и услышал:

– Энтони...

Он тут же отпрянул от раковины.

Лицо Мисы крутилось в струйках воды, стекающих в слив раковины.

– Верни меня...

Ее голос звучал у него в голове. Каждый раз, находясь рядом с водой, Энтони начинал видеть отражение Мисы.

В ужасе Энтони перекрыл воду, чтобы не слышать голоса мертвеца.

– Опять...

Энтони вытер лицо полотенцем и перевел дух. Он никому не говорил о новых видениях. Они появились сразу после похорон Мисы. Энтони боялся даже думать о том, что с ним происходило. Ни Скальду, ни дяде, ни Айс он ничего так и не рассказал.

«Миса зовет меня. Почему? Она еще жива? Я видел... ее труп... ее уже не вернуть».

Но другая часть сознания твердила обратное: «Ее тело мертво, но душа... быть может, на дне Сапфирового моря».

найдется способ возродить ее душу в новом теле? Кто-то должен... мне помочь».

Покинув ванную комнату, Энтони спустился на первый этаж в обеденный зал. Айс права: собрались все. Дядя Альбедро, Айс, доктор Скальд Серпентес, Элеонора ван Касл, Хоакин Мартинес, Матео и Беатрис. На столике в углу лежал кейс с мечами-семиотиками, принадлежавшими Ордену Печатей. Сверкающие мечи, сотворенные из зачарованных светящихся символов. С их помощью можно закрывать Проходы, ведущие в другие измерения. Таким мечом Скальд лично убил Присциллу Пирс, одну из Призраков Перламутра – Лиги, пытающейся захватить город.

– Всем привет, – поздоровался Энтони со всеми.

– Пришел-таки, соня, – хмыкнула Беатрис.

Остальные радостно поприветствовали Энтони, довольные, что он наконец присоединился к их компании. Энтони сел за стол рядом с Матео и Беатрис. Дядя Альбедро приготовил всем чай, выложил в миску сырны крекеры, мятные вафли и конфеты.

– Угощайтесь, друзья. Продуктов у нас немного, а до магазина все никак не доберемся.

– Удивительно, что Перламутр-Бич продолжает жить прежней жизнью, несмотря ни на что, – задумался Матео.

– Но многие уже покинули город, – подметила Элен, – мэр еще не объявил о массовой эвакуации, но кое-кто сам понимает, что здесь стало небезопасно.

– А что Людо Ксавьер? – поинтересовалась Беатрис. – Есть какие-то новости?

– Полиция патрулирует город, – ответил Хоакин, – оперативные группы продолжают устранять беспорядок после бури. Это лишь короткое затишье. Мы не можем оставаться в стороне и просто ждать, когда Лига нанесет новый удар. Пришло время ударить первыми.

– Ты прав, – кивнула Элен, – нужно действовать сейчас, если хотим опередить их. Альбедро, что ты думаешь?

Все уставились на дядю Энтони, словно он был самым главным в их компании. Альбедро поставил чашку с чаем на стол и бросил короткий взгляд на племянника.

Энтони мысленно посылал дяде сигнал: «Пора сражаться!».

– Если мы хотим выяснить, что случилось, то необходимо обратиться к самому источнику всех бед, – высказался Альбедро.

– Проход? – догадался Скальд.

– Верно, доктор Серпентес.

– Если он на дне моря, то я готова спуститься и все проверить, – вырвалось у Айс, – только скажите, где он.

Энтони занервничал. Он тоже захотел спуститься на дно, чтобы...

«...узнать, кто убил моих родителей».

«И вернуть Мису».

– Энтони, – дядя неожиданно обратился к нему, – не при-

несешь ли ты нам свою карту Сапфирового моря?

– Эм-м... Да, сейчас!

Энтони мигом встал из-за стола, сбегал на второй этаж в свою комнату и взял из шкафчика старую карту, которую сам же когда-то составил. На ней он поделил все Сапфировое море на определенные зоны, имевшие буквенные и цифровые названия.

Вернувшись вниз, он передал карту дяде и сел на место.

– Спасибо, Энтони. Итак, посмотрим-посмотрим... если мне не изменяет память, то...

Альбедро поправил очки и начал водить указательным пальцем по карте.

– Путь к Проходу лежит через ущелье, которое находится где-то... здесь!

И палец застыл.

Энтони подтянулся к карте и ужаснулся – зона «Б-пятьдесят один».

– Миса погибла совсем рядом, – сорвалось с его губ, – мы были на границе зон «Б-пятьдесят» и «Б-пятьдесят один», когда это случилось. Значит, монстр вышел из ущелья? Из ущелья, которое отведет нас к Проходу?

– Помните, как Мэтью Симонс сам нам говорил, что корабли пропадают в этой зоне? – вспомнил Матео. – Теперь понятно, в чем дело.

Энтони заметил, как доктор Скальд покосился на столик с крапивными рубашками, позволяющими дышать под водой

и кейсом с клинками-семиотиками. У них есть только три рубашки. И три меча. На дно отправятся трое и...

– Я пойду! – Энтони обогнал Скальда.

– Только со мной! – тут же сорвалось с губ доктора.

– Эй-эй-эй! – воскликнул Хоакин. – Ребята! Вы только что вернулись со дна Колодца.

– И успешно победили врага, – добавила Айс, – я не против, чтобы наша троица снова воссоединилась для нового дела.

Но с такой расстановкой фигур согласились не все.

– Энтони, не смей! – Беатрис сорвалась на него. – Ты еще слишком слаб, чтобы сражаться. Тебе нужно отдохнуть. И сколько можно подвергать свою жизнь опасности?! Мы с Матео очень за тебя переживаем! Может, возьмешь нас?

– Я достаточно отдохнул, Беа, и я не могу взять вас с собой. Скальд и Айс были там. Они знают, что это такое. Они знают, как пользоваться мечами. И я... я пойду с ними. Я должен узнать правду... о своих родителях.

И на этих словах Энтони взглянул на дядю, ожидая от него решения.

– Но в этот раз я буду просить разрешения у тебя, дядя. Если ты скажешь остаться, то...

– Альбедро, – произнес Хоакин, – помни, о чем мы говорили с тобой. Энтони твой...

– Племянник, да, Хоакин, спасибо, что напомнил.

Энтони с нетерпением ожидал ответа от дяди. В прошлый

он убежал вместе с Айс, чтобы спасти Скальда. Альбеде сам его отпустил, но тогда это решение было скорее спонтанным. Альбеде поставили перед выбором. Сейчас же Энтони не хотел заставлять своего дядю переживать этот момент вновь.

– Для начала я хочу, чтобы мы определились с целью погружения, – начал Альбеде, – прошло семь лет с того момента, когда я, Элен и Хоакин были там в последний раз. В тот день все переменялось. Аладар и Лиана отправились закрывать Проход, но что-то пошло не так. Если щель между мирами продолжала существовать все эти годы, то кто знает, что из нее вышло? Я не хочу рисковать. Никем из вас. Но я согласен с тобой, Энтони. Скальд и Айс хорошо показали себя в бою. Я им полностью доверяю. Мы снабдим вас не только семиотиками, но и жемчужными револьверами. Они устроены хитро, так что выстрелят даже под водой. Но я очень бы хотел, чтобы все это вам не пригодилось. Мы не знаем, с чем имеем дело. Задача этой экспедиции будет одна – узнать, что случилось на дне за ущельем. Просто посмотрите. Развейте обстановку. И ни во что не вмешивайтесь. Если почувствуете малейшую опасность – поднимайтесь, возвращайтесь на поверхность. Слышите? Вместе мы придумаем, как справиться с новыми проблемами. А сейчас цель одна – просто узнать, что там. Мы договорились?

Альбеде серьезно посмотрел на Скальда и Айс. Те переглянулись и ответили согласными кивками.

– Можете на нас рассчитывать, Альбеде, – сказал Скальд.

– Помните я обещала вам, что Энтони вернется? И он вернулся. Думаю, я справлюсь с этой задачей еще раз.

– Очень на это рассчитываю, Айс.

И Альбедро наконец посмотрел на племянника.

– Энтони.

– Да, дядя, мы вернемся, как только...

– Обещай, что не станешь искать там проблем на свою голову. Обещай мне, что не станешь гоняться за правдой, которую ищешь. Это слишком опасно. Я помогу тебе найти ответы. Мы сделаем это вместе. Твой отец был моим братом все-таки. И я тоже хочу узнать, что с ними случилось семь лет назад. И я не хочу, чтобы ты действовал необдуманно. Не бросайтесь в бой, если это не требуется. Обещай мне это, Энтони. Обещай, что вы вернетесь сразу, как только разведаете обстановку.

Энтони себя знает. И он знает, как его тащит... тащит дальше, чем стоило бы идти. Порой он не может остановиться. Если видит цель – идет к ней до конца.

– Да, дядя, обещаю. Только туда и обратно.

Глава 3. Погружение

Он появился на фонтанной площади незаметным для всех. Фонтаны не работали. Люди в серых и черных костюмах, мужчины и женщины, прятались от дождя и ветра под серыми и черными зонтами. Они спешили, а потому не заметили его появления среди них.

Босыми ножками он ступал по мокрому асфальту. Ему понравился парк: много фонтанов, много лавочек, деревьев, с которых порывы ветра сдувают слабую листву. Растительность в Перламутр-Бич не привыкла к таким низким температурам. Деревья и цветы нежные, чувствительные к холодам. А потому такая пасмурная погода, ветер и холодный бесконечный морозящий дождь сказывались на них губительно.

– Мальчик, ты не заблудился?

Он услышал голос незнакомца за спиной и остановился.

– Ты потерялся? Где твоя мама? Сейчас всем велено быть дома. Я помогу тебе...

– Нет, – отрезал он в ответ.

Даже не поворачиваясь к мужчине лицом, он знал, что тот сейчас замер в изумлении. Умолк, не в силах произнести ни слова.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи.

И Алойш развернулся к незнакомцу, стянув белый капю-

шон.

Выражение неистового ужаса застыло на лице мужчины. В его глазах летал лишь страх, с которым он не мог справиться.

Алойш улыбнулся и... заплакал.

Слезы Белой Смерти сделали свое дело: время замерло. Пространство вокруг изменено. Можно действовать.

Белый плащ Алойша растекся за его спиной. Белая субстанция собралась в несколько толстых сгустков, превратившихся в щупальца. Одно такое белое щупальце, растущее из спины Белой Смерти, ударило в лицо мужчины, желавшего ему помочь. Плотная жидкость заковала его голову в непроницаемый белый шлем и поползла вниз, пропитываясь сквозь одежду, покрывая кожу и все тело.

Когда же не осталось ни единого кусочка кожи под одеждой, не пропитанной жидкостью Алойша, мужчина пришел в полное его подчинение.

Алойш осмотрелся: вокруг еще много людей. Мужчины, женщины, старики и даже дети.

И он пустил остальные щупальца в их стороны. Пять. Десять. Двадцать. Пятьдесят. Во все стороны от Алойша тянулись пути белой ткани, каждая из которых охватывала одну жертву. Все, кто находились в фонтанном парке в этот момент, стали его армией. Отныне они все принадлежат лишь Алойшу.

Алойш щелкнул пальцами, и в трубах фонтанов зажурчала... не вода. Наружу вырвалась его субстанция вместо воды.

И площадь окрасилась молочными брызгами.

Безликие люди с белыми масками-шлемами, лишённые воли и чувств. Все они – его рабы и слуги до самой его гибели.

– Вас предупреждали. Перламутр-Бич уже никогда не будет прежним.

– Нужно эвакуировать жителей города, – заявила Элен, – ситуация критическая. Мы не можем медлить. Если будет война...

На этом слове Элен оборвалась. В комнате повисла напряжённая тишина.

Беатрис и Матео мрачно переглянулись. Они никогда не сражались с рыбоедами, не держали в руках семиотиков, не были Печатями, не убегали от семеек-рыбоедов, не видели жуткие видения сов Присциллы. Они были простыми людьми, желавшими лишь безопасности себе, своим родным, друзьям. Безопасности самой жизни.

Хоакин Мартинес взял Элен за руку и успокоил:

– У меня есть номер Ксавьера. Я сейчас же ему позвоню.

Элен ответила дрожащим кивком, стараясь взять себя в руки.

Хоакин взял телефон и вышел из-за стола в угол комнаты.

– Я договорился с Мэтью Симонсом, – в зал вошёл Альбе-до, – он сказал, что доставит вас в зону «Б-пятьдесят один». Но сначала нам придется разрушить часть невидимого ба-

рьера.

– Полагаю, семиотики с этим отлично справятся, – ответила Айс, – разрушим один из столбов, и тогда часть барьера будет снята. Никто же ничего не заметит? Стена же невидимая! Это позволит нам выйти в море и... вернуться.

Альбедо кивнул в ответ Айс, но в это время смотрел на своего племянника. Энтони тем временем оговорился со Скальдом о предстоящей миссии.

– Почему ты мне не говорил? – Скальд пожалел, что произнес это слишком громко.

Он испугался, что кто-то может услышать их разговор.

Только что Энтони поделился со Скальдом секретом, о котором еще никому не говорил. Он видит Мису в воде. В отражении.

– Мне страшно, Скальд.

– Давай не здесь, Энтони, – он прошептал в ответ, – под водой... нас никто не услышит.

Энтони поджал губы и кивнул.

Когда они вдохнут воду и окажутся в толще моря, на глубине, то смогут говорить обо всем, о чем другим лучше не знать. Между Скальдом, Энтони и Айс не было секретов. И быть не должно. Скальд понимал, что только открытость и честность друг с другом помогает им выживать снова и снова.

– Выйти на улицу? – громко произнес Хоакин Мартинес, не бросая трубку, – что вы хотите этим сказать? Барьер?..

Все присутствующие уставились на Хоакина.

– Город... оккупирован?..

Хоакин бросился к выходной двери. Остальные резко повскакивали и побежали за ним.

Хоакин вышел на улицу, сделал пару шагов и застыл, направив взгляд в глубину города.

Скальд, оказавшись рядом с ним, застыл на месте. Вдали, у самой черты города, возвышалась белая слоистая стена, уходящая в серое небо.

– Алойш... – произнесла Айс.

– Они перешли в наступление, – сказал Альбедро.

– Дело плохо, – Элен сложила руки на груди, – город отрезан. Из-за этой стены никто не сможет выйти и...

– Армия не сможет нас спасти, – это сказал Хоакин, когда бросил трубку и закончил разговор с Людо Ксавьером, – Ксавьер сказал, что уже потерял нескольких своих людей. Каждый, кто касался стены, растворялся.

– «Растворялся»? – переспросила Беатрис. – В каком это смысле?

– Будто их тела... таяли. Они становились частью этой стены. Этот барьер нельзя преодолеть. Армия не может нам помочь. Никто не может войти в город так же, как и выйти из него. Лига взяла Перламутр-Бич в свой плен. Мы в ловушке. Единственный выход – море.

Море, полное тайн и опасностей.

Море, из которого исходит все то зло, что насаждает на го-

род.

– Значит, нам придется убить Алойша, если хотим снять стену, – предположила Айс, – это единственный выход.

Высокая белая стена, лишенная всяких границ. Она не прочная и не твердая. Она водянистая. Словно соткана из водяной ткани. Переливается и струится, как текучая вода.

Молочная стена, отрезавшая их от остального мира.

Элен сглотнула и добавила:

– Война началась.

– Не смейте этого делать.

Скальд завис с белым халатом в руках, который собирался повесить на спинку стула.

– Лита, я...

– Не надо, доктор Серпентес... не поступайте так со мной...

Скальд тяжело выдохнул. В кабинете находились лишь он и Лита. Скальду предстояло явиться через полчаса в «Глубоководье», где все соберутся, чтобы проводить их в путь.

– Лита, это просто одно погружение. Мы только посмотрим и...

– Как же вы не понимаете... доктор Скальд, в прошлый раз, когда вы были в плену у этой ведьмы Присциллы, у меня чуть сердце не разорвалось! Понимаете? Я так за вас переживала... а теперь вы хотите отправиться на глубину, где погибают люди. Где царит тьма. И смерть.

– Лита...

Стоило ему повернуться к ней, как она выпустила истошный крик:

– Останьтесь! Прошу вас! Не уходите, доктор Скальд! Пусть на дно пойдет кто-то другой, но не вы! Вы нужны мне, доктор! Я не справлюсь! Я не знаю, что буду делать, если с вами опять что-то случится! Если вы... пропадете...

– Я вернусь, Лита. Обещаю. Просто верь мне...

– Нет, доктор Серпентес, не в этот раз... я не могу просто так вас отпустить... я сама готова взять этот чертов меч и пойти на дно, но не вы...

– Лита...

Она заливалась слезами. Как только он сообщил ей о своем решении спуститься на дно морское, Лита погрузилась в панику. Она заплакала и принялась всячески отговаривать Скальда отправляться в запланированное путешествие.

– Замолчите, доктор! Замолчите! Я так больше не могу! Вы подвергаете свою жизнь опасности каждый день, сражаясь с этими тварями. Неужели вам оно надо? Неужели это не может сделать кто-то другой? Неужели вы не можете отойти... в сторону?

Он и сам думал об этом, но ответ находился слишком быстро. Один простой ответ на все вопросы – Нат.

«Я должен узнать, где мой Натаниэль».

Именно с этой целью он делает все это. Энтони отчаянно пытается раскрыть тайну своих видений Мисы в воде. По-

этому он решил погружаться с ними. Айс... у Айс есть причины отомстить злу за то, что оно отняло у нее Шона. И в своей мести она зашла далеко – поздно отступать. Она ввязалась в борьбу, накрывшую ее ураганом.

– Лита, ты же знаешь, что не могу...

– Скальд!

Она впервые за долгое время назвала его по имени. Лита вскочила и подлетела к нему. Она вцепилась своими пальцами в край рубашки и посмотрела заплаканными глазами в его лицо.

Ее же лицо покраснело от слез.

Они так и застыли в центре медицинского кабинета с белыми стенами. Здесь, в этой комнате, они изо дня в день сражались за здоровье и жизни пациентов. Терпели удачи и поражения. В этой самой комнате Скальд потерял Силисту, которую унес Алый Вопль. И думал, что потерял Натаниэля, но в последние дни его одолевают сомнения.

«Нат может быть жив».

И не прошло и дня, когда бы Скальд не цеплялся за эту мысль. Он гнал себя за ответами. И Лита, эта милая девушка, ставшая его верным другом и напарником, не остановит его.

Идти наперекор друзьям всегда сложнее.

Особенно, если эти друзья...

– Я люблю вас, Скальд.

Он ничего не сказал. Не мог сказать.

Лита потянулась к нему на носочках. И ее соленые губы

слегка коснулись его сухих губ.

Она не отводила глаз от его лица. И покорно ждала реакции.

Скальд взял ее за руки и присел, чтобы смотреть на нее снизу вверх.

– Лита...

– Простите, – она поджала губы.

– Нет-нет, не извиняйся.

Он не знал, что говорить.

Скальд никогда не видел этого, ее любви. Неужели, она все это время так глубоко и крепко держала в себе свои чувства?

Он не видел ни намека.

«Неужели я был так слеп?».

«Или она меня шантажирует?».

– Лита, послушай. Мой сын, Нат. Он может быть жив. И я готов пойти на дно морское, чтобы узнать это. Понимаешь? Я не могу оставаться на суше. Ни дня. Ни часа. Погружение вот-вот случится, и я должен быть там. Я должен уйти под воду и найти на глубине ответы. Я этим живу. Семь долгих лет, Лита. Ты это знаешь. Это большой срок. И ты прожила его вместе со мной.

– И мои чувства вас не остановят? Я люблю вас, Скальд. И не хочу терять...

– Прости, Лита. Твои чувства, они...

– Ничего для вас не значат.

«Проклятье! Что ей сказать? Как... вести себя?».

– Можете ничего не говорить, доктор Серпентес.

– Лита, я...

– Вы всегда любили только ее. И после смерти вы верны только ей. Теперь я в этом убедилась. Вы – однолюб, ведь так? Только Силита, единственная женщина, имеет для вас значения. И другую вы не примите. Тем более такую, как я. Правда ведь? Зачем я вам? Молодая и глупенькая девочка, медсестра, которая влюбилась в своего доктора. Разве не банально? Недавно я поняла, что жизнь состоит из череды банальностей, как бы сильно мы ни бежали от них. Все повторяется. У всех. Раз за разом. Одно и то же. Это и есть жизнь. Я люблю вас, доктор Серпентес. И это ничто не может изменить. Я просто не хочу вашей смерти. Я не прошу вашей любви, доктор. Только жизни. Вашей жизни. Не умирайте. Только не умирайте.

– Лита...

Скальд поднялся на ноги и, недолго думая, обнял девушку. Сначала ее руки просто висели, но затем она подняла их и опустила ладони ему на спину. Скальд почувствовал клубничный запах ее духов. Его любили. И с этой мыслью стало тяжелее. Все это время Лита была влюблена в него, а он ничего с этим не сделал.

– Я вернусь домой, обещаю, Лита.

– Я должна попытаться еще раз...

Она смотрит ему в глаза.

– Вы уверены?

Конечно, Скальд не изменит своего решения.

– Да, Лита уверен. Мне пора.

Лита подалась вперед и одарила его легким поцелуем в щеку.

– Простите меня, доктор. Простите за это...

– Нет-нет, все хорошо, Лита. Мы еще поговорим. Я обещаю. Но сейчас я должен уйти. Скоро вернусь. Это место...

Скальд осмотрел кабинет.

– Ему нужен хранитель. И ты отлично справляешься с этой ролью. Позаботься о кабинете, пока меня не будет, ладно?

Она ответила неуверенным кивком.

– До встречи, Лита. Мы не прощаемся.

– Конечно, доктор, конечно...

Скальд накидывает пальто и покидает клинику, оставляя Литу наедине с ее чувствами.

– Энтони!

Беатрис и Матео не могли отстать от него. Они не переставали его крепко обнимать, не отпуская Энтони от себя ни на шаг.

– Ребята-ребята, мы же не навсегда с вами прощаемся, – посмеялся Энтони, – я скоро вернусь – выплыву на поверхность, как дельфин. Или кит! Боже, чего это вы так, в самом деле? Я же никуда не денусь. Это не последний наш с вами

день.

Но Беатрис уже не могла сдерживать слез.

– Просто нам страшно, Энтони, понимаешь? – сказал ему Матео. – Ты-то будешь там, внизу, где всякая дрянь ползает, а мы здесь, на суше.

– И что с того? Я же скоро вернусь!

– И мы никак не можем тебе помочь. Только ждать. Не видеть тебя. Просто ждать, когда ты выйдешь из... неизвестности.

– «Неизвестности»?

– Никто ведь не знает, что там, за Ущельем. Проход или...

– А вдруг вы случайно попадете в этот Проход, и вас занесет в другой мир? – нервничала Беатрис. – А вдруг там будет тот монстр, который напал на Ми...

– Беатрис, тише-тише, успокойся. У меня есть меч. Семиотик разрубит что угодно. И со мной Скальд и Айс – они отличные бойцы. Я сам видел. Поверь. Вам не о чем переживать, правда. Мы вернемся с важными новостями. И сможем проработать стратегию нашей войны с Лигой Призраков. Верьте мне. Победа на нашей стороне.

Айс тем временем уже пронзила семиотиком один из столбов, создающих незримый щит у берега, не пропускающий никого в море и из воды на сушу. Часть барьера пала, и путь открылся. Мэтью Симонс, старый одноглазый бородатый рыбак, приготовил «Аурелию» к отплытию. В последний раз он отвозил Энтони, Матео и Беатрис в зону «Б-пять-

десять». В тот день погибла Миса. Это случилось у самого Ущелья, ведущего в иное место на дне. Туда, куда они собираются отправиться сейчас.

– Держите за нас кулачки, ребята. И заботьтесь друг о друге. Хорошо?

Беатрис не удержалась и еще раз обняла Энтони.

Потом к ним подошел Альбедро, чтобы попрощаться с племянником.

– Ты как? – спросил он.

– Порядок. И ты... совсем не будешь меня отговаривать? Еще раз?

– Ты принял решение, Энтони. И я... честно, я не хочу, чтобы ты плыл. Чего скрывать это от тебя, верно? Но я отпускаю тебя. Понимаешь?

– Это потому, что я стал взрослым?

– У тебя есть вопросы, на которые ты хочешь найти ответы. Я бы и сам не смог устоять перед этим. Вернее, я не устоял. Когда мне предложили работу в «Хароне», стать Печатью, я... не устоял. Понимаешь? Любопытство. Вопросы, требующие ответов. Все это было сильнее меня. Я лишь хочу спросить у тебя Энтони. Не хочешь ли ты мне что-то сказать перед тем, как уплывешь?

Скальд стоял в стороне рядом с Айс и внимательно наблюдал за их разговором. Он заметил мечущийся взгляд Энтони. Но тот ни слова не сказал дяде про свои видения, про Мису.

– Нет, дядя. Ничего.

– Уверен?

– Да, уверен, дядя. Правда. Я лишь хочу знать, что случилось с моими родителями. Это я моя цель.

– Хорошо.

Скальд видел, как Альбедро напряжен. Не такого разговора он ожидал.

– Да, хорошо, Энтони. Спасибо, что сказал правду. Иди ко мне.

И Альбедро крепко обнял племянника.

– Только туда и обратно, помнишь?

– Да-да, дядя, конечно!

Все было готово к отплытию. Мэтью Симонс уже изнывал – не мог дождаться отплытия, чтобы скорее преодолеть это плавание и вернуться на сушу.

Скальд, Айс и Энтони, вооружившись семиотиками и крапивными рубашками, взошли на палубу «Аурелии». Элен, Хоакин, Альбедро, Матео и Беатрис проводили их с берега, желая удачи.

– Приготовьтесь, ребятки, сейчас вас немного покачает на волнах! – бросил Мэтью.

Загремел мотор, и «Аурелия» отправилась в путь.

Берег уходил все дальше и дальше. Кучка друзей так и махала им с Пляжа. Волны сделались сильнее, и троице пришлось сесть на палубу и держаться за ручки, чтобы не выпрыгнуть за борт во время нового толчка.

Во время плавания Энтони рассказал Айс про свои видения.

– Это хотел услышать дядя, так? – догадалась Айс. – Почему ты ему не сказал?

– Не хотел... тревожить лишний раз, – ответил Энтони, – если бы он узнал про Мису, то точно бы не отпустил.

– Почему же?

– Он понял бы, что... вода зовет меня. Море зовет. Глубина. У вас... есть такое?

Скальд и Айс напряженно переглянулись. Каждый из них понимал, о чем говорит Энтони. Это началось несколько дней назад. И усилилось после победы над Присциллой.

– У меня есть, да, – призналась Айс, – это началось в день похорон Мисы. Когда мы встретились у моря, я почувствовала... тягу.

– Тягу?

– Да, оно тянуло к себе. Манило. Мне хотелось войти в воду и утонуть. Если бы не барьер, то...

– Теперь барьера нет, и мы все трое добились того, чего хотели, не так ли? – предположил Скальд. – А вернее... чего хотело море.

– Или то, что в нем обитает, – добавил Энтони.

Скальд взглянул на Маяк.

Пустая башня манила его больше, чем вода. Он помнил ту ночь, когда увидел свет на Маяке. И тогда в нем появилось необузданное желание попасть туда.

Скальд даже подумал о том, чтобы попросить Мэтью свозить их на Маяк, но это не входило в сделку. И потом... сейчас у них совсем другая миссия. Он не стал сбивать «Аурелию» с курса.

– Что-то случилось, Скальд? – Айс встревоженно смотрела на него.

Проследив за его взглядом, она наткнулась на Маяк.

– Маяк... что с ним?

– Ничего. Просто смотрел.

Айс не стала продолжать развивать эту тему, и Скальд был тому рад. Его страсть к Маяку, его тяга к башне – все это принадлежит лишь ему.

«Нужно будет попасть туда, но после возвращения».

Море сердилось. Волны шумели. «Аурелию» раскачивало. Мэтью ругался все стервознее. Ветер гудел.

– Чертова зона! Она прямо здесь, ребятки! – раздался крик Мэтью.

Скальд осторожно встал на ноги. Яхту раскачивало.

– Это то место, – огляделся Энтони, – здесь я потерял Мису. Это зона «Б-пятьдесят один».

Скальд удивился тому, насколько Энтони хорошо знаком с пространствами Сапфирового моря. Юноша мог ориентироваться в нем, как в лесу. И не заблудится.

– Уже холодно, – поежилась Айс, – и дождь идет... давайте сделаем это быстро, ладно? Я помню, как в воде становится легче.

– Ты права, – согласился Скальд, чем быстрее прыгнем, тем лучше.

Трое сняли верхнюю одежду и обувь, оставшись в зеленых рубашках и штанах.

Мэтью вышел на палубу.

– Эй! А мне чего делать? Ждать вас?

– Если не вернемся через час – возвращайся на берег.

– Целый час? Эй!

– Ладно, сорок минут. Идет? Сорок минут, и мы вернемся. Если нет – уплывай.

– Это намного лучше, чем целый час торчать среди начинающейся грозы. И что вы задумали?

Но они не ответили.

Скальд, Айс и Энтони встали к краю палубы. В руках они держали семиотики. Оставалось лишь прыгнуть в воду. Потом они умрут и воскреснут, став частью другого мира.

– Эй! А как же снаряжение? Эй! Что у вас за штуки...

Прыжок.

Скальд оказался в воде.

– Холодно! Черт!

Он недолго качался на волнах и ушел под воду – крапивная рубашка придавала веса, создавала гравитацию в воде, и тащила на дно.

Свет семиотика освещал ему путь. Он встретил под водой Айс и

Энтони. Они жестом дали понять, что все хорошо.

Оставалось выпустить воздух и наглотаться воды – красивая рубашка подарит возможность иного дыхания.

Скальд закрыл глаза и выпустил воздух из легких.

Он умер, чтобы возродиться.

Глава 4. Одд

Крапивная рубашка стала его второй кожей, когда он наконец открыл глаза. Вода заполнила его легкие и стала проводником в другой мир – новым дыханием, подарившим ему новую жизнь.

Скальда тащило на самое дно. Его тело обрело немислимый вес. Чувство мнимой невесомости в толще воды исчезло. Гравитация тянула его к земле. Правой рукой он сжимал семиотик – меч, лишенный материального клинка. Мерцающие иероглифы и символы в своей густой массе, парящей над рукоятью, создавали тонкий луч света, служивший лезвием, способным разрубить любую материю.

Меч-семиотик послужил для Скальда фонарем – источником света, освещавшим путь среди темных вод.

Рядом с ним ко дну спускались Айс и Энтони. Они уже вдохнули воду и теперь, как и он, дышали водным пространством.

– Куда мы должны попасть? – прозвучал голос Айседоры.

Скальд осмотрелся по сторонам. Он искал что-то, напоминающее ущелье.

– Куда нам, Энтони?

– Рифы. Вон там! А за ними будет то самое Ущелье, о котором говорил дядя.

– Веди нас.

Энтони поплыл вперед. Скальд знал, что он знает Сапфи-ровое море лучше, чем кто бы то ни был. Без Энтони они бы с Айс долго плутали по дну в поисках нужного Ущелья. А Энтони бывал здесь прежде. Он видел это место. В тот самый день, когда погибла Миса.

Они подобрались к источнику тьмы слишком близко.

Солнце почти не давало света. Все небо затянуто тучами, а потому свет не проходил под воду. Темно. И лишь свет клин-ков озарял путь.

Энтони привел их к рифам – радужному саду кораллов и его причудливым обитателям – рыбам всех форм, мастей и цветов.

– Как здесь красиво! – воскликнула Айс.

Скальд сам никогда не видел подобного подводного пейзажа. Он начинал понимать страсть Энтони к исследованию моря. Такая красота завораживала. Это был совсем другой, непривычный ему мир. Мир, полный тайн, красоты, загадок и смертельных опасностей.

И все это сочеталось здесь, под водой. На дне морском.

Троица проплывала мимо рифов. Стайки красочных блестящих рыбок обходили их стороной. Кто-то прятался среди розовых водорослей, кто-то укрывался за густыми кораллами. Морской конек любопытно выглядывал из-за большой раковины.

– Матео занимался фотографией, – произнес Энтони, – все снимки, которые висят в галерее «Первой Лагуны», сде-

дал он сам.

– Это же восхитительно! – воскликнула Айс.

Но даже сейчас Скальд ощущал ту страшную опасность, которая таилась за всеми этими прекрасными рифами.

Ущелье.

Они приближались к нему.

Темная подводная пещера. Один вход, один выход. И назад пути нет. Когда они войдут во мрак – останется плыть только вперед.

Энтони перестал плыть и позволил крапивной рубашке опустить его на самое дно – встать ногами на землю.

Скальд сделал также.

– Вот оно, Ущелье, – указал Энтони мечом на скалу с черной дырой внутри.

– Нам туда? – ужаснулась Айс.

– Я полагаю, то чудовище, убившее Мису, вырвалось отсюда.

Скальд сделал два осторожных шага вперед, к пещере. Он обошел стороной Энтони, оставив его за собой. Скальд вытянул руку с клинком, освещая вход. Ничего примечательного – только каменная серая порода.

– Идите за мной. Я пойду первым.

Возражать не стали.

Скальд дал знак друзьям взглядом, что готов идти. Он развернулся к пещере и выпустил воду из легких. Наполнив свой организм соленой водой вновь, он крепче сжал рукоять

магического меча из иного мира, и сделал шаг внутрь Ущелья.

Проход оказался узким и извилистым, как тело миноги. Никаких развилок и перекрестков. Тонкий змеевидный туннель. Коридор то расширялся, то сужался. Путникам приходилось даже плыть, а не идти, чтобы протиснуться в узкие фрагменты пещеры и щели.

– И как огромное чудовище пролезло через такие узкие ходы? – не понимала Айс.

– Возможно, оно могло сплющиваться или как-то менять форму тела, чтобы проходить через такие места, – предположил Энтони.

Скальд понятия не имел, как могло выглядеть то чудовище, убившее Мису, но он вполне ясно смог представить себе, как тварь с щупальцами, напоминающая кальмара, могла протиснуться через узкие ходы. Это обстоятельство не было для него удивительным, а скорее понятным и очевидным.

– Клаустрофобам здесь точно не место! Кошмар, как же тесно... и никакого света! Если бы не клинки... ох! – пожаловалась Айс.

Скальд протиснулся через узкую щель. Следом началась широкая ампула пещеры. Здесь он смог даже опуститься на колени, чтобы проползти дальше. Но потом проход снова сужался. И вновь им придется плыть, ютясь меж каменных стен, окутывающих их, словно кокон, со всех сторон.

– Сколько там еще, Скальд? – раздался голос Энтони.

Но Скальд и сам не знал. Он не видел ни конца, ни края этой пещеры.

– Не знаю, Энтони, не знаю.

Скальду оставалось лишь надеяться, что не случится никакого обвала. В этом Ущелье можно запросто оказаться в ловушке и умереть.

«Лишь бы это было то самое Ущелье, и мы не ошиблись. Энтони не ошибся».

И вот в конце узкого прохода Скальд заприметил синий свет.

– Выход!

– Что? – переспросила Айс. – Ты сказал то, что я так ждала услышать?

Скальд проплыл еще немного вперед: огни. Их встречали желтые огни!

– Да, Айс, это выход. Мы добрались.

– Наконец-то! А то мне этот путь стал казаться бесконечным.

И чем ближе Скальд подбирался к выходу, тем сильнее росло внутреннее напряжение. Он не знал, чего ожидать на той стороне. Что они увидят? Куда попадут? Что ждет их там, куда не ступала нога человека с поверхности уже семь лет?

Проход в иной мир? Руины лаборатории «Харон»?

Скальд помогал рукой, отталкиваясь от стен пещеры, пробираясь к самому выходу. Путь через Ущелье оказался

неприятным и трудным. Он то полз, то крался, то извивался словно уж, проплывая через узкие коридоры.

И вот, когда его тело выскользнуло из каменного рта, перед Скальдом открылся вид на совершенно другой мир... мир, о котором он даже не подозревал.

Следом за ним вынырнули Айс и Энтони. Как и Скальд, увидев немыслимое зрелище перед собой, они застыли. И тела всех троих потащило на дно. Так вышло, что они выбрались из огромной скалы, на вершине, а весь мир лежал внизу, под ногами.

– Что это за место? – покачала головой Айс.

– Твой дядя ничего не говорил про это, – вставил Скальд.

– Я... я думаю, он и не знал... – замешкался Энтони.

В окружении высоких подводных скал и пещер простила-лась подводная равнина с возведенным на ней настоящим подводным городом.

Одноэтажные домишки и улочки – витиеватые дорожки и перекрестки – построены из деревянных обломков затонувших кораблей. Вот мачты – бревна. А вот и целые части корабля – «нос» – послуживший для кого-то домом. В домишки вели простые деревянные дверцы. Кроме домиков из кораблей здесь были чудные постройки из огромных блестящих раковин с вырезанными в них брешами для окон и дверей. А также дома из гигантских кораллов, с крышами из копны водорослей. Город жил, как самый настоящий. Он и был настоящим. Желтые огни – светящиеся золотом рыбки

в банках, служившие для жителей города фонарями – источниками света. Как светлячки!

Откуда-то раздавалась приятная музыка. Город имел несколько ступеней и ярусов. В нижних этажах домики были преимущественно из раковин и кораллов. А чем выше – тем больше построек из досок и обломков кораблей. Особо богатые дома представляли собой целые корабли, не разрушенные. И в них тоже кто-то жил.

Блестящие золотые рыбки висели в стеклянных банках на каждом углу. Они разбросаны по всем улицам и закоулкам. Такие фонарики висели над каждой дверью в дом.

Но самой главной достопримечательностью подводного города оказалось высоченное сооружение вдали, на краю города. Огромная башня. Настоящий замок. Скальд сразу сообразил, что все сооружение сотворено из гигантского коралла. И внутренности коралла служили комнатами и залами. Величественный и немислимый замок-коралл, украшенный всеми оттенками синего и черного, возвышался над городом и уходил высоко-высоко, под самую поверхность моря. Примечательно то, что эта башня располагалась не просто на краю города, а в углублении. В кратере, проделанном в земле на дне.

«Этот кратер образовался после взрыва бомбы, открывшей Проход. Значит, портал в другой мир... на самых нижних этажах этого замка».

Над вершинами коралловых башен, словно сказочные

драконы, летали скаты всех размеров: от гигантских, подобных мифическим рептилиям, до крошечных, как колибри.

– Что же это за место? – не понимала Айс.

– Дядя никогда ничего не говорил об этом, – Энтони был растерян.

– Возможно, все это появилось за семь лет после того, как закончилась последняя битва Печатей и Призраков, – предположил Скальд, – Проход оставался открытым. И через него прошли иные существа, которые... стали обитать здесь. И самый главный из них, как я понимаю, в этой башне. Нам нужно все проверить.

– А разве Альбедо не просил не совать нос, куда не следует? – напомнила Айс. – У нас же миссия – только посмотреть. Проверить. Пора возвращаться, пока Мэтью Симонс не уплыл. Мы и так много времени потратим, пока будем пробираться через Ущелье еще раз.

Трое наконец опустили и ступили ногами на песчаное дно. Скальд и Энтони, недовольно сложив руки на груди, взглянули на Айседору.

– Это на тебя не похоже, Айс, – сказал ей Скальд, – мы только что открыли новый мир, и ты хочешь уйти?

– Конечно, нет! Но разве... нам же влетит!

Скальд и Энтони обменялись коварными взглядами. Никто из них не собирался подчиняться указаниям Альбедо и возвращаться на поверхность.

– Вы с самого начала знали, что...

Ее взгляд наконец прояснился, и она все поняла.

– Энтони, но ведь твой дядя...

– Потерпит, – оборвал он, – думаю, он будет доволен, если мы соберем об этом месте больше информации. Предлагаю зайти в город и осмотреться. Вдруг нам удастся собрать какие-нибудь сведения об этом месте и понять, что вообще здесь происходит?

– Но сперва нужно опустить мечи, не стоит привлекать к себе внимание, – предупредил Скальд, – если эти существа никогда в своей жизни не видели людей с поверхности, то мы станем для них незваными гостями. Не стоит проявлять агрессию, попытаемся договориться. Тем более мы в меньшинстве.

Айс смотрела на двоих спутников потупив взгляд.

– Серьезно? Вот так просто войдем в город?

– А у тебя есть еще идеи, Айс? – резонно парировал Скальд.

– Эм-м... нет, честно говоря, я беспокоилась о нашей безопасности, но я и сама хочу понять, что это за место. Так что я с вами. Идем. Нам не привыкать нарушать правила, правда, Энтони?

– Ага! Это всего-навсего маленькая прогулочка. Что может случиться?

Прятать семиотики было некуда. Пришлось просто опустить мечи, чтобы не показывать враждебный вид. Следуя рядом друг с другом, не отходя ни на шаг, они прошли в под-

водный город, полный жителей невообразимой внешности.

Все они напоминали причудливую помесь морских обитателей, рыб и людей в разных пропорциях, на разный манер. Большинство ходило на двух ногах и даже имело человеческий силуэт тела. Но кожа... зеленая, синяя, белая, серая, гладкая или с чешуей, с жабрами, плавниками, щупальцами. Перепонки между пальцев. Вытянутые рыбы головы. Отсутствие носов. У «женщин» – волосы-щупальца. Тонкие гладкие инопланетные тела. И глаза... желтые, зеленые, синие, красные, но почти у всех – два тонких черных вертикальных зрачка. У других – глаза рыбы, желтые с черными круглыми зрачками. Словно подводная инопланетная раса. Такими они были – жители из иных миров. Освоившиеся в мире под водой и полностью к нему приспособившиеся.

Все они ходили без одежд. И лишь у некоторых Скальд заметил украшения из жемчуга, ракушек, кораллов, блестящих камней и даже стекла. Браслеты, ожерелья, кольца, серьги. Как у диких южных племен.

Эти существа не стеснялись своих обнаженных тел. Они ходили по городу, каждый в свою сторону, как ни в чем ни бывало. И лишь изредка кое-кто с прищуром или с опаской поглядывал на чужеземцев.

Троица поднялась выше, на верхний ярус города. Здесь все дорожки деревянные. С городской площади, в центре которой возвышалась корабельная мачта, раздавались звуки музыки. Музыканты дули в раковины, стучали по ракушкам.

У них имелись даже струнные инструменты, сделанные из кораллов с натянутыми блестящими струнами.

– У них здесь весело! – подметил Энтони.

Скальд заметил, что большинство мужчин носило с собой кирки. А еще они таскали мешки. Уставшие, они словно возвращались домой после тяжелой работы.

– Нам нужен кто-то, кто сможет рассказать о происходящем здесь, – озадачился Скальд, – и главное – про эту башню. Думаю, все ответы там. И если мы хотим закрыть Проход, то должны попасть внутрь.

– Думаешь, портал в замке? – спросила Айс.

– Что-то мне подсказывает, что так и есть.

Скальд заприметил существо с рыбьей головой, лежавшего на краю площади, с пустой стеклянной бутылкой в руках.

– Пойдем поговорим с ним.

По виду полурыбы-получеловека он был слишком пьян, а потому не должен задавать много вопросов. На это Скальд и рассчитывал.

– Мы можем поговорить с вами? – заговорил Скальд первым.

– Поговорить с Джайлзом? – протянул житель-рыба. – Да... вы можете поговорить с Джайлзом! Что вы... что хотите? У меня... нет выпивки... больше нет...

И Джайлз опустил подбородок на грудь.

– Джайлз, вы можете нам рассказать про ваш город? Мы здесь впервые.

– Впервые, значит? Добро пожаловать в Одд! Ребята! Это город мечты!

– «Одд»? – переспросил Энтони. – Так называется ваш город?

– А ты не слышал? Одд – лучшая подводная провинция! Луч-ша-я! Понял меня, парень?

– А что за башня вон там? – спросила Айс. – Похожая на коралл...

Джайлз икнул. Он чуть не уснул, но ответил, протерев зеленые глаза:

– Академия Марии Селесты. А вы не слышали разве о ней?

– Академия? – нахмурился Скальд.

– Еще б... мы работаем каждый день на ее благо. Кварц... много кварца... надо очень много кварца для стекла... рудники... шахты...

– С кем мы можем поговорить об Академии, Джайлз? Кто-то может нам все рассказать?

Джайлз не отвечал. Он прошелся взглядом по площади. Скальд уже собирался уходить, оставив пьяницу в покое, как вдруг Джайлз вытянул руку с бутылкой вперед и завопил:

– Эванджелина! Эй! Эванджелина!

Скальд обернулся и сразу поймал взглядом девушку с белой гладкой кожей и щупальцами, растущими из головы. Она шла по улице с каким-то предметом, напоминающим... стеклянную книгу.

Увидев Джайлза и чужаков, она испугалась и побежала прочь.

– Она учится в Академии, – успел сказать Джайлз, – Эванджелина! Догоните ее. Она вам все расскажет! Эй! Эванджелина!

А потом Джайлз уснул, так быстро и внезапно.

– Что будем делать? – ахнула Айс.

– Скорее! – скомандовал Скальд. – Давайте догоним ее и узнаем, чем занимается Академия Марии Селесты.

Глава 5. Жизнь на дне

Скальд ухватился за идею поговорить с Эванджелиной, как за единственное звено, которое могло привести их к Академии Марии Селесты и дать ответы на многие вопросы.

Погоня по подводному пространству – с этим он еще никогда не сталкивался. Бежать в толще воды, даже с рубашкой, приковывавшей его тело ко дну, было совсем не то же самое, что на поверхности, на суше, среди воздуха.

Под водой каждое движение сопровождалось преодолением сопротивления плотности окружающей среды. Это делало бег медленнее, а дыхание водой тяжелым, надрывистым. Это совсем непривычная для него среда. Эванджелина, убегая от троих чужестранцев, не только бежала по дощатой поверхности верхнего яруса Олда: она могла оторваться от дна и поплыть, вильнув за поворот.

Плавание еще сильнее замедлило бы Скальда. У него нет способности к таким гибким рыбьим телодвижениям, помогающим быстро плыть. Под водой он плыл также медленно, как и на поверхности. А вот бег – единственное, что давало больше скорости в передвижении.

– Мы ее напугали, Скальд, – Айс почти остановилась, замедлив бег.

– Нам нужно поторопиться, Айс, мы не можем позволить ей уйти! Мы все объясним, когда догоним ее! Скорее!

Скальд сдаваться не собирался.

Очевидно, внешний вид незнакомцев мог до ужаса напугать юную студентку Академии. Но им нужен шанс, всего один шанс быть кем-то выслушанными.

Они бежали среди обломков кораблей-домиков. Заворачивали на поворотах, бежали по деревянным тропкам-мостам, поднимаясь все выше и выше по ярусам города.

– Уходите! – крикнула им Эванджелина, обернувшись. – Отстаньте от меня!

На бегу она смахнула с деревянных бочек стеклянные банки с золотыми рыбками-фонариками, и они покатались по дорожкам под ноги троицы.

– Осторожно! – Энтони дал команду. – Прыгаем!

Скальд в последний момент перешагнул через катящиеся в его сторону бутылки и продолжил бег.

– Мы не тронем вас! Мы хотим только поговорить! – Энтони вырвался вперед и бежал прямо за Эванджелиной.

– Нет-нет, уйдите!

Другие жители Одд, которых они встречали на бегу, никак не вмешивались в погоню, развязавшуюся на улицах. Они оставались сторонними наблюдателями, не думающими встревать в конфликт.

Никто из полулюдей-полурыб не собирался останавливать чужаков с суши.

Эванджелина споткнулась о выпирающую доску. Стеклянная книга выпала у нее из рук. Падение не было таким

стремительным, как на воздухе. Книга повисла в тоще воды и медленно поплыла вниз. Эванджелина успела легким движением длинной руки подхватить экземпляр, спрятать его в подмышку, прижав к себе, и продолжить бегство.

– Эванджелина! Мы просто зададим вам несколько вопросов! Обещаю!

– Нет, нет! Прочь!

Энтони не успел догнать ее – девушка спряталась за дверь в доме, плотно прикрыв ее за собой.

– Вот черт!

Скальд и Айс догнали Энтони, оставшегося перед закрытой дверью.

– Что теперь? – спросила у Скальда Айс.

– Давайте опустим мечи и вежливо постучимся. Я бы тоже испугался, если бы за мной гналось трое непонятных созданий со светящимися мечами.

– Резонно, – выгнул бровь Энтони.

Скальд трижды постучал в дверь.

– Уходите! – раздался голос на той стороне.

– Прошу вас, Эванджелина, мы не причиним вам зла. Мы просим прощения за то, что напугали вас. Мы просто хотим поговорить о вашем городе.

– Найдите кого-нибудь другого!

Скальд обреченно выдохнул.

– Есть еще идеи, Скальд? – спросила Айс. – Может, правда, найдем другого информатора?

Но Скальд не успел ответить, как к ним за спины подошел рослый мужчина с зеленой кожей, плавниками на костных выступах, жабрами на шее и желтыми глазами с двумя вертикальными зрачками. Мужчина нес в руке пустой мешок и кирку.

– Что это вы делаете у моего дома? – спросил он.

– Ох, простите, – первым заговорил Скальд, – мы тут новенькие. Мы просто хотели узнать про ваш мир от Эванджелины. Очень интересно послушать...

– Очень... интересно...

Взгляд незнакомца упал на мечи-семиотики.

– Откуда они у вас? – спросил он.

– Что?.. А-а, мечи? Это...

– Этими клинками был загублен Первый Состав.

Скальд, Айс и Энтони озадаченно переглянулись.

– «Первый Состав»? – переспросил Скальд. – А эти мечи разве... не из вашего мира?

– Да, и кто-то предал нас, передав их странникам из вашего мира. А потом эти клинки использовали против Первого Состава. Два таких клинка все еще хранятся у ректора Сееры в Академии Марии Селесты.

Скальд сразу подумал о родителях Энтони. Скорее всего, эти два клинка – мечи Аладара и Лианы.

– Простите, мы... ничего не знаем про Первый Состав. И вообще впервые у вас в городе. Мы не хотим сражаться. Это только для... безопасности. Нам нужна только информация.

О вашем городе, об Академии. Чем вы занимаетесь?

Скальд обратил свой взгляд на кирку, которую мужчина сжимал в руке.

– Меня зовут Ламар. Эванджелина – моя дочь. Я не вижу от вас угрозы. Но не доверяю вам. И все же... я готов рискнуть. Пройдемте в дом и там поговорим. В Одде много любопытных ушей. Шпионы Лорда Сееры. Если кто-то из Академии узнает, что вы здесь – вам конец. Это я могу гарантировать однозначно.

– А ваша дочь... – забеспокоилась Айс.

– Эванджелина не выдаст вас, если ее предупредить.

Троица расступилась, позволяя хозяину дома открыть дверь. Стоило ему это сделать, раздался крик Эванджелины:

– Отец, отойди от них! Мечи! У них те мечи!

– Спокойно, Эванджелина. Они обещали не использовать их в стенах нашего дома. Давай выслушаем их. Привет, Сома.

Сома – женщина с осьминожьими щупальцами вместо ног. Кожа переливалась от белой к зеленой, спускаясь вниз по телу. Голову украшали ракушки и жемчужины, спаянные вместе в виде красивой шапочки. Глаза у нее пурпурные, как и у Эванджелины.

– Ох, милый...

Она подошла к мужу, взяла его под руку и проводила за стол в центре комнаты. Ламар, обессиленный, рухнул.

– Как ты, дорогой?

– Прикройте дверь и садитесь! – махнул гостям рукой Ламар.

Энтони закрыл дверь. И в этот момент беспокойство Эванджелины усилилось.

– Папа! Как ты можешь приглашать их к нам? Они – убийцы нашего народа! Первый Состав пал от их рук! Они же враги!

– Эванджелина, чему тебя только учат в этой проклятой Академии? – Ламар злобно взглянул на дочь. – Где причинно-следственная связь? Если у них есть эти мечи, это еще не значит, что они причастны к убийству Первого Состава! Тем более, стоит уважать жителей иного мира, ведь Проход открылся благодаря им. С их стороны!

– Черта с два!

– Эванджелина!

Ламар грубо стукнул по крышке деревянного стола, что тот чуть не развалился.

– Я не позволю тебе так говорить в моем доме, поняла? Мы выслушаем их. Ты ничего не посмеешь доложить в Академию. Поняла меня? Я работаю на этих чертовых шахтах ради твоего же обеспечения, Эванджелина. Ради ваших опытов. Ради твоей учебы там! Книга! Эта сучья книга, которую ты держишь в своих руках, была выкована из кварца благодаря моим усилиям! Так что прошу тебя – уважай меня и мои правила.

Скальд внимательно наблюдал за поведением Эванджели-

ны. Он видел, что она была готова взорваться в эту же секунду. Она не желала подчиняться. Но мать, Сома, призвала ее к смирению:

– Эв, прошу...

Мама посмотрела на дочь тем самым взглядом, который подействовал на нее лучше, чем строгий тон отца. Эванджелина в недовольстве сложила руки на груди и опустилась на стул.

– Оставьте мечи у входа и садитесь, – велел троице Ламар.

Сома обернулась к ним и вежливо улыбнулась, как улыбнулась бы любая приветливая добродушная хозяйка:

– Да, присаживайтесь. Я принесу мидий.

Скальд, Энтони и Айс оставили мечи на полу у входа и прошли за стол. Убранства дома изнутри мало чем отличались от обычного жилого деревянного домика, но во все стены обтянуты водорослями, морским мхом и кораллами. Налет морской жизни присутствовал везде. Даже ножки стола и стульев обтянуты наростами водорослей и кораллов. Сома поставила на стол большую круглую чашку, заполненную черными раковинками. Мидии.

– Они... живые? – Айс присмотрелась к угощению.

– Да, конечно! Угощайтесь! – приветливо отозвалась Сома.

Энтони из вежливости взял одну мидию и заставил ее скользнуть с черной раковины на язык. Скальд и Айс наблюдали за ним, как за сумасшедшим.

«Неужели, он и вправду сейчас съест живую мидию?!» – думал Скальд.

Да, Энтони сделал это. Они несколько ни скривился, проглотил неспешно, очень медленно.

– М-м... это было... необычно, – отозвался Энтони об угощении, – новый гастрономический опыт.

Эванджелина взглянула на него с прищуром, и ее два вытянутых зрачка так сузились и сблизились, что напоминали один целый, как у кошки.

– Информация за информацию, – выдвинул правила Ламар, – будем отвечать на вопросы друг друга. Все честно. Итак, поскольку я сам разрешил войти вам в мой дом, то мне и начинать. Как вам, жителям суши, удается дышать под водой?

Скальд, понимая, что им нужно раздобыть как можно больше информации о подводной жизни, решил быть с хозяином дома откровенным:

– Крапивные рубашки. Они обладают некими свойствами, помогающими ходить по дну и дышать водой. Принцип работы нам неизвестен.

Ламар, Эванджелина и Сома обратили внимание на одежду чужестранцев.

Ламар дал кивком понять, что настал черед их вопроса.

– Что такое Первый Состав?

– Когда из вашего мира в наш открылся Проход, мы направили сюда группу испытателей. Исследователей. Ученых.

Они занялись изучением новой территории, но были захвачены в плен вами. Первый Состав – первые из нас, кто вошел на вашу землю. Для исследования.

«Исследования? И мы тоже этим занимались. Значит, после открытия Прохода, с каждой стороны кто-то захотел заняться исследованием новых территорий. Другие существа проникали в наш мир, чтобы изучать нас. А мы брали пришельцев в плен и отнимали у них силы, создавая Призраков».

– Откуда у вас эти рубашки?

– Их нам дала та, кто ходила в ваш мир для его изучения. Откуда они у нее мы не знаем. Вероятно, она их сама сшила. Но как – тоже не знаем.

Ламар кивнул.

– Когда появился Одд? И чем вы здесь занимаетесь?

– Семь лет назад закончилась битва с вашими людьми. От Первого Составы остался лишь ректор Сеера. Он привел остальных сюда и обосновал Академию прямо над Проходом. Оттуда вышли и все мы, первые поселенцы. Рабочие. Мы нужны, чтобы добывать кварц на рудниках. Из него изготавливают стекло для стеклянных книг, пробирок, банок и прочего оборудования для нужд Перекрестка.

– «Перекрестка?» – не поняла Айс.

– Теперь мой черед. Откуда у вас эти мечи?

– Нам их дала та же женщина, – ответил Энтони, – она нашла их в вашем мире. Что такое Перекрестки?

– Лаборатория Академии Марии Селесты, – ответила Эванджелина, – там трудимся мы, студенты. Вместе с профессорами мы ставим опыты над вашими подводными существами, делая их сильнее и... опаснее.

Энтони поежился. К Скальду тоже закрались те же мысли: «Существо, убившее Мису, могло быть создано в Перекрестках».

– Зачем это нужно? – спросила Айс.

Но ее снова оборвали:

– Наша очередь, – вставил Ламар, – почему вы трое здесь?

– Мою девушку убил кто-то из существ, созданных вами, – ответил Энтони, – теперь я это точно знаю. Мы плавали над Ущельем, ведущим в ваш мир, когда это случилось. В нашем мире люди заражаются, поедая рыбу и умирают. Мы здесь, чтобы узнать, кто является причиной всех наших бед.

Ламар и Сома обеспокоенно переглянулись и встревоженно посмотрели на Эванджелину. Айс снова задала свой вопрос:

– Зачем в Перекрестках создаются чудовища?

Двое взрослых не отвечали. Оба родителя смотрели на свою дочь – ответ могла дать только она.

После паузы Эванджелина сказала:

– Чтобы развязать войну с поверхностью.

Скальд стоял у окна и смотрел на Академию, видневшуюся вдали.

– Кто это затеял? Ваш ректор?

– Лорд Сеера, так его зовут, – ответила Эванджелина, – вы первые напали на нас. С вашей стороны открылся Проход. Мы не виноваты. Вы первые вошли к нам и стали нас порабощать. Ставили эксперименты. Забирали у нас силы. Делали гибридов... для своей армии! Вы использовали нас для создания оружия. И мы используем ваших подводных существ для создания оружия против вас. Как вы не понимаете? Это месть вам за то, что вы сотворили в те времена, когда отлавливали нас. И убивали. Перекрестки построены на руинах ваших лабораторий.

– Лабораторий «Харон»? – переспросил Энтони.

– Да, именно так. Этому нас учат в Академии. Сражаться. И создавать оружие, чтобы в один момент подняться со дна и восстать против вас.

– Что вам известно о последней битве, случившейся здесь семь лет назад?

– Мы победили. Вот и все. Ваши собственные создания, эти гибриды, они напали на ваших людей и победили их. Мечи перешли в руки Лорду Сеере. Когда здесь стало безопасно, он позвал нас, тех, кто отважился стать первооткрывателям нового мира. И мы пришли сюда. Построили свой город. Но кто же знал...

Скальд отвернулся от Академии и озадаченно взглянул на Эванджелину, которая внезапно умолкла.

– «Кто же знал» что? – переспросил он. – Эванджелина?

Но она не могла ответить. Девушка начала плакать.

Сома взяла слово:

– Кто же знал, что мы станем рабами собственных господ?

И тоже заплакала, закрыв лицо руками.

– Рабами? – не понимала Айс.

– Кварцевые шахты, – сдавленно произнес Ламар, – все дело в них. На рудниках ужасные условия. Рабочий график катастрофический. И жалования ничтожные. Мы еле сводим концы с концами. Я уже тысячу раз пожалел, что привел семью сюда. Я думал, что обеспечу им новую хорошую жизнь в новом мире. Вот ведь как ошибся... нас отсюда не выпускают. Проход располагается в недрах Академии, под Перекрестками, в самых... Пепельных Глубинах. Так называется это место – место большой битвы, большой войны. А сама Академия – чертово растение. Живой коралл. Огромный. Он все чувствует. Все слышит. Все знает. Лорд Сеера первым получает все новости даже не от декана Мунлеса, а от самих стен. Стоит их коснуться... колебания. Вибрации. Он все чувствует. И вдобавок сила Лорда Сееры, которой он связал себя с Академией. Все это дает поразительные возможности. Насколько Эванджелине известно, сила не распространяется на студентов. Ректор горячо доверяет каждому ученику. Но чужаки с суши... он моментально узнает, что вы здесь... понимаете? Условия, в которых он заставил нас работать, невозможны. Мы хотим сбежать. Уйти домой. Нам нет дела до этой войны. Это сговор только Лорда Сееры с ва-

шими... гибридами. Поэтому он и отравил всю рыбу, чтобы создать армию – сделать солдат из ваших людей. Так же, как и вы, когда пытались создать послушных воинов из наших сограждан.

– То время ушло, – ответила Айс, – поколения сменились. Мы хотим это остановить. Призраки Перламутра... те самые гибриды, что были созданы когда-то, уже терроризируют наш город. Наши люди, простые люди, такие же семьи, как и ваша – они умирают. Они страдают. Они даже не знают, что происходит! Поверьте, никто, кроме нас троих с поверхности, не знает о существовании города Одд и Академии. Никто. Только мы. Мы поняли, что источник бед под водой, и пришли расследовать это дело. И нашли вас. Мы не хотим никакой войны, понимаете? Мы хотим жить также мирно. Эти мечи закрывают порталы между мирами. Мы хотим закрыть Проход раз и навсегда. И в тот раз... когда пал ваш Первый Состав, пришли наши люди, чтобы с помощью мечей закрыть Проход.

Сома взяла Айс за руки и крепко сжала. Женщина со слезами смотрела на Айс.

– Мы хотим уйти. Прошу. Не закрывайте Проход, пока мы здесь. Мы не желаем больше работать под гнетом Лорда Серы. Условия в шахтах ужасны. Уйти с этой работы нельзя – казнь. Мой муж страдает. Нас спасает лишь то, что Эванджелина учится в Академии, создавая этих монстров. Ей платят пособия, на которые мы живем. Денег с рудников катастро-

фически не хватает.

– Но вы же едите подводных обитателей, зачем вам деньги? – Энтони с недоумением уставился на чашку с мидиями.

– Вы разве не заметили, что в Одде нет рыбы? Она здесь не плавает. Только те, что в банках – фонарики. Думаю, скоро начнем есть и их. Академия сама выдает нам продукты на те деньги, которые мы получаем. Академия извела всех рыб вокруг. Все подводные существа у них в Перекрестках – жертвы экспериментов.

– Это ужасно, – Айс покачала головой.

Скальд понимал, что ситуация критическая. Под ударом оказались обе стороны конфликта. И во всем виноваты те, с кого это началось. Атомная бомба. Компания «Харон». Одно зло породило другое. И страдают все. Оба мира.

– Вы что-нибудь слышали про Верховную Мать? – спросил Скальд.

Он внимательно осмотрел всех троих: Ламар, Сома и Эванджелина с недоумением покачали головами.

– Впервые слышим о такой, простите, – ответил Ламар.

– А кто такая Мария Селеста? Почему в честь нее была назвала Академия?

– О, это возлюбленная Лорда Сееры, – ответила Эванджелина, – она, между прочим, из вашего мира.

– Из нашего? – переспросил Энтони.

– Да, она работала в лабораториях «Харон». Лорд Сеера был ее пленником. И влюбился. И назвал Академию в ее

честь.

«Она и есть Верховная Матерь!» – вспыхнуло у Скальда. Он мгновенно загорелся этой идеей.

– Но она не пережила ту битву семь лет назад. И погибла. Огонь в разуме Скальда потух.

«Это не она... черт!».

– С тех пор наш ректор подыскивает себе новую невесту. И она станет нашей Королевой.

– «Королевой»? – переспросила Айс.

– Да, Королевой Морских Сердец.

С того самого дня, как Энтони побывал у оракула Камы на Крапивном Утесе, ее слова не выходили у него из головы.

Кама называла его «обрученным с водой» и говорила о том, что он уже видел Королеву Морских Сердец. Но коронация еще не свершилась.

Сейчас, когда он наконец оказался в городе Одд, слова Камы начали всплывать. Это означало, что Кама может быть права. Ее видения начинают обретать какой-то смысл. Но вопросов все еще предостаточно. Они не получили всех ответов.

Всем здесь заправляет ректор Академии. Он держит в рабстве свой народ. Он готовится к войне с Перламутр-Бич, и Призраки Перламутра с ним заодно. Семь лет он вынашивал план мести, создавал армию, чудовищ, травил рыбу. Изводил жителей Перламутр-Бич.

Но какую роль во всей этой истории играет Верховная Мать? Кто она? Почему Эванджелина о ней никогда не слышала?

Семейство Грейтс ей поклонялось. Присцилла Пирс приковала Скальда цепями. Она готовилась к появлению Верховной Матери, ждала ее. Она вот-вот должна была появиться в пещере, чтобы... получить то, что хочет – Скальда, послушного, израненного.

Она существует. Определенно.

Но кто она? И где прячется? И что ей нужно на самом деле?

Если она связана с отравленной рыбой, из-за которой Грейтсы превратились в рыбоедов, то она должна быть связана и с Академией Марии Селесты, где занимаются созданием яда для жителей Перламутр-Бич.

Или Мария Селеста – Верховная Мать. Может, она все еще жива?

Слишком много дыр, много белых пятен. Но одно только открытие города Одд – само по себе большое открытие.

Теперь Энтони знает, что они могут заручиться поддержкой подводных жителей, сущностей из иного мира. Они не желают оставаться здесь и служить своим господам. Они хотят домой, на родину, на волю.

– Вы что-то можете с этим сделать? – обеспокоенно спросила Сома у Скальда, приняв его за лидера в тройке.

Энтони не хотел возвращаться на поверхность. Он знает,

что дальше любое их действие может привести к катастрофическим последствиям. Дядя будет недоволен.

И все же Энтони ждал от Скальда решительных действий. Пока они прибыли сюда своей троицей, возможно, они смогут что-то сделать. Они смогут помочь.

– Возможно, мы получим больше ответов, если увидим Академию Марии Селесты изнутри. Хотелось бы избежать встречи с вашим ректором. Эванджелина, это можно устроить? Ты станешь для нас проводником?

Все смотрели на нее в ожидании решения. Девушка поначалу сопротивлялась сотрудничать с ними. Она не доверяла чужакам. Но в ходе знакомства ситуация переменилась. Она прониклась к ним доверием. Энтони с самого начала хотел, чтобы в Академии у них был свой человек.

Но вот самому отправится в самое сердце зла...

Нырнуть в Пепельные Глубины...

Эванджелина нарушила молчание, произнеся вслух свои мысли:

– Думаю, я знаю один тайный путь.

Глава 6. Академия Марии Селесты

– Прежде, чем мы отправимся, вы должны кое-что понять, – Эванджелина встала из-за стола и прошла к окну, взглянув на замок-коралл.

Скальд внимательно наблюдал за девушкой. В ее взгляде он чувствовал смешенные эмоции. С одной стороны, страх. Она боялась этого места. Боялась туда возвращаться. Боялась того, что это место может сделать с ней и с ее семьей.

С другой стороны, покорная необходимость. Она уже семь лет занимается тем, что проходит обучение в Академии Марии Селесты. Ее учили создавать монстров из подводных существ во благо ректору для его армии.

– Академия Марии Селесты – живой организм. Это коралл. Он все чувствует. У Лорда Сееры есть связь. Особая сила, которую он использовал, чтобы связать себя со стенами коралла. Академия – продолжение его руки. Его пальцы. Кожа. Он все чувствует. Чувствует то, что чувствует коралл. Они – одно целое. Они связаны: Академия и ректор. Две части единого живого организма. Они могут существовать в отдельности друг от друга, но Лорд Сеера искусственно создал такой симбиоз, соединив себя с целым сооружением, которое сам же и воссоздал. На такие способы далеко не все. Только самые могущественные создания, очень сильные. Лорд Сеера – один из таких. Ему нет равных в наших

мирах. Поверьте, ректор обладает колоссальными возможностями. И противостоять ему невозможно.

– У каждого есть слабости, Эванджелина, – подметил Энтони.

Она с обернулась и с интересом посмотрела на собеседника.

– Слабости? Но у Лорда Сееры их нет...

– Энтони прав, – вступила Айс на позицию друга, – у всех есть слабости. И даже у Верховной Материи, которая постоянно скрывается, прячется от мира. Она не выходит на сцену. Мы не знаем кто она. Где она. Мы просто знаем, что она существует. Если она прячется, у нее есть повод скрываться. Она чего-то боится. Возможно. Это только мое мнение. Всякое живое существо слабо. Камень сложно уничтожить. Он неживой. Это просто камень. Его можно разбить, но сделать это будет не так уж и просто. А вот живое существо... его можно ранить. Вот этим...

И Айс кивнула в сторону семиотиков – три сверкающих меча, сложенных на полу у входа в дом.

– Эти мечи могут разрубить любую материю, – продолжила Айс, – для них нет ничего невозможного. Эти мечи – единственное оружие против... вас. Таких, как этот ректор Сеера – могущественных существ из вашего мира. Эти мечи – единственное оружие против Призраков Перламутра – созданий, которые получились путем соединения человеческого тела из нашего мира и особой силы, полученной от жи-

телей вашего мира. Ваша сила сделала эти тела практически неуязвимыми к различным видам простого оружия. Вы называете их гибридами. Для нас они – Призраки Перламутра. И эти мечи – единственное, что способно разрубить их плоть и убить. Они хотят отомстить. Захватить город, править им, командовать нами, как когда-то другие люди командовали ими. У них забрали их жизни. Держали в камерах. Ставили опыты. И сделали оружие. Оружие, вышедшее из-под контроля. Вот, кто они такие. Их сознание искажено. Ими движут особые инстинкты. И если семиотики способны противостоять им, значит, они справятся с более могущественными сущностями. Если нам удастся остановить Лорда Сееру, то войны не будет, так ведь?

Эванджелина нахмурилась.

– Что такое? – забеспокоился Скальд.

Поджав губы, Эванджелина высказала:

– Видите ли, ректор Сеера не единственный, кого стоит бояться в Академии. У него есть «правая рука», ближайший соратник, которому он доверяет самые личные тайны. Тот, кто следит за работой Перекрестков, за особыми... проектами...

– И кто же это?

– Декан Милантэ Мунлес. У него нет связи со стенами Академии. Но есть связь с Омутom – это особая каста студентов. Что-то вроде студенческого клуба. Но нет, это больше, чем просто клуб. Это особое сообщество студентов и декана,

которое занимается разработкой тайного проекта, о котором известно лишь членам самого Омута, декану, его возглавляющего, и Лорду Сеере, по поручению которого это сообщество создано.

– Омут действует по распоряжению ректора? – решил удостовериться Энтони.

– Именно так, – кивнула Эванджелина, – никто больше не знает, чем занимается Омут. Ни остальные студенты, ни профессора. Это тайная разработка. Личный заказ Лорда Сееры. Самое могущественное оружие из всех.

– И где создается это оружие?

– Где-то в Перекрестках. Где именно – никто не знает. Никому не известно точное расположение лаборатории Омута. Перекрестки – запутанное место. это сеть комплексов лабораторий. Поверьте, создать там тайную дверь, ведущую в секретную область, очень просто. Не удивительно, что Омуту удастся так долго скрываться. А ведь многие другие студенты и даже профессора все еще надеются выведать их тайны. Это всем любопытно и интересно, понимаете? Личный заказ ректора. Что-то очень грандиозное, раз этим занимается декан и его «избранные» студенты. Именно поэтому смерть ректора не изменит положение дел. Декан Мунлес займет его место. И это оружие... оно может все уничтожить. Так говорят. Понимаете, к чему я веду? Лорд Сеера – «голова». А за ним – «шея» в лице декана Мунлеса и остальное «тело» – Омут и тайный проект. И без головы это существо

выживет. Если убить ректора, то следующим вашим врагом станет Омут, Мунлес и их творение. Эта сила может оказать-ся даже могущественнее, чем все таланты Лорда Сееры.

– Тогда остановим их тоже! – воскликнул Энтони. – Выступим против Омута и победим. Войны не будет. Вы вернетесь домой через Проход. Мы его запечатаем. И кошмару придет конец.

«Да, но остаются еще Призраки и Верховная Матерь», – напомнил себе Скальд.

Только сейчас он осознал, как много у них врагов. И все слишком сильные, чтобы с ними можно было справиться по щелчку пальцев. Одна битва с Присциллой Пирс отняла у них много сил. И она – всего лишь одна из Призраков Перламутра, одна из «гибридов». А сейчас им предстоит столкнуться с настоящими сущностями из иных миров.

Ситуация принимала все более масштабные обороты.

– Будет трудно, – не стала скрывать Эванджелина, – но, если у вас все получится – оно будет того стоить. Мы больше не хотим жить под гнетом Лорда Сееры и его людей. Враг очень силен. Я даже не могу представить, какие границы имеет могущество Лорда Сееры и имеет ли оно их вообще. Но жители Одда устали от пыточных работ в кварцевых шахтах. С этим нужно что-то делать. Если поднимется восстание... в живых не останется никого. Я не сомневаюсь, что Лорд Сеера его подавит и вернет рабов на свои места. Они не смогут долго сопротивляться натиску ректора. Академия очень влиятель-

на. Вы даже не представляете, какое воздействие на сознание жителей Одда она оказывает. Некоторые ее даже одухотворяют. Обожают. Для кого-то Академия – святое место. Нечто вроде храма для поклонения высшим силам – Сеере и его приспешникам. А Омут – привилегированное сословие. Если попал туда – жизнь удалась.

Скальд понимал, что ситуация в подводном мире куда сложнее и запутаннее, чем он мог себе представить. Он рассчитывал спуститься на глубину и увидеть на дне среди руин лабораторий «Харон» дыру – Проход в иной мир, из которого будут вылезать самые разные гадкие твари.

– Что будем делать, Скальд? – спросила Айс у него.

– Давайте придерживаться нового плана. Для начала проникнем в Академию и осмотримся. Я хочу узнать как можно больше об этом Лорде Сеере и, возможно, о Верховной Матери, если он как-то с ней связан. Я все еще не могу понять, какое отношение к тому, что здесь случилось, имеет Алый Вепрь. Вопросов слишком много. А вопросы требуют ответов. Эванджелина, ты сказала, что знаешь тайный путь в Академию. Это так?

Все взгляды присутствующих приковались к ней.

– Да, есть один. Но помните, что Академия связана силой с ректором. Это значит, что вам нельзя касаться ее стен, если не хотите, чтобы нас заметили. Ни потолок, ни пол. Ничего нельзя трогать. Лорд Сеера сразу узнает, почувствует это так же, как если бы вы коснулись его самого – сжали за горло.

Понимаете? Мунлес и Омут сразу нас найдут. А потом вам предстоит проплыть весь путь, как только мы окажется внутри. И еще одно условие, на котором я отведу вас туда.

– Конечно, Эванджелина. Что за условие?

– Если вас заметит – ваши проблемы. Я исчезну или предам вас. Мне неприятности не нужны. Я тут ни при чем. Решать все последующие проблемы будете без меня. Мое дело – провести вас внутрь. Остальное меня не касается. Надеюсь, мы договорились.

Чтобы добраться до тайного входа в Академию, им пришлось проделать долгий путь и обойти Одд и саму Академию стороной. Делать пришлось все так, чтобы их никто не видел. Дойдя до границы города, они прошли дальше, оказавшись на пустынных скалистых равнинах. Преодолевая путь среди острых скал, где не было тропы, проплывая над зубцами, они приближались к Академии.

Гигантский темно-синий коралл, над вершинами которого кружили скаты, вблизи оказался еще больше. Настоящий подводный дворец в виде вострой башни с множеством этажей, переходов и мостов.

Преодолев скалистый путь, они ступили на песчаное дно и оказались на равнине.

– Этот вход использует Омут для проникновения в Перекрестки, – объяснила Эванджелина, – на этих равнинах они охотятся. Сюда нередко заплывают хищные жуткие рыбы,

осьминоги, акулы и другие создания.

– А дельфинов вы ловите? – поинтересовался Энтони.

– Что, прости?

– Ну, из дельфинов тоже делают оружие? Над ними ставят эксперименты?

– Да, я думаю, что точно ставят. У нас даже один такой дельфин-проект сбежал. Не помню, кому он принадлежал. Не знаю, остались ли у кого-нибудь еще дельфины. Они оказались сложными подопытными.

– Постой-постой... Проект- дельфин? Ты серьезного?

– Да, а что?

Скальд сразу вспомнил историю Энтони про жуткого дельфина, которого поймал Хоакин Мартинес и доставил в центр Первой Лагуны.

Выходит, всех этих жутких монстров создают здесь, в Академии Марии Селесты. И тот дельфин не исключение.

«От какого-то студента сбежал его проект и попал в руки Мартинеса» – объяснил себе историю с дельфином Скальд.

– Да, так... просто интересно.

Айс и Скальд с пониманием посмотрели на Энтони. Они прекрасно знали, что для Энтони значил тот страшный дельфин.

Теперь, когда они оказались на дне, все стало проясняться. Они получали ответы, к которым не были готовы.

«Кто бы мог подумать, что история с дельфином объяснится таким образом?».

– Несмотря на то, что этим входим пользуется Омут, никто не может понять, куда они идут дальше, чтобы войти в свою лабораторию. Я уверена, что существует тайная дверь. Я хочу найти ее. Но у меня ничего не выходит. Когда мы войдем, то окажемся совсем рядом с Перекрестками, а дальше – путь наверх. Личные комнаты Лорда Сееры на самых верхних этажах. Он спускается лишь в Перекрестки и в Глубины Пепла. Не знаю, возвращается ли он в наш мир или просто наблюдает за Проходом. Но я частенько вижу, как он спускается под землю. Нам сюда.

Озираясь по сторонам, Эванджелина провела их расщелине меж стройных длинных выростов кораллов, служивших частью наружной стены здания Академии. Между ними открывался проход во внутрь.

– Пришли. А теперь отрывайтесь от дна и плывите. Не смейте касаться коралла, как мы договаривались. Одно касание породит моментальный импульс в сознание Лорда Сееры, и он узнает, где мы. Готовы? Плывите за мной.

Скальд подпрыгнул. Его ноги оторвались от дна. Он повис. Ему пришлось двигать руками и плыть вперед, чтобы крапивная рубашка не начала снова тащить его на дно. Теперь уже под ногами был не песок, а коралл – часть Академии.

Следуя за Эванджелиной, троица заплыла внутрь.

Они оказались в темном коридоре. Свет давали сами стены. Синий коралл мерцал, переливаясь светом. Он то гас, то

снова зажегся, словно праздничные огни.

Пройдя по коридору направо, Эванджелина направилась в сторону большого зала с белыми стенами.

– Это Перекрестки, – объяснила она, – наши лаборатории. Сейчас там никого не должно быть. Я проведу вас навверх безопасным маршрутом.

– Там мы сможем ходить? – спросила Айс.

– Да, в Перекрестках все сделано из пластика, металла и стекла. Там сила связи Академии и Сееры не действует. Давайте поспешим.

Скальд принялся плыть быстрее, избегая касания руками боковых стен коридора. Как только они оказались в Перекрестках, Эванджелина дала знак – они могли опуститься на пол.

Скальд коснулся ногами белого плитчатого пола. Рубашка притянула его ко дну.

Вокруг – белые бесконечные коридоры с металлическими черными дверьми. И много света.

– И как вы ориентируетесь в этих Перекрестках? – спросил Энтони. – Здесь же все на одно лицо!

– Память. Только память. Я помню все двери и все коридоры. Знаю кто, где работает. И только лаборатория Омута остается загадкой. Пошли. Когда поднимемся навверх, снова придется плыть.

Они шли по одинаковым белым коридорам. Вокруг никаких опознавательных знаков. Все металлически двери –

близнецы. Их никак нельзя отличить друг от друга.

– За этими дверьми ведутся эксперименты. Там мы создаем опасных хищников.

– В этой Академии можно хоть кому-нибудь доверять? – спросила Айс.

– Профессора Сангинарий Саг и Орсина Орэлла негативно настроены к деятельности декана Мунлеса и Омута. Они понимают, что те выполняют приказы ректора, и все же... они чувствуют, что в лабораториях Омута происходит что-то неправильное. Я точно не знаю, как они относятся к самому Сеере. У них иногда получается договориться с ним о каких-то побрякушках в работе. Иногда нет. Когда в дело вмешивается декан, им обычно не везет. Иногда мне даже кажется, что Мунлес манипулирует Лордом Сеерой, хотя в это верится слабо. Просто Милантэ Мунлес очень специфичен. У него... свои методы. И пост, который он занимает, дает ему ряд привилегий, которыми он постоянно пользуется в свое удовольствие.

– Поразительно, как вы похожи на простых людей.

– Если у живого существа есть разум, то и личные стремления у него тоже имеются. И всякое разумное существо идет к своим целям. Получая возможность, шанс, разумное существо использует его для целей. У декана есть преимущества, которые дает ему должность, и он это использует. Понимаете? Глупо было бы не использовать. Вопрос лишь в последствиях твоих действий для других. В мере эффек-

та повреждения. Как это коснется остальных. Милантэ «другие» не интересуют.

Они прошли еще глубже в бесконечный лабиринт. Скальд с трудом убеждал себя в том, что то, что он видит – бывшая лаборатория компании «Харон». Здесь создали Призраков Перламутра. Здесь их держали, пытали, ставили опыты. Здесь работали родители Энтони, работали Альбедро, Элен и Хоакин Мартинес. Но началось все не здесь, а глубже, ниже. Прямо под ними – Глубины Пепла и Проход, с которого все началось.

– Идите сюда, я вам кое-что покажу. Отсюда начинайте хорошенько запоминать дорогу, это вам пригодится. Считайте повороты, считайте количество дверей. Создавайте ассоциации, но запомните чертов путь. Хорошо?

Эванджелина повернула налево, и перед ними появилась стена с двойными металлическими дверьми и панелью с кнопками.

– Мы в центре Перекрестков, – объявила Эванджелина, – это лифт. Он ведет в Глубины Пепла.

– Выходит, мы... – не успел произнести Энтонию

– Совсем рядом, да. Проход прямо под нами. Ах, как бы я хотела привести сюда семью, спуститься вниз и исчезнуть отсюда.

– И почему же не можешь? Прямо сейчас!

– Лифт – единственное, что Сеера контролирует в Перекрестках. Пока он жив, он связан с лифтом. Даже если мы

успеем пройти через Проход раньше, чем нас догонят, нас поймают там. Нам не уйти незамеченными.

Скальд все больше понимал одно – смерть Лорда Сееры дает слишком много преимуществ.

Он должен умереть, чтобы они смогли воспользоваться лифтом и запечатать Проход.

– Так что не прикасайтесь к панели управления и дверям – подействует такая же моментальная связь, как со стенами Академии. Ректор лично оберегает этот лифт, как зеницу ока. Он моментально появится здесь, чтобы остановить любого беглеца. Сигнал придет от любого. Не важно: чужак это будет, студент, профессор или же сам декан Мунлес. Импульс пройдет от каждого. Никому нельзя уйти и вернуться назад. Никому. Идем.

Дальше Скальд, Энтони и Айс старательно запоминали дорогу – каждый поворот, каждую дверь, каждый шаг, который отделял их от лифта – центра Перекрестков. Им предстоит вернуться сюда однажды. Они понимали, что этого события не избежать.

Рано или поздно они воспользуются этим лифтом, чтобы попасть в Глубины Пепла и запечатать Проход.

Запоминая дорогу, они проделали долгий путь от центра лабиринта к выходу. Впереди появилась коралловая светящаяся лестница, и Эванджелина предупредила:

– Теперь нужно плыть. Лестница – часть Академии. Дальше я отведу вас наверх. Куда именно вы хотите проникнуть?

– Начнем с покоев вашего Лорда Сееры, – ответил Скальд.

– Слишком опасно.

– Но ты сможешь нам? – настойчиво спросила Айс.

Эванджелина вздохнула.

– Ладно, отведу вас туда. Но брошу при любой оплошности. И будете выгребаться сами.

– По рукам, – кивнул Энтони.

Какими бы жесткими ни были условия Эванджелины, на которых она провела их внутрь, их можно понять. Эванджелину можно понять. Она нарушает все правила своего мира, подставляет под угрозу себя и свою семью. Она рискует многим, чтобы помочь им.

Это честная сделка.

Всплыв над лестницей и поднявшись наверх, они оказались просторном пустом зале с множеством лестниц, проходов, дверей и коридоров. Все вокруг – внутренности светящегося темно-синего коралла.

– Надо же, прямо настоящий дворец! – воскликнул Энтони.

– Надо признать, ваш ректор серьезно постарался, создавая все это, – добавила Айс.

Эванджелина махнула рукой и дала понять, к какой следующей лестнице они идут.

Скальд отчаянно сопротивлялся притяжению. Крапивная рубашка постоянно хотела приковать его ко дну. В этом ее задача. Он же постоянно всплывал, держал себя на плаву.

Делать это слишком долго становилось все сложнее.

И в один момент, взглянув на своих друзей, он заметил, как кончик пальца ноги Энтони слегка коснулся кораллового пола.

Глава 7. Пути расходятся

В тот же миг от места касания кожи Энтони с коралловой поверхностью поползла тонкая полоска белого света. Лучик, толщиной с волос, устремился к правой стене, поднялся по колонне и скрылся где-то за потолком, угаснув навсегда.

«Импульс».

Внутренности Скальда, словно сковались под прессом. Дыхание перехватило. В горле резко защемило. Он неожиданно осознал: «Сейчас что-то случится». Что-то нехорошее. Необратимое.

Точка невозврата.

Именно сейчас его жизнь, и жизни его друзей может поделиться на «до» и «после».

– Энтони...

Энтони замер и оглянулся.

– Да, Скальд?

Скальд опустил мрачный взгляд на пол. Там, под ногой Энтони, все еще брезжил искорками белый магический свет.

– О, нет... – выдохнула Айс.

По глотке Энтони проскользнул комок. Он тоже все понял: кошмар вот-вот случится.

И раздался шорох.

– Они уже идут, – Эванджелина побежала вниз по лестнице, – я больше не могу оставаться здесь.

Условие, на котором она взяла их с собой. Если они выдадут себя – Эванджелина не станет их защищать.

– Приготовьте мечи, – велел Скальд.

Айс, Энтони и Скальд позволили крапивным рубашкам опустить их на пол. От ног во все стороны тут же побежали тонкие струйки света, скользящие по стенам и уползающие в потолок.

Скальд сжал рукоять семиотика двумя руками. Бинты на его руках, пропитанные водой, отслаивались и разматывались.

Эванджелина бросилась бежать в другой коридор, чтобы скрыться из виду.

– Эванджелина! – Энтони позвал ее.

Девушка замерла и оглянулась, тяжело и взволнованно дыша.

Энтони выглядел спокойным. Он уже смирился с тем будущим, которое их ждет. Он совершил ошибку и готов платить за нее.

Эванджелина смотрела на виновника неприятности – того, из-за кого их план остаться незамеченными потерпел крах, – и словно спрашивала: «Что еще?».

Энтони сказал:

– Спасибо тебе.

Эванджелина не ответила. Она ничего не сказала, не кивнула в ответ. И ее взгляд выражал лишь панику и страх.

Она быстро сорвалась с места и скрылась за поворотом,

оставив троих чужаков с поверхности разгребать нажитые ими проблемы.

Скальд, Айс и Энтони остались в зале одни. Шорох усиливался. К ним приближались. Скальд слышал змеиное шипение.

– Что будем делать? – спросила Айс у Скальда.

Трое встали спинами друг к другу, сжимая мечи двумя руками.

– Дадим отпор и сбежим, – ответил Скальд, – нам нужно вернуться на поверхность. Жаль, что план провалился, но я не виню тебя, Энтони, знай это.

– Зато я себя... так глупо чувствую! – пожаловался Энтони в ответ.

– Нет, Энтони, не смей винить себя. Это могло случиться с каждым из нас. Держаться на плаву было совсем непросто.

– Но вы смогли! Я облажался! Это моя ошибка, и у вас еще есть время уйти.

– «Уйти»? – фыркнула Айс. – И отдать тебя этим акулам? И что ты предлагаешь нам сказать твоему дяде? И Матео? И Беатрис? Они нас в порошок сотрут, если мы не вернем тебя!

– Айс права, Энтони. Мы с тобой до конца. Даже не смей нас прогонять. Мы не уйдем, уже поздно. Мы сразимся вместе и выберемся отсюда. Придумаем план получше и вернемся снова, чтобы закончить начатое. Слышишь, Энтони?

Скальд видел, как парня трясло. Он положил ему ладонь на плечо, чтобы успокоить друга и придать ему уверенности.

– Не бойся, Энтони. Мы с тобой. И никогда не кори себя за то, что сегодня случилось. Все хорошо. Правда. Мне и самому в какой-то момент казалось, что я не справлюсь и рано или поздно коснусь чего-нибудь. Это задача была для нас слишком сложной. У нас еще будет возможность вернуться сюда. Слышишь? А сейчас...

Скальд занял свою позицию. Трое отслеживали свою часть зала, ожидая появления противников.

– Мы отобьемся от этих гадов.

И на вершине лестницы появилось существо с зеленой кожей и толстым змеиным хвостом вместо ног. Глаза – два красных шара с двумя узкими черными зрачками.

А вместе с ним в зале появились другие – со всех сторон. Полулюди-полурыбы. Всего их окружало шестеро противников. Все, кроме человека-змея держали наготове оружие – блестящие серпа или стеклянные двузубцы

– Не с места! – крикнул кто-то из пятерых.

В зале повисла напряженная пауза. Соперники внимательно изучали глазами друг друга. Скальд сразу просек: этот человек-змея – главный среди них. Скорее всего, один из профессоров, или даже...

– Декан Мунлес, у них мечи... посмотрите на мечи! Что нам с ними делать? – спросил один из студентов.

Декан Милантэ Мунлес сполз по лестнице, держа длинные руки за спиной, внимательно изучая незваных гостей.

– Ты прав, Малис. Эти мечи... я не видел их уже семь лет.

Вы только посмотрите на эту красоту! И как же вам удалось проникнуть в Академию Марии Селесты? Вам кто-то помог, не так ли?

Скальд отчаянно надеялся, что им не удастся добраться до Эванджелины и ее семьи. Они должны быть в безопасности.

Трое ничего не говорили.

– Не хотите говорить? Что ж, мои любимые студенты Омута вам быстро развяжут языки... Я непременно доложу Лорду Сеере о том, что здесь случилось и...

Декан застыл напротив Айседоры. И замолчал.

Его взгляд приковался к ее лицу и не сползал. Его рот приоткрылся и, казалось, Милантэ лишился дара речи.

– Как... как тебя... зовут? – спросил он.

Айс молчала.

– Имя! – прокричал Милантэ.

– Мне заставить ее говорить, профессор? – вышел вперед студент по имени Малис.

– Стой там, я сам разберусь.

Айседора не собиралась говорить с ним. Скальд мог лишь догадываться о том, что она готовит внезапное нападение. Сейчас у нее есть шанс расправиться с деканом и лишиться ректора «правой руки».

Скальд быстро обернулся и посмотрел на Мунлеса. Выражение лица человека-змея подсказывало ему, что, вероятно, тот уже видел Айс. Ее лицо, очевидно, казалось ему очень знакомым.

– Айс, – обратился Скальд к ней, – скажи, что он хочет.

– Зачем? – не поняла она.

– Айс... а полное имя? – настоятельно попросил Мунлес.

Айс послушалась Скальда и ответила:

– Айседора Блейс.

Скальд ожидал реакции декана. Если внешность Айс ему напомнила о чем-то, возможно, имя скажет больше?

Но декан лишь скривил губы и заскрипел зубами:

– Взять их. А девчонку я отведу в покои Лорда Сееры.

Пусть сам разбирается...

Дальше все случилось очень быстро. Стоило студентам двинуться с места для нападения, Скальд и Энтони накинулись на них в ответ, взмахнув мечами.

Айс сделала выпад вперед, намереваясь проткнуть семиотиком Мунлеса, но тот ловко изогнул змеиное туловище в сторону и избежал встречи с блестящим световым клинком.

Сразу после этого Мунлес выкинул руку вперед – из-под ног Айс вырвался коралловый вырост. Она отпрыгнула в сторону. Вырост превратился в высокий столб с нее ростом. И изнутри коралла в ее сторону поползли серые прутья – водоросли-веревки.

– Не сопротивляйся, дорогая. Если ты окажешься той, о ком я думаю, тебя ждет совсем другая жизнь... – произнес Мунлес.

Айс принялась размахивать мечом, разрубая водоросли, тянущиеся в ее сторону.

Тем временем Энтони и Скальд столкнулись с отрядом из пяти студентов Омута.

«Они знают, что это за мечи. Они знают историю Первого Состава. Они боятся нас».

И страх врагов давал им преимущества.

Студенты нерешительно шагали в их сторону, держа перед собой оружия, сжимая рукояти двумя руками.

– Давай, Энтони, вперед! Покажем им! – скомандовал Скальд.

– За дело, док!

И двое друзей замахали семиотиками, бросившись в атаку.

Скальд сразу же разрубил стеклянное копье, направленное в его сторону. Лившись оружием, его враг просто развернулся и с криком пустился в бегство.

– Чертов трус! Вернись! – завопил Малис. – Кроу, займись им!

На пути у Скальда встал новый противник. На этот раз с двумя серпами. Скальд был уверен в своих силах – семиотик разрубит, что угодно. У этого бедолаги просто нет шансов.

Энтони противостоял тот самый Малис и двое оставшихся студентов. Энтони принялся размахивать мечом – он совсем не был готов к тому, что его враг начнет уклоняться от каждого удара.

Малис вертелся и извивался, как рыба, избегая встречи с блестящим клинком.

– Скользкий гад! Черт!

Кроу проделывал со Скальдом тот же трюк. Как Скальд ни старался ранить оппонента, тот всякий раз маневрировал и ускользал от меча.

Милантэ Мунлес приблизился к Айс, лежащей на полу и размахивающей клинком, разрубавшим бесконечные потоки длинных водорослей.

– Долго ты не сможешь сопротивляться, – жестко процедил он.

Айс не сдавалась.

Она зло рыкнула в ответ и разрубила семиотиком пучок водорослей. Увидев, что новой атаки пока нет, она хотела уже встать и напасть на декана, но не тут-то было.

Резкий рывок руки Мунлеса – за спиной Айс вырос короткий столбик коралла и ударил ее между лопаток. Почувствовав неприятный удар, Айс ахнула, и ее пальцы разжали рукоять.

Она выронила меч, а дальше – новая атака водорослей. Прутья схватили Айс и связали руки, примотав к телу, а потом и ноги, лишив ее возможности сопротивляться.

– Нет! – Айс отчаянно вырывалась, но все тщетно. – Что тебе от меня надо? Скальд! Скальд! Энтони!

Мунлес поднял с пола семиотик и внимательно осмотрел магический меч.

– Подумать только! Сколько же еще таких мечей осталось? В вашем мире?

Он хитро взглянул на Айс, давая понять, что ей уже не спастись. Водоросли слишком туго сковали все ее тело, лишив возможности двигаться.

Энтони взмахнул мечом еще раз – Малис ушел от удара и крикнул:

– Давайте!

Удар.

В спину.

Что-то острое полоснуло Энтони по поясу.

Он вскрикнул и рухнул на колени.

– Взять его! – вопль Малиса.

И новый удар – ногой в живой. Его нанес сам Малис.

От удара Энтони выронил меч, а Малис тут же его заполучил. Двое других студентов схватили Энтони за руки, завели их за спину. Они держали его вдвоем, не давая вырваться.

Скальд услышал крики своих друзей: сначала Айс, а потом и Энтони.

«Проклятье! У них большие неприятности».

– Не дайте уйти этому оборванцу с забинтованными руками! – завопил Мунлес.

«Дело дрянь».

Скальд полоснул краем меча Кроу по руке, и тот осел перед ним на колени. В его сторону двинулся Малис.

– Беги! – раздался крик Айс.

Скальд посмотрел на нее – водоросли тянулись к ее рту.

– Скальд! Уходи!

И водоросли перекрыли ей губы, призвав молчанию.

Скальд перевел взгляд на Энтони – из парня выбили дух. Ослабленный и безоружный, он все еще пытался выбраться из хватки двух студентов.

А навстречу Скальду шел Малис, сжимая в руке меч-семиотик.

– Беги! – крикнул Энтони.

И за свой крик он тут же получил удар под дых.

Мунлес протянул свободную руку в сторону Скальда, и из земли прямо перед ним вырвались серые водоросли и потянулись в его сторону.

– Проклятье!

Скальд взмахнул мечом, разрубив несколько пучков морской травы. Но их выросло все больше и больше. Снова и снова.

Он рубил и рубил. А Малис, издеваясь, медленно, но неумолимо приближался к нему.

Скальд понял страшное: ему не выбраться из такой битвы живым. Его враг владеет семиотиком, а Мунлес в два счета своей силой помешает Скальду держать удар в честном бою.

Эти водоросли росли все больше и больше с каждым мгновением.

«Я не могу... не могу... только не так!».

Время застыло.

Скальд смотрел на Айс – все ее тело – кокон из водорослей. Энтони били каждый раз, когда он пытался пошевелить-

ся, вырваться или крикнуть.

Связки водорослей вырывались из щелей на полу и стрелами неслись в его сторону. Малис с семиотиком в руке нахально ухмылялся. Декан Мунлес вращал запястьем, управляя живыми путами.

«Только не это».

Скальд в ужасе осознал: он не может этому противостоять.

Это слишком самонадеянно.

Если он сейчас нападет, то проиграет, и Айс с Энтони уже никто не сможет спасти.

«Черт! Черт! Черт! Только не так...».

Но иного выхода просто нет.

Скальд наносит еще один рубящий удар по водорослям, разворачивается и убегает.

– Нет! – прорычал декан Мунлес за его спиной. – Остановить его! Не дайте ему уйти!

Поток водорослей волной гнался за ним. Малис бежал следом.

Скальд выбежал в один из коридоров, лишенный поворотов и развилок. Путь только один. Сейчас все, что он может делать – полагаться на скорость.

Бег под водой – дело непростое, но крапивная рубашка придавала достаточно «веса», чтобы ощущение бега могло отдаленно походить на движение на суше.

Скальд понимал, что сейчас его спасет лишь город Одд –

бесконечные улочки, в которых он сможет затеряться и избежать преследования.

«Быстрее! Быстрее! Быстрее!».

– Тебе не уйти, мерзавец! – кричали у него за спиной.

Скальд увидел впереди двери.

«Выход».

Это придало ему уверенности в себе, и он ускорил темп.

Рассекая толщи воды, он преодолевал расстояние, отделявшее его от выхода. Скальд уперся в двери, выбил их ударом. Выбежал на улицу, и в нескольких метрах от него начинался город, в котором он мог утонуть.

Малис все еще сзади, нагоняет: Скальд видел, как во тьме коридора мерцал семиотик. Водоросли уже сдались. По всей видимости, декан не мог управлять ими на столь далеком расстоянии.

Скальд пробежал через песчаную равнину. Он быстро достиг Одд. Оставалось лишь сойти с прямого маршрута. Уйти в сторону. Залечь на дно.

Скальд забежал в переулок и спрятался за горой деревянных бочек, на которых стояли стеклянные банки с золотыми светящимися рыбками.

Прижавшись к стене домика, он отдышался.

Скальд осторожно смотрел в сторону главной улицы. Малиса не видно.

«Получилось».

И к Скальду вернулись самые страшные мысли: его дру-

зья, Айс и Энтони, в плену у ректора Академии.

Что с ними будет?

Что они с ними сделают?

И почему декану лицо Айс показалось таким знакомым?

«Он захотел сразу передать ее в руки Лорду Сеере. Как он там сказал? Пусть сам разбирается. Что бы это значило?».

И еще тяжелее Скальду сделалось от мыслей: «что он скажет Альбедо Эрнандесу, когда вернется?».

Глава 8. Последнее пророчество

– Считаешь, это хорошая идея? – Элеонора ван Касл напряженно выглянула в окно, оценив долгий подъем по извилистой каменистой тропе.

– Другого плана у меня нет, Элен, мы должны проверить, – ответил Альбедро.

– Ты прав, – кивнул Хоакин, – если мы где и найдем другие семиотики, то только у нее. С тремя мечами нам не победить. Нужно больше оружия. Врагов у нас стало слишком много. Зло набирает силу. Лига Призраков не остановится ни перед чем на пути к власти над Перламутр-Бич. Они долго скрывались, оставаясь в тени, и копили силы для нападения.

Элен не могла успокоиться. Она поежилась в сиденье, сложив руки на груди. Мысли путались в голове. Оставалось слишком много вопросов, требующих ответов.

– Семь лет, – произнесла она, – что же их так долго задерживало?

– Может, они ждали приказа? – предположил Альбедро.

– «Приказа»? – переспросил Хоакин. – Чьего? На кого ты намекаешь? Верховная...

– Да, она самая. Уверен, что Каме известно о ней больше, чем кому-либо еще. Кроме нее нам не к кому обратиться за помощью. Если кто и знает что-то о Верховной Матери, так

это она.

Хоакин вдавил педаль газа сильнее, поднимая автомобиль все выше и выше по извилистой скалистой дороге.

Элен выглянула в окно еще раз и заметила крапиву. Обваленные стебли. Жалаящая трава скошена. Зелеными гниющими стогами крапива лежала на земле.

Окропленная кровью.

Кровью птиц.

Черные перья. Перья ворон.

– О, нет...

Стоило ей это сказать вслух, Альбедро сам обратил внимание на скошенную крапиву, обсыпанную черными перьями и мертвыми птицами, разорванными на куски. Там голова, там тельце, там крыло. Клюв. Лапка. Глаз.

– Их искромсали, – ужаснулась Элен.

Хоакин вдавил педаль газа сильнее, ускорив подъем. И чем сильнее они приближались к хижине Оракула, тем больше мертвых птиц лежало на земле.

Недалеко от домишка начался частокол из пустых окровавленных кольев.

– На эти колья прежде были насажены головы сов, – вспомнил Альбедро, – Энтони рассказывал.

– Их сняли, – задумалась Элен, – зачем?

– В знак мести и протеста, – предположил Хоакин, – по всей видимости, кто-то наведился к Каме раньше нас.

– Хочешь сказать, что она...

– Я не знаю, Элен. Не могу сказать наверняка. Нам придется проверить все самим. Если ее уже нет, то нам ничего не остается – будем действовать сами и рассчитывать только на свои силы.

Хоакин Мартинес подъехал ко двору хижины Камы и остановил машину. Трое вышли. Элен осмотрелась: все в крови. Крапива повалена на землю. И вокруг лишь мертвые вороны с вырванными из голов глазами.

– Их лишили глаз, лишили зрения. Точно так же, как зрения лишилась сама Кама. Их заставили повторить судьбу своей хозяйки.

– И кто это мог сделать? – Хоакин взглянул на Элен, рассчитывая услышать ее мысли.

– Призрак.

Альбедро первым подошел к двери покосившейся хижины. Дверь изранена трещинами и забрызгана кровью. Слегка приоткрыта.

– Пошли.

Альбедро приготовил револьвер, заряженный жемчужной. Он осторожно пнул носком ноги дверь, и та легко поддалась. Легкого касания хватило, чтобы дверь в процессе открытия сорвалась с петли, и грохнулась на пол, подняв облако пыли.

– Вот проклятье!

Альбедро прокашлялся и заглянул внутрь.

– О, боже... – ахнула Элен, когда последовала за ним.

Весь дом Оракула Камы обращен в жестокий хаос и беспорядок. Все осыпано кровью. Повсюду разбросаны мертвые разорванные вороны. Разбитая посуда. Порванные крапивные рубашки. Сломанная мебель: разваленные стулья, покосившийся стол, обваленные шкафы и полки. Ворохи разорванных книг и клочков разорванной бумаги. И со стен, с потолка – отовсюду стекает белая водянистая молочная субстанция.

– Алойш, – догадался Хоакин, – он пришел отомстить Каме за то, что она помогла одолеть Присциллу Пирс.

– Мечь? – Элен переглянулась с напарником.

– Разумеется. Именно Кама дала ребятам крапивные рубашки и подсказала, где искать Скальда. Без нее Энтони и Айседора не победили бы. Из-за нее погибла одна из них. Более того – пророчества. Лига понимала, что Кама слишком опасна. Она много знает. Будущее. На нашей стороне был сильный партнер. Ее поспешили устранить. Видите... даже тела не оставили.

– Ее не могли похитить? Чтобы пытаться и выбивать из нее пророчества для своей выгоды?

Хоакин не ответил.

Альбедо прошел вперед, к центру комнаты. Он заметил деревянный посох Камы, разломанный надвое.

– Это ее посох.

А потом, осматривая беспорядок, его взгляд наткнулся на еще один труп.

– Господи боже...

Альбедо подошел к углу комнаты и присел на корточки перед кошачьим трупом.

– Ох, какой ужас! – воскликнула Элен. – Алойш не пожалел никого. Он убил всех. Теперь я начинаю с тобой соглашаться, Хоакин. Скорее всего, он поглотил ее и убил, не оставив тела. Оставлять Каму живой слишком рискованно. Тем более этот чудовищный акт совершен в знак мести.

– Осмотритесь здесь, возможно, нам удастся найти целые крапивные рубашки или семиотики. Нам будут полезны любые находки.

Следуя распоряжению Альбедо, все трое разошлись по маленькой комнатке и стали рыться в ворохе хлама, бумаги и зеленой ткани.

Сам Альбедо не сомневался в том, что Кама мертва. Он мог лишь представлять себе ту ярость, в которую пришли оставшиеся Призраки, когда узнали о смерти Присциллы Пирс. Разумеется, они захотели устранить того, кто помог свершится этому убийству.

Осматривая все вокруг, Альбедо наткнулся на деревянный стол, на крышке которого заметил высеченную ножом надпись.

– Посмотрите на это.

Хоакин и Элен, оставив временно поиски, присоединились к другу. Трое собрались у стола, на котором начертаны слова: «Океан сразит сушу».

– Что это, Альбеде? – спросил у него Хоакин.

– Пророчество. Ее последнее пророчество.

– Звучит неутешительно, – сглотнула Элен, – как думаете, все ли пророчества сбываются?

– Кама еще не ошибалась, но я подозреваю, что всякое будущее можно изменить, – с каплей надежды в голосе ответил Альбеде.

– Думаешь, что пророчество можно отвести? – переспросил Хоакин. – Но это слишком яркое и слишком понятное. Думаешь, пророчества, которые высказаны так ясно будут шаткими и подвижными? Обычно именно туманные пророчества больше всего поддаются коррекции.

– Хоакин, что ты от меня хочешь? Я не Оракул и не пророк. Я не спец по таким предсказаниям. Я понятия не имею, как это пророчество пришло к Каме. И мы даже не можем быть уверены, что это ее слова. Может, это послание от Алойша? Может, это он после убийства нацарапал эти слова, чтобы напугать нас? Об этом ты не подумал?

– Из океана на нас готовится атака, война с морем, – задумалась Элен.

– Ох, мой мальчик... мой Энтони... не стоило мне позволять ему идти туда... ох, не стоило...

Элен обняла Альбеде со спины и попыталась успокоить:

– Не бойся. С ним Айседора и Скальд Серпентес. Они не дадут Энтони в обиду. Вот увидишь. Вместе они будут сражаться до конца. И никто никого не предаст, в какой бы

паршивой ситуации они ни оказались. Они скоро вернутся и расскажут нам о том, что готовит дно Сапфирового моря для Перламутр-Бич. Дай им время, Альбеде. У них все получится.

Слова Элен помогли Альбеде успокоиться. Они вселили в него надежду на лучший исход. Он доверяет Айседоре и доктору Скальду, а значит, должен доверять Энтони. И верить ему. Верить в то, что его племянник сильнее, чем он, Альбеде, считает.

– Давайте еще что-нибудь поищем.

Поиски возобновились.

Хоакин принялся рыться во всех шкафах и ящиках. Элен разгребала разорванные крапивные рубашки.

– Страшно представить то, что здесь случилось, – сказал Альбеде, изучая разорванные книги, – как Алойш ворвался сюда к ней... как разнес все в пух и прах... как поглотил ее своей силой и убил... как ее вороны накинудись на него, а он их просто уничтожил несколькими ударами... такая ярость, такая злость... такая сила...

– Мы победим его, Альбеде, вот увидишь, – пытался взбодриться Хоакин, – им не выстоять против нас. Да, они сильные, но у нас уже получилось однажды дать им отпор. Сделаем это еще раз.

А потом раздался радостный крик Элен:

– Нашла!

Она подняла в воздух три свертка зеленой ткани и развер-

нула их один за другим.

– Крапивные рубашки? – Хоакин взглянул на них, продолжая вскрывать один ящик за другим.

– Да, вроде все три целые и не порванные. Они нам пригодятся. Хоть что-то уцелело...

Но это было лишь начало находок.

– И не только это уцелело... – прошептал Хоакин.

– Что там? – Альбедро подошел к нему.

Хоакин стоял на коленях перед открытым ящиком, из которого вытекал золотистый свет.

Альбедро, увидев клад, найденный Хоакиным, застыл в изумлении.

– Немыслимо...

Элен присоединилась к ним, свернув рубашки.

– Ох, сколько ж их тут?! Неужели Алойш не отыскал их?

– Разве удача бывает такой? – Хоакин не верил своим глазам. – Целых пять мечей... пять семиотиков... поразительно! И все это время они были у Камы? Значит, она хранила у себя их все это время. Они пролежали здесь... семь долгих лет...

Хоакин осторожно взял один из мечей за рукоять и вынул из ящика.

– Клинки как на подбор. Ничем не отличаются друг от друга. Такие же, как наши. Идеальное оружие. Слишком идеальное, чтобы его как-то менять. Удивительно. И как она пронесла их мимо «Харона»? Целых пять мечей утащила из-

под носа Ордена Печатей. Ну, ты даешь, Кама...

Хоакин принялся собирать все оружие и складывать на стол рядом с таинственной надписью, высеченной в дереве.

«Океан сразит сушу».

Это не давало Альбедо покоя, а потому он продолжил поиски. Он надеялся среди мертвых птиц, порванных рубашек и разодранных книг найти что-то еще, что помогло бы им победить в войне против Призраков Перламутра.

Пока Элен и Хоакин погружали свои находки в машину, Альбедо рылся в хламе, заполнявшим дом Оракула.

Опустившись на пол, он осматривал одну книгу за другой, один пергамент за другим. И поиски даром не прошли.

– Ты идешь, Альбедо? – вошел в дом Хоакин. – Здесь больше ничего нет. Что ты ищешь? Нам пора возвращаться.

И он как раз нашел кое-что. Возможно, не совсем то, что хотел найти, но потраченное время стоило того.

– Идите сюда.

Альбедо поднялся на ноги, держа в руках тетрадь с черной кожаной обложкой.

– Что это ты нашел? – Элен заинтересованно подошла к Альбедо и взглянула на тетрадь.

Альбедо открыл ее, пролистал страницы.

– Судя по всему, это ее дневник.

– Записи Камы? О чем? Может, там мы найдем пророчества? – предположил Хоакин.

Все заинтересовались находкой.

– Пророчеств здесь не будет, но зато... в этой тетради написана история Камы о ее путешествии через Проход... в иное измерение.

Всю дорогу на поверхность Скальд думал только об одном: «Только бы меня не нашли». Он скрывался среди улочек города Одд, пробирался через обломки кораблей и огромные раковины, служившие жителям города домами. Он ушел подальше от дороги, ведущей на кварцевые шахты. Скальд предположил, что Омут может искать его там. У Омута есть доступ ко всем местам здесь, на дне.

И только в Пепельные Глубины может попасть лишь ректор Лорд Сеера.

В остальном Омут по приказу декана Мунлеса может обчистить весь Одд, войти в каждый дом, чтобы обыскать его и найти тех, кто укрывает преступника с поверхности.

Врага с суши.

«Айс... Энтони... простите меня...».

Скальд уходил все дальше от Одда. Дойдя до края, до скалы, он поплыл вверх. Достигнув Ущелья, Скальд решил не проплывать через него снова, а поплыть выше, к самой поверхности.

Одд остался далеко внизу. Подводный город с его яркими золотистыми огнями – светящимися рыбками, – с его удивительными постройками, уровнями и чудными жителями, прибывшими сюда из иного мира в роли первых поселенцев.

Все они искали здесь новой жизни, а попали в рабство Академии, которая обрекла их на работу в кварцевых рудниках.

Власть. Влияние. Социальный строй. Иерархия. Правила и приказы.

Тяжелый труд не только на шахтах, но и в Академии. Студенты, вынужденные ставить эксперименты и создавать оружие для своего ректора, который затеял войну с поверхностью.

«И Айседора сейчас у него в руках... у этого самого ректора! Из-за меня! И почему я позволил нам пойти туда? Почему полез в это дерьмо? Почему мы не вернулись, как хотел Альбедо? Ох... Энтони... что же они сделают с ним? Отведут в Перекрестки? Поставят опыты? Сделают из него оружие? Черта с два! Его нужно срочно вытаскивать оттуда... немедленно!».

Когда Скальд всплыл на поверхность, вода вышла из легких. И воздух снова стал основой дыхания. Внутренние системы перестроились и вернулись к прежней работе.

Скальд чуть не потерял сознание – так долго он еще никогда не дышал под водой. Он использовал крапивную рубашку лишь однажды, чтобы выбраться из подводной пещеры Присциллы Пирс через Колодец, где она его держала, закованного в цепи.

Скальд, глотая воздух, как нечто чужеродное, постепенно привыкая к прежнему дыханию, лежал на спине и качался на волнах, держа семиотик в руке.

До берега далеко, а Мэтью Симонс давно уплыл. Скальд оказался один в открытом море. И путь лишь один – плыть к берегу. Самому. Без помощи.

Но теперь он не боится того, что находится на дне. Тайна раскрыта. Он знает, откуда взялись чудовища, убившие Мису. Он знает, почему нельзя есть рыбу, если не хочешь стать зомби-рыбоедом. Он знает, что за дельфина отыскал Хоакин Мартинес и поместил в свою лабораторию, а потом убил.

Подводный город Одд. Академия Марии Селесты. Перекрестки. И Глубины Пепла, таящие в себе Проход в иное измерение.

Вот ответы на вопросы.

Вот, с чем они имеют дело.

«И это только начало».

Скальд взял себя в руки и после отдыха начал плыть в сторону берега. Путь был неблизким. Его руки и ноги молили о пощаде. В основном, конечно, руки. Бинты размотались, и раны обнажились, позволяя соленым водам ласкать себя.

Скальд не мог плыть слишком быстро или слишком долго. Он позволял себе делать небольшие паузы, во время которых ложился на спину и качался на волнах. Ему оставалось лишь надеяться, что эти самые волны не унесут его слишком далеко, и весь проделанный путь не окажется напрасным.

Так он и делал: плыл и отдыхал, – приближаясь к берегу, к родному Перламутровому Пляжу.

Дальше останется найти ту самую брешь в незримой сте-

не, которую они оставили. И встретиться с ними... Альбедро, Элен, Хоакин, Матео, Беатрис и Лита ждут их возвращения.

«Из троих вернулся лишь один».

К тому моменту, как Скальд, уставший и изнеможенный, выбирался на берег, он так и не придумал, как рассказать обо всем Альбедро, чтобы тот его не убил на месте.

«Мне конец. Прими это Скальд. Тебя убьет не Вилиамонт Гринштейн, не ректор Сеера и даже не Верховная Мать, который ты зачем-то понадобился. Тебя убьет человек, чьего племянника ты не уберег».

И еще его не отпускали мысли о Натаниэле. Что он узнал? Пока Скальд плыл, Маяк не спускал с него глаза-фонаря.

Глава 9. Путь Оракула

Нас было семеро.

Экспедиция назначена на утро завтрашнего дня. Весь день у меня скакало давление, но вида не показывала. Не хватало отстранения от задания по состоянию здоровья. Я долго шла к тому, чтобы пробиться в ряды участников этой экспедиции, и сдаваться за несколько часов не собираюсь. Переживу, перетерплю. Выпью таблеточку и просто полежу. Все пройдет.

Завтра утром меня ждет другой мир.

Иное измерение, полное тайн, загадок, неизвестности и опасности. Особое внимание уделяется именно «опасности». Что нас ждет там? Кто нас ждет?

Конечно, никто не ждет. Мы будем чужаками. Странниками. Чужеземцами. Мы вторгнемся к ним без спроса. Никто не приглашал нас, не рассылал приглашительные открытки по почте с милыми картинками и надписями: «Добро пожаловать в наше измерение! Будем рады встречи с вами. Будем делиться опытом и впечатлениями, а также рецептами ваших и наших вишневых пирогов».

Нет.

Мы войдем к ним так же, как они вошли к нам. Проход, соединяющий два мира, навсегда связал жизни жителей двух миров. Или большего числа миров? Это мне еще предстоит

узнать.

Они проникли к нам и увидели в нас угрозу. Теперь и мы не можем видеть в их лицах мирных существ. Война уже идет. На нашей земле. И пришло время войти к ним, чтобы отыскать там оружие против них самих.

Поначалу эта идея казалась мне опрометчивой. Но чем ближе я оказывалась перед днем похода, тем тверже делалось осознание того, что экспедиция необходима.

У нас есть шанс спасти всех.

У меня есть шанс спасти кого-то. Защитить свой мир. Повлиять на будущее. Определить его. Создать другую судьбу для тех, кто ввязался в страшное противостояние.

Здесь, в Пепельной Глубине, мы прошли через Проход. Это щель. Брешь. Дыра в Мироздании. Люди потревожили саму ткань Вселенной. Саму суть Бытия. И породили изъян, который разрастается и несет ужасные последствия для всех нас: для жителей всех миров.

Нас отправили утром, снарядив лишь револьверами с пулями-жемчужинами. Перламутр оказался единственным веществом, способным ранить врагов. Они слабы перед ним, но этого еще мало. Нужно что-то большее, что-то универсальное, что-то могущественное и разрушительное.

Такова наша цель. Мы идем на смерть, чтобы принести смерть другим. И спасти род человеческий от иных – тех, кому на нашей земле не рады.

Рюкзак на спине. Защитная форма из плотной кожи. Ре-

вольверы с жемчугом. И в путь.

Я вошла в Проход последней, седьмой.

Вероятно, именно эта случайная очередность спасла мне жизнь.

Когда я шагнула в Проход, красные и черные прутья окутали меня. Они скользили по телу, лаская и жаля. И разум помутнел. Я увидела маму, утонувшую в море у меня на глазах. Я увидела отца, сорвавшегося с утеса. Я видела смерти тех, кого любила. О ком страдала. Кого вспоминала. Кого не могла выпустить из своего сердца.

А ноги шли вперед.

Шаг за шагом... и красные корни завивались вокруг рук и ног. Обвивали шею. Лезли на лицо. Ползли ко рту.

Шаг и еще шаг.

Сознание рисовало воспоминания о боли, пережитой мной за всю жизнь. Бессонные ночи. Плач. И крики.

Мой плач и мои крики. Я слышала их у себя в голове, когда проходила через расщелину меж мирами.

По коже струился холод. И влага. А вокруг – полыхали пожары. И тлели обугленные деревья и человеческие тела.

Еще один шаг, и разум просиял.

Я открыла глаза, и увидела кровь в воде.

Растекаясь алыми струйками, она бежала во все стороны тонкими извилистыми тропинками.

И мертвые тела.

Участники экспедиции.

Пять трупов. И один... еще живой.

Он брел куда-то в пустоту, покачиваясь, шатаясь из стороны в сторону, придерживая кровавую рану на животе.

Мои ступни проваливались в воду.

Вода повсюду. А в воздухе – белый туман.

И ничего не видно.

Последний выживший брел в белую мглу. Потом я услышала его крик. И он пропал. Последнее, что я увидела – алый всплеск.

И новые багровые струйки потянулись по воде в мою сторону.

Все мертвы.

Передо мной лежали их изувеченные тела. Израненные. Покрытые сотнями кровоточащих порезов. Словно их всех протерли на терке. Оторванные конечности. Выколотые глаза. Откусанные языки. Вспоротые животы.

Ощувив комок, подступающий к горлу, я не выдержала и побежала.

Плюх-плюх-плюх...

Под ногами только вода, затопившая всю землю вокруг. Я не думала о глубине. Не думала о том, что могу провалиться вниз, в яму, упасть, утонуть, умереть.

Я просто бежала без оглядки. Уровень воды постоянно оставался одним – по щиколотку, не больше.

Ноги промокли быстро – плевать. Я хотела спастись от того ужаса, который погубил всех участников экспедиции. По-

чему эти твари не тронули меня? Почему не убили? Почему не вырвались из белого тумана и не разорвали на куски?

Почему я жива?

И почему все еще бегу от смерти, царившей в этом проклятом и забытом богами мире?

Туман начинал постепенно отступать. Он никогда не исчезал совсем. Он просто становился прозрачнее. Серел, делался не столь густым. И сквозь него можно было увидеть дома.

Деревянные домишки: один-два этажа. Одинаковые маленькие домики, стоящие в ряды. Целые улицы. Дорожки под водой. Садики, клумбы, фонарные столбы, не дающие света.

Город в тумане.

Затопленный город.

Город, который я узнаю в любом месте, в любом его виде, в любом обликии.

Перламутр-Бич.

Древний и всеми забытый. Такой, каким его никто не помнит.

Никаких асфальтированных дорог, никаких высоток, баннеров, рекламных щитов, никаких кафе и ресторанов, никаких парков и скверов, никаких магазинов и торговых центров, никаких музеев и кинотеатров, никаких машин и никаких людей.

Только старая пустая затопленная деревня, затянутая ту-

маном.

И даже птиц нет. Тишина.

Всепоглощающая и бесконечная. Мучительная и пугающая.

В какой-то момент я подумала, что уже оглохла. По плеск воды под ногами говорил об обратном.

Я перестала бежать, понадеявшись на то, что опасность осталась позади.

Начались мои блуждания по туманному затопленному старому Перламутр-Бич. Улочки-близнецы. Дома-близнецы. Поначалу город казался мне заброшенным. Из него ушла вся жизнь. Но потом эти ощущения сменили другие. Мне стала видаться во всем какая-то фальшивость. Искусственность. Будто это место кто-то воссоздал из пустоты. Оно не настоящее. Оно не было живым никогда. Оно всегда было пустым и одиноким. Муляж. Модель. Экспонат, который никогда не использовался по назначению.

Просто скульптура в натуральную величину. Очень правдоподобный манекен.

Словно меня уменьшили, и я оказалась посреди макета, спрятанного за стеклом в коридоре торгового центра. Все такое игрушечное, притворяется настоящим.

И я совсем одна.

Думала ли я, что увижу то, что видела, когда шла через Проход? Будучи честной перед самой собой, я вообще ни о чем не думала. Я понятия не имела, как должно выглядеть

другое измерение. И даже не строила никаких догадок о том, что там будет.

Лес? Город? Пустыня?

Я не фантазировала на эту тему. Не готовилась ни к чему.

Я просто прошла через Проход и оказалась там, где оказалась.

Как долго я слонялась по туманному городу, нарушая мертвую тишину шагами? Уже и не вспомнить. Времени там не ощущалось. Не было ни солнца, ни двух лун. И не понятно: то ли вечер, то ли утро. Бесконечная серость. Бесконечный туман. И бесконечный однотипный городок, в котором запросто можно заблудиться. Все улицы-близнецы. И от этого беспокойно. Зайдя в этот лабиринт, есть риск не выбраться из него никогда.

Стоит пойти в одну сторону – всегда наткнешься на тупик и придется сворачивать с пути. Это приведет к бесконечному плутанию и выбору неверных поворотов, которые приведут в другое место, так сильно похожее на то, где ты уже бывал. Путаница невероятная!

И зацепиться-то не за что. Никаких ориентиров или отличительных знаков.

Все очень похоже. И однообразие пугало до истерики. Создавалось ощущение замкнутого пространства. Ты волен пойти куда угодно, но тебе не выбраться из этого места, если не знаешь правильной дороги.

Так я и бродила по однотипным улочкам, пока не встрети-

ла его... сияющую фигуру, наполненную серебристым светом.

Олень, скользящий по водной глади.

За его спиной тянулась тонкая струйка света, за которой я и последовала, как за нитью, способной вывести меня отсюда.

Я кликала его, просила остановиться и подождать. Но олень не слышал меня. Или не хотел слышать. Я бежала за ним. Он каждый раз скрывался за поворотом, и я не могла увидеть его полностью – лишь серебристую ленту, скользящую за ним плащом.

В какой-то момент я решила для себя, что это существо, кем бы оно ни было, единственное, способное помочь мне выбраться. Я не могла упустить такой шанс. Кто знает, сколько бы я еще блуждала в туманном городе, если бы не встретила его?

Наверное, всегда. До самой смерти.

Или меня бы нашло то, что убило остальных членов экспедиции.

Я бежала за сияющим оленем, как за последним лучом надежды, постоянно ускользящим из моей жизни.

За очередным поворотом открылась длинная улица. И в конце дороги стоял он, лицом ко мне, не двигаясь с места.

Он ждал меня.

Боясь его спугнуть, я перешла на шаг. Я осторожно приближалась к сияющему белому оленю, внимательно осмат-

ривая его. Он словно соткан из света, стекающего по незримой оболочке тела. Сверкающие рога, естественные спокойные движения копытами и шеей. Он видел меня. И ждал меня.

Я обрадовалась тому, что он больше не убегал. Подойдя к оленю, я наконец заметила главное – конец улицы вел к выходу из города. Он привел меня туда. Он помогал мне.

– Спасибо, что показал дорогу, – первое, что я сказала своему спасителю.

Олень кивнул в ответ.

– Как тебя зовут?

– В этом мире нет имен.

– И как же вы живете? Меня зовут Кама.

– Рад знакомству, Кама. Иди за мной, я кое-что покажу.

Он развернулся и медленно зашаг к выходу из города. Я следовала рядом с ним.

– Почему ты помог мне? – не выдержала и спросила я.

– Кто-то должен вернуться назад, в свой мир, чтобы помочь этому миру.

Тогда я ничего не поняла.

– Ты знаешь, кто убил моих друзей?

– Да, знаю. Лучше один раз показать.

И мы вышли из города.

Мы оказались на том месте, где должно было растекаться Сапфировое море. Но в этом мире вместо него была лишь бесконечная ровная водная гладь, затянутая туманом.

Впереди – пустота.

И в нее совсем не хочется попадать.

Уж лучше блуждать по безымянному городу, чем ходить в такой пустоте, где нет абсолютно ничего.

Настоящий ад.

– Что здесь? – не поняла я.

Олень не ответил.

Но стоило мне моргнуть, и я увидела это...

Красные и черные цвета... деревья, уходящие в багровое небо...

Открыла глаза – снова туман и водная гладь.

– Что это было? – я испугалась.

– Смотри внимательнее.

Я моргнула снова, на этот раз стараясь удержать глаза закрытыми дольше.

И опять: ужас, хаос, кровавая чернота и боль внутри от одного лишь взгляда на это.

– Не могу... тяжело смотреть... что это такое?..

Я отвернулась прочь от водяной равнины.

В мое сознание вторглась догадка: закрывая глаза, я вижу то, что скрыто сейчас от моих глаз. Оно здесь... прямо сейчас! Весь этот ужас прямо передо мной! Но он незрим. Невидим для тех, чьи глаза открыты.

– Приглядишься.

В горле защемило.

Желания видеть кошмар вновь у меня не было. Но я на-

бралась смелости, развернулась к равнине и опустила веки.

Высокие черные деревья, исчерченные красными трещинами, из которых сочилось нечто темное и неприятное. Алые молнии рассекали гнилую черноту. И по воздуху сыпался пепел. А под ногами – смола с красными прожилками.

Я открыла глаза вновь – туман и вода.

– Что это было? – спросила я у оленя.

На этот раз он ответил:

– Аллеи Скверны.

Услышав это в первый раз, стало тошно.

– Скверна...

– Она погубила твоих людей. Они вошли в нее. И погибли.

– Что это такое? Откуда она взялась? И как... как ее уничтожить?

– Она проникла из вашего мира. Скверна обосновалась здесь. Этот мир стал для нее домом. И теперь через Проход ее порции проникают в ваш мир обратно.

– Как это возможно? Я не понимаю. Кто... откуда... как...

– Слишком много вопросов, требующие ответы. Ответы, без которых победа невозможна.

– Невозможна победа?

– Да, Кама. Я могу тебе помочь отыскать эти ответы. Увидеть то, что не видят другие. Будущее, скрытое от простых глаз. Скверна, которую ты сможешь видеть повсюду, где она есть. И оружие... способное ее одолеть.

За этим мы сюда и пришли.

Я здесь, чтобы найти ответы и оружие!

– Я согласна.

– Но у всего есть своя цена.

– Цена?

– Я дам тебе силу видеть осколки будущего. Слышать отголоски грядущего. Пророчества, которые невозможно ответить, но важно верно истолковать. Порой слова не всегда значат именно то, что кажется на первый взгляд. И в этом будет твоя задача. У тебя будет эта сила и с ее помощью ты сможешь привести героев к победе.

– Героев?

– Не ты одолеешь зло, но поможешь в этом другим. Я вижу твой путь. Вижу, какую роль сыграешь ты и твой выбор, который ты сделаешь сейчас.

– Мой выбор поможет победить Скверну?

Олень промолчал.

– Решайся сейчас, Кама. Второй раз я предлагать не стану. Будущее стоит на развилке. Тебе выбирать дорогу.

– Что я получу, если соглашусь?

– Силу видений. И оружие, рассекающее любые материи.

И еще... семена...

– Семена?

– С их помощью ты вырастишь особые растения. И твоя сила подскажет тебе, что с ними нужно будет сделать. Особые растения. И особые семена. Все это пригодится, но потом.

Тогда я плевала на эти семена. Меня волновало оружие и сила, которую я получу взамен...

– А что я должна отдать?

– Часть своей жизнь. И дар видеть обычное, чтобы получить дар видеть другое.

– «Дар видеть»?

– Зрение, Кама. Я заберу его.

Какая цена может быть страшней?

Чего человек боится лишиться больше всего? Потерять в себе?

Зрение помогает жить полноценно. Столько информации мы получаем именно через зрение. И страшно представить жизнь без него.

– Я не могу...

Я отвернулась.

– Эта жертва лишь часть того, что я возьму. Зрение я заберу взамен на дар видеть больше, чем ты видела раньше. А за годы жизни ты получишь семена и оружие.

– Почему тебе нужна моя жизнь? Если ты хочешь победы, как и я, почему не даешь мне все даром? Мы же на одной стороне.

– Я не могу создать все из ничего. В твоей жизни будет энергия, которую я использую, чтобы создать оружие.

– И сколько тебе нужно моей жизни?

– Почти вся...

Ноги подкосились.

Я упала в воду и заплакала.

Отчего цена победы так велика?

Отчего я должна отдавать свою жизнь взамен на жизнь других?

– Сколько... сколько я проживу, если отдам свою жизнь?

– Скажем, цифра семь.

– Семь... чего? Часов, дней, месяцев, лет?

– Ты все увидишь сама, когда потеряешь зрение.

Я схватилась за волосы.

Голова шла кругом.

– Я не готова... не могу...

– Решайся, Кама. Эта плата взамен на знания и силу, способную противостоять врагу... я считаю ее вполне оправданной. Я даю возможность тебе и возможность твоему миру выстоять... и не умереть навсегда.

Развилка будущего.

Так назвал он назвал то, с чем я сейчас столкнулась.

Мой выбор должен определить все.

Участники экспедиции мертвы. Осталась только я. Почему Скверна не убила меня? Неужели, мне чудом удалось выжить?

И я – единственная, кто может вернуться домой с победой.

Мой долг, моя обязанность, мой выбор...

– Это будет больно?

– Все нет. Ты просто закроешь глаза. А открыв их вновь,

увидишь мир совсем иным. И сама ты станешь другой. И я дам тебе семена и оружие.

– Сколько оружия?

– Скажем, число десять. Твоей жизни хватит на десять.

Еще один я уже сделать не смогу.

– Ты используешь всю мою жизнь, чтобы извлечь из нее максимум, так?

– Верно.

Я отдаю всю себя для победы моего народа.

Для победы рода людского.

– А... Скверна? Я узнаю, что это такое?

– Непременно.

Ответы на тайны Мироздания.

Ответы на вопросы будущего.

И плата за них – всего лишь зрение и годы жизни?

Дойна ли эта цена того, что я получу? И могу ли я доверять ему? Выбор за мной.

Я встала на ноги, повернулась к оленю и дала ответ:

– Ради будущего людей... я готова. Дай мне всю эту силу.

Олень кивнул и велел закрыть глаза.

Его свет ослепил меня, но не до конца. Открыв глаза, я видела мир во тьме с размытыми фигурами. Лишь очертания предметов. Слабые тени материи.

Я опустила взгляд на воду и увидела свое лицо – дряблое, морщинистое, старое.

Я потрогала руки, кожу, лицо, волосы...

– Вот и стала старушкой.

Я отдала годы жизни и зрение, чтобы видеть то, что скрыто от посторонних глаз.

Стоило поднять взгляд – чертоги Аллей Скверны разверзлись передо мной. Вся тьма, весь ужас, все непомерное зло... я видела это. Видела своими глазами.

И никому не пожелаю ступить туда.

Пускай весь свет вокруг меня померк, я еще видела сияние оленя. Он позволял мне видеть себя. Кем же он был? Я так и не узнала.

Когда я посмотрела на него снова, то заметила, что рогов у него нет. Он отдал рога, чтобы сделать те самые мечи, лежащие передо мной.

Десять клинков, сотканые из света и символов, переливающихся спиралью, выстраивающихся в тонкую нить – жало.

Клинки, которые в будущем назовут семиотиками.

Десять мечей принадлежали мне.

Оружие, способное сразить врагов.

И мешочек.

Мешочек с семенами. С их помощью я выращу урожай крапивы и сошью рубашки, которые подарят возможность своему носителю дышать водой.

Я взяла все дары, спрятала в рюкзак, хотела отблагодарить оленя, но тот исчез. Растворился навсегда.

И мне показалось... что он убежал в Аллеи Скверны...

Впрочем, мне никогда этого не узнать.

Используя новое зрение, я нашла Проход, через который вернулась обратной в свой мир. Десять клинков были отданы Ордену Печатей.

Пятеро из них погибли сразу, в первой же боине, и я тайно выкрала их мечи.

Пять клинков продолжали принадлежать своим владельцам. Лиана, Аладар, Элеонора, Хоакин и Альбедо. Двое погибли в последней битве, и их клинки оказались утеряны на дне. А трое других остались у одного из Печатей – Альбедо Эрнандеса.

Я не стала их забирать, потому что знала, что война еще не окончена. И эти пять мечей, оставленных у меня, еще сыграют свою роль, когда пройдет семь лет.

Семь последних лет моей жизни, за которые я должна собрать достаточно подсказок и знаний о будущем, которое ждет все миры.

Глава 10. Вести со дна

Скальду врезали по носу.

Удар оказался достаточно сильным – Скальда мгновенно откинуло назад, он попятился и упал на стеклянную витрину. Новый удар – прямо под лопатки. На этот раз от острого стеклянного угла.

Раздался треск.

Стекло под весом Скальда расколосось и рассыпалось. Он рухнул ниже – новый удар. В спину Скальда впились рыбацкие крючки.

Острая боль пронзила всю спину.

Из носа после удара хлынула кровь.

Он ощущал на лице невероятный жар, а в конечностях – холод.

«Это кара. Наказание за все, что я совершил. Отличный удар, Альбедо».

– Как ты мог? – Альбедо тяжело дышал.

Его плечи яростно вздымались. Он готовился к новому нападению.

Стоило Альбедо двинуться с места, сзади его схватил Хоакин Мартинес.

– Альбедо, уймись! Он же не хотел этого.

– Им было велено вернуться! – рычал и вырывался из крепкой хватки Альбедо. – Они обещали! Обещали, что с

ним ничего не случится! Он обещал! Она обещала! Они сказали, что позаботятся о нем! Обещали, что вернут его назад! Живым! Мать вашу! Живым...

Хоакин крепко обнимал Альбедро, не давая тому совершить очередное нападение на Скальда.

Элен поспешила на помощь Скальду, когда тот сполз с витрины на пол.

– Беатрис, принеси, пожалуйста, чистое полотенце и воду, – велела Элен.

Девушка кивнула и побежала в кладовку. Матео так и завис, глядя на все происходящее. Его ноги в конце концов подкосились, и он побрел к стулу, чтобы присесть.

Никто из них не мог принять того, что Айседора и Энтони не вернулись со дна.

– Альбедро, мы все понимали, что это будет опасная миссия, – Хоакин не терял попыток привести товарища в чувство.

– Именно поэтому я приказал им не лезть дальше своего носа, а возвращаться сразу же, как только они увидят, что там находится! – вскрикнул Альбедро. – А они сунулись в эту чертову Академию! Какого...

И Альбедро вырывается из хватки Хоакина и бросается в сторону Скальда с кулаками, весь пылающий от дикой ярости.

– Альбедро-Альбедро, нет! – бросил в спину Хоакин.

Элен, заметив приближение разъяренного Альбедро, вста-

ла на ноги и прикрыла Скальда спиной.

– Альбедо.

Он застыл перед ней.

Он смотрел сквозь нее прямо на Скальда.

Скальд, пытаясь прийти в себя после удара и болезненного падения, чувствовал на себе этот взгляд.

– Отойди, Элен.

– Нет.

– Отойди.

– Ты не посмеешь.

– Я имею...

– Нет, Альбедо, ты не имеешь права так с ним поступать.

– Элен, не вынуждай...

– Не с места, Альбедо. Умерь пыл.

– Ты не понимаешь...

– Я все по...

– Не говори так! Черт! Ты не понимаешь! Энтони – мой племянник. Мой единственный родной человек. Я и он – маленькая семья. У нас больше никого нет.

У Элен не нашлось ответа. Она видела в глазах Альбедо дикую злость и отчаяние, поглощавшее его с каждой секундой.

– У вас есть мы, – прозвучал голос Матео в тишине.

Альбедо тяжело выдохнул и закатил глаза.

– Однажды он чуть меня не потерял. Если бы я вернулся на дно, чтобы проверить закрыт ли Проход, меня бы схвати-

ли. И Энтони остался бы один. Понимаешь меня, Элен? А теперь я потерял его. Он ушел на дно вместо меня, чтобы все разузнать...

– Альбедо...

Ее рука потянулась к нему.

Но Альбедо отмахнулся от нее.

– Не трогай меня.

Альбедо развернулся и пошел прочь.

– Я просто хочу вернуть своего племянника.

Зазвенели дельфины-колокольчики, и Альбедо покинул «Глубоководье».

Беатрис вернулась из кладовки с полотенцем и кувшином с водой в руках. Она быстро осмотрелась и направилась к Скальду и Элен. Присела рядом с ними.

– Спасибо, Беатрис.

Элен промокнула полотенце водой с одного края, слегка отжала и промокивающими движениями промыла лицо Скальда от крови.

– Кровь не идет?

Скальд слегка опустил голову, пытаясь это понять. В носу он не чувствовал уже ничего влажного.

– Вроде нет.

– Хорошо.

Элен продолжила вытирать лицо. Скальд хотел сесть удобнее, но Элен велела ему:

– Только не шевелись пока. У тебя осколки в спине. Дай

сначала я займусь ими, а потом ты сядешь, ладно?

Скальд кивнул.

– Беатрис, принеси аптечку.

Но только она хотела встать, как Матео ее опередил:

– Я принесу.

Пока Элен обрабатывала раны Скальда, он взглянул на Хоакина, запустившего руку в волосы.

– И чья была идея пойти в Академию? – спросил Хоакин.

Скальд не стал врать:

– Наша общая. Мы все вместе решились на это. В какой-то момент... мы просто поняли, что сделать это маленькой группой будет гораздо легче. Тайное проникновение как никак. И мы уже научились плавать с помощью рубашек. Мы... переоценили свои силы.

– Как думаешь, куда они могли забрать Энтони? – спросила Элен.

– Перекрестки. Это все, что я могу предположить. Семиотики у них, и я думаю, что Мунлес найдет применение живому Энтони.

– Живому?

– Академия – место экспериментов. К ним в руки попал житель с поверхности. Глупо убивать такой экземпляр. Понимаете? Живой он им будет полезнее, чем мертвый.

– На Энтони будут ставить опыты? – ахнула Беатрис.

– Скорее всего так, да. Но он будет жив, а значит у нас еще есть шанс его спасти. И Айседору... я так и не понял, что в

ней увидел декан Мунлес. Он так посмотрел, словно узнал ее... или обознался. Я не знаю. Он посчитал Айс слишком важной и передал ее ректору, чтобы он лично разбирался с ней.

Матео принес аптечку. Пока Элен занималась ранами Скальда на спине, доставая из его тела осколки стекла и рыболовные крючки, Хоакин поведал об их путешествии на Крапивный Утес и о том, что им удалось там найти.

Находки Скальда впечатлили. И смерть Оракула тоже. Он помнил, как встретился с ней на Пляже. Была ли это она сама? Спустилась с Утеса? Или послала какую-то свою проекцию? Этого он уже никогда не узнает. Ему так и не довелось пообщаться с Камой лично. В тот раз он отправил на это задание Энтони и его друзей, Матео и Беатрис.

– Значит, всего клинков десять, – подвел итог Скальд.

– И мы располагаем шестью из них, – кивнул Хоакин, – в этом у нас есть преимущество перед врагом. На дне осталось четыре клинка. Два, принадлежавшие Лиане и Аладару. И два наших, которые они отняли у Энтони и Айседоры.

– Считаешь, это сильным преимуществом? – нахмурилась Элен.

– Здесь, в Перламутр-Бич, вероятно, да. Против нас стоит Лига Призраков. И их осталось трое. И у них нет ни одного меча. А вот против Академии Марии Селесты... у них помимо мечей припасено для нас много сюрпризов.

Скальд согласился с Хоакиным и добавил:

– Да, у них есть не только армия студентов, готовая сражаться, не только множество гадких тварей, которых они так старательно создавали все эти семь лет, но и тайный проект Омута. Чем бы он ни был, это что-то грандиозное и очень сильное, если об этом известно лишь Омуту и самому Лорду Сеере.

Скальд начал анализировать всю ситуацию, в которой они оказались. С одной стороны, Алойш воздвигнул стену, изолировавшую весь Перламутр-Бич от остального мира. Сам он постепенно захватывает город, подчиняя своей воле все больше простых жителей. Вилиамонт и Эвристика пока не показывали свою силу. Возможно, они уже сейчас готовят следующее нападение. С другой стороны, на дне Сапфирового моря готовят тайное могущественное оружие, чтобы обрушить его на Перламутр-Бич. У них уже есть целая армия из морских тварей, подвергнутых жестоким экспериментам.

«Нас зажимают в тиски со всех сторон. Айс и Энтони уже не могут нам помочь. Им самим нужна помощь. А у нас есть только шесть семиотиков и проклятое пророчество мертвой ведьмы. «Океан сразит сушу». Неужели, это конец? Неужели, мы заведомо проиграли? Тогда зачем олень из иного мира предложил ей сделать такой выбор? Он тоже видел будущее. Иначе быть не могло. Он знал, что если Кама примет его предложение, то будущее пойдет по пути победы против... против Скверны... Что это еще за дрянь такая? Почему раньше они о ней не знали? И Эванджелина ничего не

говорила о подобном. А ведь эта штука находится в ее измерении! Почему так все сложно? И где прячется Верховная Мать? Где Нат?».

– Что будем делать? – спросил Матео. – У нас есть какой-то план?

– Для начала, я думаю, нам стоит ослабить позиции врага на суше, – ответил решительно Хоакин.

– Хочешь, чтобы мы выступили против Алойша и его армии рыбоедов? – выгнула бровь Элен.

И на этих словах двери «Глубоководья» открылись. На пороге появился начальник полиции Перламутр-Бич, Людо Ксавьер, и сходу произнес:

– Да, я хочу, чтобы мы выступили против Алойша и сделали это немедленно.

За спиной Ксавьера смиренной походкой зашел Альбедро, прикрыв за собой дверь в магазинчик. Заметив появления Ксавьера, Матео, Беатрис и Хоакин быстро встали и выпрямились, словно встречая генерала.

– Я все рассказал мистеру Ксавьеру, – заверил всех присутствующих Альбедро, – теперь он в курсе всех наших проблем.

– Да, и вот, что я скажу: Перламутр-Бич по уши увяз в дерьме. И чем дольше мы будем медлить, тем глубже этот город утонет. Пришло время нам его вытаскивать. Мы больше не можем оставаться в стороне и спокойно смотреть, как эти твари уничтожают все, что мы создали здесь. Я подозре-

вал, что с Сапфировым морем что-то не чисто, но такое... все мои самые страшные гипотезы рассыпались в прах, когда Альбедро мне все рассказал. Я здесь, чтобы помочь вам. На армию рассчитывать не стоит, а вот мои ребята с участка готовы действовать. Мы – последняя оборона города. И мы не сдадим его врагу. Первым делом я предлагаю избавиться от наглого ребенка, поселившегося в фонтанном парке. Что скажете? Я слышал, вы нашли действенное оружие против гада. Покажите.

Хоакин достал из-за прилавка черный кейс. Открыл его и извлек один семиотик, продемонстрировав сверкающий меч из символов начальнику городской полиции.

– Ты как, Скальд? – Элен закончила обрабатывать раны на спине.

– Порядок, спасибо.

Скальд украдкой взглянул на Альбедро – тот и не думал смотреть в его сторону.

Элен осмотрела израненные руки Скальда. Кожа, покрытая кровоточащими трещинами, россыпью бегущими от самых подушечек пальцев до локтей.

– Тебе перевязать руки?

Скальд только сейчас поймал себя на мысли, что Элен смотрит на его раны.

– Да, пожалуйста.

До этого момента никто, кроме Литы не перевязывал ему руки. В первый раз это сделал кто-то другой.

Тем временем Людо Ксавьер, получив в руки семиотик, внимательно изучил магическое оружие из иного мира, созданное мистическим светящимся оленем, которого Кама встретила во время своего путешествия.

Мечи, созданные из самой жизненной силы Камы.

– Поразительно, – шепотом произнес Ксавьер, – никогда не видел ничего подобного. Эта вещь прекрасна. Такая легкая и приятная рукоять. Нет ощущения тяжести. Никакого веса.

Он провел мечом в сторону.

– Удивительная легкость. И при этом... чувствуется невероятная сила. С их помощью мы сможем освободить город?

– Все верно, мистер Ксавьер, – ответил Хоакин, – Алойш контролирует субстанцию, из которой сплетено его тело и одежда. Это вязкая белая жидкость – часть его самого. Она способна на многое, как мы уже поняли. Сложно сказать, какие трюки Алойш еще сможет нам показать, чтобы отбить атаку.

– Но если проткнуть этим мечом этого Алойша и убить гада, то его сила исчезнет? Стена вокруг города падет?

– Полагаю, что так. Очень хочется верить, что вся сила этой субстанции зависит от жизни главного владельца – самого Алойша.

– Значит, наша задача на словах проста – убить мелкого засранца.

– Его охраняют. Не только рыбоеды, но и те, кого он сам

создал с помощью своей силы. Как мы могли убедиться, влияние жидкости Алойша распространяется на большие расстояния. Прежде всего нам необходимо подобраться к нему как можно ближе и нанести неожиданный удар. Скажем так, подготовить засаду. Но сперва его придется отвлечь. Как сказала Айс, Алойш – большой любитель болтовни. Это можно использовать.

Элен закончила бинтовать руки Скальда, и он наконец смог подняться на ноги. Смотреть в сторону Альбеде ему совсем не хотелось. Но Скальд не желал становиться врагом для дяди Энтони. Им еще предстоит действовать вместе, сражаться рядом. Не время для ссор, когда на дворе развязалась война.

Только сообща они смогут помочь Энтони и вернуть его. Скальд уверен, что Энтони именно этого бы и хотел.

Выслушав внимательно Хоакина Мартинеса, Людо Ксавьер бодро кивнул:

– Отлично, Хоакин. Я вас понял. Что ж, друзья, тогда давайте проработаем наш план.

Скальд вошел в пустой кабинет.

Первым делом он даже хотел крикнуть: «Лита!». Но вовремя сообразил, что это бесполезно.

Литы здесь нет.

Он осмотрелся: полный порядок. Все на своих местах. И чистота. Словно этот кабинет только-только приготовили к

работе, к первому дню.

И никогда на этой койке не лежали трупы. Не умирали матери с детьми от Алого Вопля. Не умирала Силиста и...

«Нат жив».

Скальд все чаще спрашивал себя, почему он в этом так уверен.

Присцилла Пирс могла насылать на разум человека разные видения. Она могла показывать ему то, что он хотел видеть. И искажать это. Уродовать что-то хорошее. Как сны.

Она показывала ему Силисту, показывала живого Ната. Но Присцилла Пирс мертва. Ее чары рассеялись.

Почему же теперь Скальд так уверен в том, что Натаниэль жив?

Почему Энтони начал видеть Мису в отражении в воде после ее похорон?

Что это было: помутненный разум или воздействие чьей-то другой силы?

На дне Скальду ничего не удалось узнать ни про Верховную Матерь, ни про Алый Вопль, ни про Натаниэля. Так почему уверенность в том, что Нат мог выжить в тот проклятый день, крепнет в его сознании с каждым днем?

За что он цепляется?

За что пытается ухватиться, чтобы доказать самому себе истинность этой гипотезы?

Доказательств нет. Он просто чувствует это. Внутри себя. Внутри своего разума. Внутри своей души.

«Нат жив».

И что-то подсказывает ему об этом.

Скальд тщетно гоняется за ответом, который постоянно от него ускользает.

Он уже узнал достаточно много. Он побывал на дне. Увидел город Одд. Узнал про дела Академии Марии Селесты. Выслушал историю Камы о ее путешествии через Проход.

Но есть в этом что-то еще... что-то простое, что он упускает. Что-то лежащее на поверхности и ждущее, когда его заметят.

Это сводило Скальда с ума. Это «что-то» ускользало от него, как наглый угорь, стоило ему приблизиться к нему достаточно близко.

«Что я упускаю? Чего не замечаю? И почему не перестаю думать об этом?».

Скальд прошел к рабочему столу, и ему на глаза бросился белый конверт.

«Письмо?».

На конверте только два слова: «От Литы».

– Ох, Лита... что же ты наделала?

Скальд взял конверт, распечатал, и на крышку стола упал белый листок бумаги, сложенный вдвое. Скальд не стал садиться, он взял письмо и развернул.

Написано черными чернилами аккуратным почерком.

«Дорогой Скальд.

Мне не подобрать всех нужных слов, чтобы описать свои

чувства к тебе. Прошу тебя, пойми меня правильно. Мне стало сложно. Это началось уже давно, сама я не могу вспомнить точный день. Быть может, это случилось в тот вечер, когда я впервые появилась на пороге твоего замечательного кабинета. Поначалу я считала это просто наивными и наигранными чувствами во мне. Я постоянно от них отмахивалась, но время шло, и чувства не уходили, а только крепили. Много раз я пыталась забыть тебя, не думать о тебе, не вспоминать ночами. Не прокручивать в голове снова и снова одни и те же сцены. Я пыталась найти в тебе недостатки и изъяны. Я всеми силами хотела разлюбить тебя, но не смогла. В какой-то момент я поняла, что ничего не могу сделать со своими чувствами. Они неподвластны. И я начала в тайне наслаждаться ими. Я просто любила тебя. Но с каждым днем делать это становилось труднее. Сложнее было оставаться рядом с тобой, видя правду перед глазами: ты не любишь меня. Я не интересна тебе, как девушка. Я для тебя – твоя медсестра, напарник по работе, друг. И сердцу твоему приказать я не могу. Как и своему. В какой-то момент это стало невыносимо. Как можно так долго и сильно любить, но не быть любимой? Как можно ждать встречи с тобой, ждать простого разговора, любого общения? Как можно радоваться возможности перевязать твои раны на руках, чтобы просто касаться тебя? Как можно любить так сильно и нежно, но знать, что не встретишь любви в ответ? Это начало разрушать

меня изнутри. Мне становилось тяжелее с каждым днем. Чувства давили на меня невероятным грузом, а я продолжала его нести. Но всему в один час наступает свой предел. Ты любишь Силисту. Ты любишь Ната. И ты захвачен идеей отыскать его. Я знаю, что не смогу стать частью твоей будущей семьи, как бы ни хотела. И мои сильные чувства к тебе мешают мне работать рядом с тобой. Потому что даже просто быть рядом с тобой и думать об одном и том же постоянно – невыносимо. Прости меня, Скальд. Прости меня за мою любовь к тебе. Она оказалась сильнее меня самой. И я должна уйти. Если не сделаю этого сейчас, то буду мучиться дальше и дальше... А я больше не хочу страдать. Понимаешь меня? Я очень хочу, чтобы ты понял меня правильно, Скальд. Сейчас я хочу побыть одна и не видеть тебя. И мне остается надеяться, что с долгой разлукой с тобой исчезнут и мои чувства к тебе. Впрочем, кого я пытаюсь обмануть? Не ищи меня. Не звони. Как только падет белая стена, я уеду из Перламутр-Бич. Навсегда. И больше не вернусь. Я уверена, что ты найдешь новую помощницу, которая будет так же профессионально работать, но которая не влюбится в тебя, чтобы не страдать так же, как я. Прости, Скальд. Прости за любовь. Я не виню тебя. Я говорю тебе спасибо за все, за каждый день моей любви к тебе. Я благодарна тебе. И мне пора уйти и забрать свою любовь с собой. И я желаю тебе найти такую же сильную и взаимную любовь. Будь счастлив, Скальд. И прощай.

Всегда любившая тебя, твоя Лита».

– Лита...

«Впервые за столько лет она так часто назвала меня на «ты». И я больше не увижу ее. Никогда».

Скальд сложил письмо, вернул его в конверт и оставил лежать на столе. Он медленно сел на пол и просидел так несколько часов, не в силах думать абсолютно ни о чем.

Голова его, обычно наполненная хаосом мыслей, сейчас оказалась пуста.

Глава 11. Течение боли

– Энтони.

«Миса?».

– Энтони!

– Миса?

– Я здесь, милый, иди на голос.

«Где она?».

– Сюда... Сюда, Энтони! Я здесь.

– Миса!

Он бросился во мрак. В самую тьму, в бездну, из которой уже не выбраться. И встретил там ее.

Миса стояла перед ним и тепло улыбалась. Она раскинула руки для объятий.

– Миса...

Он застыл, не в силах пошевелиться. Миса так рядом, так близко. Стоит лишь подойти к ней, и они воссоединятся навсегда.

Больше он не позволит никому и ничему их разлучить.

– Миса!

– Иди ко мне, Энтони. Мы заслужили быть вместе. И мы еще можем. Ты нашел меня. Ты наконец отыскал меня, как я и просила!

«Она просила?».

Он вспомнил похороны, вспомнил дождевую лужу.

Вспомнил отражение Мисы в воде. Она звала его, кликала его имя и просила отыскать ее.

– Ты спустился на самое дно, чтобы найти меня. Энтони, чего же ты ждешь? Я здесь. Прямо перед тобой. Иди же...

И он пошел.

«В самом деле? Это же Миса! Моя Миса!».

Энтони сделал шаг в ее сторону, коснулся руками ее тела, прижался к ней, и растаял во мраке, как туман.

– Как тебя далеко занесло. Еще рано. Еще очень рано. Не так быстро, дорогой. Я понимаю, что тебе не терпится встретиться с Мисой, но всему свое время.

Энтони открыл глаза и вдохнул воду. Перед ним зажегся зеленый свет. Он оказался в темном помещении с гладкими стенами, усыпанными сотнями разноцветных огоньков, мелькавших то тут, то там. Вокруг ходили странные фигуры неразличимой формы. В дальних углах комнаты располагались два стеклянных цилиндра с заточенными внутри них жуткими существами.

Одно из них напоминало осьминога: сотни мерцающих алых глаз, десятки щупалец и каждое усыпано акулыными зубами. Вокруг него по стеклянной камере летали черные скользкие рыбешки с золотистыми глазками-монетками. Второе существо – громадная черная медуза, из головы которой торчало два десятка рыбьих голов с серыми мутными глазами и открытыми пустыми ртами.

Полулюди-полурыбы в белых халатах изучали существ за стеклянными цилиндрами и что-то царапали на стеклянных пластинах тонкими иглами.

Придя в себя, Энтони увидел в помещении лишь одно знакомое лицо – декана Милантэ Мунлеса. Рядом с ним стояло еще двое приспешников. Или трое? Это уже, как посмотреть.

Первая – женщина с щупальцами вместо ног и стаей мурен, растущих на голове, словно волосы. Стройное серое гибкое тело. И красные глаза с двумя вертикальными щелочками. Кожа на длинных тонких руках покрыта блестящими пластинками чешуи. В кулаке она сжимала странный кинжал с клинком из черного камня.

И второе существо представляло собой громадного горбуна, облаченного в черный кожаный плащ, скрывающего все его тело до пола. Высокий бугай имел бритую зеленоватую голову и неприятное лицо с грубыми чертами, рыхлым носом, большими рыбьими губами и круглыми тупыми темными глазами. Это создание постоянно пыхтело и шумно дышало. Но вот из-за спины громилы высовывалось еще одно тело, поменьше. Тело, имевшее лишь тонкие скрюченные ручки и яйцевидную голову на тонкой шее. Остальной своей частью оно полностью прирастало к спине громилы. Эти двое – как хозяин и паразит. Уродливый мелкий недоразвитый близнец. Мятая голова, беззубый рот и серые водянистые глаза с зелеными зрачками-икринками, плавающими в белках. Гадкий отросток носил очки с толстыми линзами

и постоянно препирался с женщиной с шипящими волосами-муренами.

Декан Мунлес с интересом наблюдал за Энтони, подвешенного крепкими водорослями над полом и прибитого к стене спиной. В руках он держал семиотик, отнятый у Энтони в бою с Омутотом.

– Какие у нас на него планы? – спросил мелкий уродец из-за спины громилы.

Голос у него мерзкий и высокий.

– Дейна, я могу на тебя положиться? – обратился декан к женщине-осьминогу.

– Разумеется, декан Мунлес.

– Помни, что это личное распоряжение Лорда Сееры. Придет день, и он явится в Перекрестки, чтобы посмотреть на вашу работу.

«Значит, я в Перекрестках. Они отвели меня в одну из своих лабораторий. За одну из черных дверей одного из белых коридоров. Найти меня нереально».

– Можете на нас рассчитывать, – кивнула Дейна, – мы с Логом и мистером Маурисио не подведем вас. Уверяю, Лорд Сеера останется доволен нашей работой.

– И помните, что все нужно сделать в самые краткие сроки. Лорду не терпится применить его в действии. Он уже все распланировал.

Мунлес довольно улыбнулся, глядя на Энтони, и добавил:

– У нашего ректора грандиозные планы на этого мальчи-

ка. Совсем скоро он должен оказать нам большую услугу. Война уже идет, и мы не можем позволить себе потерпеть поражение.

– Не беспокойтесь, – ответил карлик, – мы сделаем все самым наилучшим образом. Результат вас воистину впечатлит.

– Я надеюсь.

Декан уже направился к выходу, а у дверей провозгласил:

– Да восславится Верховная Мать!

И хор голосов всех присутствующих в лаборатории ему ответил:

– Да будет править она вечно!

И декан Мунлес вышел за дверь. Когда одна половинка дверей открылась, внутрь темной комнаты хлынул ослепительный белый свет из коридора Перекрестков. Но свет быстро угас, и Энтони снова погрузился во мрак, где мерцали лишь зеленоватые огни среди стеклянных пробирок и хитрых приборов.

– Давай знакомится, красавчик.

Она подползла к нему, передвигая щупальцами, и оказавшись совсем близко, слегка коснулась обнаженной грудью его тела.

– Меня зовут Дейна. А это Лог.

Громила издал томное бурчание.

– И наш мистер Маурисио.

Карлик из спины Лога ответил:

– Добро пожаловать в Перекрестки, парниша. На веки

вечные!

«На веки... вечные...».

Энтони в ужасе сглотнул.

Он висел над полом, обмотанный водорослями, словно цепями. На нем не было никакой одежды, кроме крапивной рубашки, позволяющей поддерживать подводное дыхание.

– Не пугайте его так, мистер Маурисио. Не бойся, Энтони, он просто шутит. Конечно, мы отпустим тебя, когда ты будешь готов.

– Готов к чему?

Перед лицом Энтони сверкнуло черное лезвие короткого кинжала. Дейна игриво улыбнулась и обратила свое внимание на стеклянный цилиндр, за которым держали осьминога с зубастыми щупальцами.

– Узнаешь его?

Энтони посмотрел на чудовище.

Но ничего не сказал. Он видел его впервые.

– Энтони, когда-нибудь слышал о том, что все погибшие в море, принадлежат лишь морю? Не суше. Не берегу. Не поверхности. А воде. И только воде. Только океану, только дну. Знал? Или нет?

Энтони покачал головой.

Дейна вернулась к нему и прижалась еще ближе. Ее волосы-мурены потянулись в его сторону, клацая зубами.

– Не бойся их, Энтони, они слушаются только меня и не укусят тебя без моего разрешения. Правда, я их сегодня еще

не кормила. Но твое счастье – ты не корм. У тебя совсем... другая задача.

– Что вы собираетесь со мной делать? Зачем я вам дался? Что вам приказал ваш ректор?

Дейна быстро отстранилась от него. Грозный и надменный тон Энтони ее, по всей видимости, совсем не радовал.

– Может, стоит все сказать мальчишке? – поинтересовался мистер Маурисио у Дейны.

– Подожди.

Энтони не унимался:

– Почему вы это делаете? Зачем сражаетесь с нами? Это все из-за мести за Призраков Перламутра? Неужели вас так задело, что «Харон» использовал силу вашего народа для создания оружия? «Харон» сам поплатился за это! И мы продолжаем расплачиваться за их ошибки! Да, наша сторона виновна в том, что открыла портал, испытал атомную бомбу, но нам до сих пор приходится разгребать это дерьмо!

Дейна и мистер Маурисио на словах об атомной бомбе и портале странным образом многозначительно переглянулись. Энтони почувствовал, что несет какую-то чушь.

«Чего это они так посмотрели друг на друга? Что я неверно сказал?».

– Зачем вам эта война? Просите своего Лорда вернуться домой. Кроме него никому эта война не нужна! Как вы не понимаете? Разве вам самим нравится работать на таких, как декан Мунлес? Эти лаборатории. Этот Перекресток. Неуже-

ли, вам все это нравится?

Но ему никто не отвечал.

– Чего вы молчите?

Энтони злился.

– Скажите же!

Губы мистера Маурисио растеклись в гадкой улыбке.

– Скажите! – закричал Энтони.

Энтони выжидал.

Он терпел в ожидании ответа на свои вопросы.

Но ни Дейна, ни мистер Маурисио ему не ответили. Вместо этого голос подал могучий Лог:

– Он так глуп.

И мистер Маурисио начал ему поддакивать:

– Верно, Лог, милый, верно.

– Он ничего не понимает.

«Почему я ничего не понимаю? О чем они говорят? Что за чертовщина здесь творится?».

Дейна подплыла к нему вновь. Она не сводила глаз с глаз Энтони. Она кружилась рядом, обласкивая тело Энтони щупальцами.

– Не волнуйся, Энтони. Скоро ты все поймешь. Когда мы закончим работать с тобой, ты узнаешь, что же случилось на самом деле.

«На самом деле?».

– А сейчас... приглядишься еще раз к тому монстру за стеклом?

Энтони посмотрел на осьминога с кружащимися вокруг него черными рыбками.

Дейна подалась ближе к Энтони и склонилась над его ухом, прошептав:

– Я лично создала это существо, которое разорвало твою Мису на кусочки...

Энтони перестал дышать.

– Это... мой персональный проект...

«Этот осьминог... он был там под водой, в тот самый день... он сдавил Мису и...».

Энтони смотрела на Дейну.

«Это все она. Миса погибла по ее вине. Это ее гадкий проект для Академии! Она испытывала его в действии...».

И Энтони испустил душераздирающий дикий вопль.

Дейна мгновенно отпрянула от него и засмеялась, слушая громогласные вопли боли и отчаяния.

А Лог и мистер Маурисио стали подтрунивать. Громила издавал басовые толчки смеха, а карлик потешался:

– Бедная Миса. Решила поплавать и развалилась. Обнимашки, обнимашки с осьминогом. Их Миса явно не любила. Осьминог ее обнял, и Миса развалилась. Бедная Миса! Решила поплавать и развалилась!

Энтони яростно дергался, вырывался, кряхтел и кричал:

– Ублюдки! Суки! Я доберусь до вас! Я вас со дна достану! Я разорву вас, твари! Я уничтожу здесь все! Подонки! Твари!

А Дейна от этого только громче засмеялась. И к общему

веселью подключились студенты Академии, изучающие проекты Дейны и мистера Маурисио.

– За что?! За что вы это сделали? Почему Миса? Почему я? Твари! Что мы вам сделали? Я любил ее! Любил! Какие же вы твари! Вы все! Сдохните! Просто сдохните! К черту вас всех! Всех!

Дейна неспешной походкой направилась к Энтони. Она довольно улыбнулась, радуясь, что смогла вызвать такие бурные эмоции у пленника.

Она прильнула к Энтони и получила на это плевков в лицо. Ее улыбка сразу померкла, и в комнате воцарилась тишина.

Все молча уставились на Энтони и в ужасе наблюдали за последствиями то ошибки, которую он только что совершил.

Это произошло мгновенно.

Сперва Энтони ощутил адскую жгучую боль в животе. Она растекалась волнами по всему телу. Боль текла в его крови и достигала самых потайных мест. Она распространялась по коже, по сосудам, по нервам, текла с ликвором.

Сознание Энтони помутилось.

Весь мир для него обрушился.

Отныне в его жизни существовала лишь боль и больше ничего. Боль стала его дыханием. Боль стала его проводником к новой жизни.

Важна лишь боль и то, что он ее испытывает. Остальное навсегда лишилось смыслов.

И потом... боль ушла. Не сразу, а постепенно. Она отте-

кала от тех мест, до которых успела добраться. Она возвращалась тем же маршрутом, концентрируясь в центре живота, куда мгновением раньше Дейна вонзила черный нож.

Она вытащила лезвие из тела Энтони и показала ему кинжал, облитый кровью.

– Ты мой, Энтони. Пора бы тебе это запомнить. И ты будешь моим до тех пор, пока не изменишься. А взамен на перемены я обещаю тебе то, чего ты жаждешь больше всего.

Дейна демонстративно открыла рот и опустила лезвие ножа на язык.

Она обхватила кинжал губами, слизывая с него кровь Энтони.

Боль наконец окончательно отступила, и Энтони получил дар говорить вновь:

– Чего же я жажду больше всего?

Ответ Дейны прозвучал исчерпывающе:

– Миса.

«Она блефует. Это ложь. Миса мертва. Она лежит в земле».

– Все, что погибло в море, принадлежит лишь морю, Энтони. Не суше. Ты должен уяснить этот урок раз и навсегда. Поверь мне. Я это могу. Правда. Я могу вернуть тебе Мису. Ты увидишь ее. Ты сможешь трогать ее. Обнимать. Целовать. Жить с ней. Строить семью. Она вернется к тебе именно в том виде, в котором ты хочешь ее получить. Та самая, Энтони. Твоя Миса. Та самая.

– Это невозможно. Я знаю.

Но продолжила, сделав вид, что не слышала этих слов:

– А взамен ты отдашь мне часть самого себя. И эта часть будет принадлежать нам. Остальное заберет Миса.

– Часть меня?

– Да, Энтони, именно так.

– Ты предлагаешь мне расколоться? Разорваться на части?

Дейна с усмешкой обменялась взглядом с мистером Маурисио. Эти двое явно задумали что-то неладное.

«Они лгут мне? Или говорят правду? Если в их силах есть возможность вернуть мне Мису, то... Но как? Проклятье! Как это работает? Ее тело... мертво...».

Но слова Дейны звучали в его голове убедительнее, хотя их смысл оставался загадкой: «Все, что погибло в море, принадлежит лишь морю».

– На сколько частей я должен себя поделить? Десять? Сто? Тысячу?

– Ох, нам и одной второй будет достаточно, – ответил мистер Маурисио, – поверь.

– Нужна лишь половина тебя, Энтони. Одна будет принадлежать нам, а другая – Мисе, – объяснила Дейна.

Энтони ничего не понимал. Он не видел в этом никакого смысла.

«Чего они оба от меня добиваются?».

– И как же мне... разделить себя? Что для это требуется?

– О, Энтони, ты же понимаешь, что разделение тебя на две части – это, своего рода, некая... поломка.

– «Поломка»?

– Да, а потому мне придется... сломать тебя, Энтони.

Сначала он хотел спросить: «Чем же?». Но потом Дейна показала ему нож, причиняющий невероятные страдания, и ответ нашелся сам собой.

– Долго это будет продолжаться?

– Зависит от тебя и твоей... податливости. Ты уже знаешь, что случится, если я проткну тебя этим ножом. Его мне дал сам Лорд Сеера. Честно говоря, я понятия не имею, где он его взял. Поговаривают, что он достался ему от самой Верховной Матери.

Энтони почувствовал, что у него наконец появилась возможность узнать о ней.

– Кто она? – он воспользовался моментом сразу же.

Дейна не отвечала. Она словно не услышала вопроса.

– Скажите. Я же согласился на ваши условия. Я готов разделить, но ответьте же на вопрос: кто такая Верховная Мать?

Ответ Дейны заставил себя ждать какое-то время.

– Ты все узнаешь, Энтони, когда придет время. Вернее, лишь одна твоя часть узнает правду.

Дейна присела. Она задрала крапивную рубашку, оголив живот Энтони. Она наклонилась и коснулась губами того места, где оставила совсем недавно порез ножом.

Энтони чувствовал, как Дейна начинает покусывать его за рану, отсасывая его кровь.

Когда ее лицо снова появилось перед ним, ее губы испачкались в его крови.

– Ты готов, Энтони? Готов вернуть свою Мису?

– Я делаю это только ради нее.

– Вот и правильно. Большого нам и не надо.

Дейна поднесла черное лезвие к его лицу и коснулась кинжалом щеки.

– Очень скоро вы наконец воссоединитесь. Я даю слово, Энтони. Я не собираюсь лгать тебе. Вот увидишь, у нас все получится. От тебя требуется только одно...

Она провела кончиком кинжала по его коже вниз и остановилась на уровне ключицы.

– Что же?

Дейна надавила на кожу кинжалом сильнее. Еще одно легкое касание – случится порез.

Дейна наклонилась к его лицу. Ее губы почти касались его губ, когда она ответила:

– Принять течение боли...

И вонзила кинжал в его тело.

Глава 12. Тайны ректора

Меня вытолкали в сад.

Я упала на дорожку, усыпанную галькой. К счастью, потоки воды смягчили падение, и я не ударилась.

Прямо передо мной возник декан Милантэ Мунлес – полчеловек-полузмей, – держа в руках мой меч-семиотик.

– Повтори свое имя.

Я уже говорила этому ублюдку свое имя! Что у него с памятью?

– Куда вы забрали Энтони? – вырвалось у меня. – Что вы с ним сделали?

Поднявшись на колени, я захотела наброситься на него, но вдруг – на меня уставился кончик сверкающего меча. Мунлес направил семиотик под подбородок.

– Хватит. Лгать. Мне.

– В чем? В чем я тебе солгала? Мне важно только одно – мои друзья. Где Скальд? Энтони? Ответь! Я должна знать. Иначе ничего больше не скажу.

Кажется, мое сопротивление получило свои плоды. Испугавшись, что я перестану отвечать на вопросы, Милантэ пошел мне навстречу:

– Твой друг с забинтованными руками сбежал. Нам не удалось его найти. Скорее всего он уже успел всплыть на поверхность. Энтони у нас в руках. Он в Перекрестках. Им зай-

мется Омут по личному распоряжению Лорда Сееры.

– Что с ним сделают? Что вы задумали? Не трогайте его!

– Успокойся. Он останется в живых. Советую тебе сейчас переживать не о других, а о себе.

О себе?

В чем они хотят меня уличить?

Что им от меня надо?

– Давай еще раз. Как тебя зовут?

– Айседора Блейс.

– Блейс... Ты точно в этом уверена?

– Конечно, идиот! Неужели, я свое имя не знаю?

Милантэ выгнул складку над глазницей, служившей чем-то на подобии брови.

– Как звали твою мать? – его новый вопрос.

– А это тут причем?

– Отвечай.

Кончик меча приблизился к коже.

– Елена Блейс. Доволен?

Нет, по его виду он очень недоволен.

Мунлес наклонился ближе ко мне и присмотрелся к лицу, словно пытался в нем что-то увидеть или разглядеть.

– Лорд Сеера выведет тебя на чистую воду. Предоставлю ему возможность самому разгадать эту загадку.

– Загадку? О чем ты? Причем здесь моя мать? Она пропала много лет назад! Какого черта...

– Пропала?

Я чуть язык не сглотнула. Отчего его взгляд говорит, что он уверен в обратном?

– Почему ты так смотришь на меня?

Но Милантэ больше ничего не сказал и не спросил, ни про мое прошлое, ни про моих родителей.

Он опустил меч и велел ждать:

– Лорд Сеера прибудет сюда с минуты на минуту. Будь послушной девочкой и ничего не сломай в его покоях.

– Покоях?

Но декан небрежно бросил в мою сторону незначительный взгляд и ушел прочь, скрывшись за спиной.

Я услышала, как сзади закрылись двери. Оставшись одна, я поднялась на ноги и осмотрелась: подумать только – подводный сад! Удивительные разноцветные кораллы, вьющиеся леса водорослей, чудные растения, напоминающие грибы. Подводные лианы и даже деревья.

Продвигаясь по тропинке вперед, я все больше удивлялась окружающей красоте. Надо признать, у этого Лорда Сееры есть чувство прекрасного. И мне бы здесь понравилось еще больше, если бы я не была пленницей.

Вокруг плавали стайки морских коньков и чудных маленьких рыбок. Крошечные скаты и малютки-медузы. Как птицы и бабочки, они порхали в саду.

Но птицы поют. А листва в обычных садах шуршит на ветру. Здесь же, под водой, все тихо. Слишком тихо и спокойно.

Пройдя еще немного вперед, я вышла на просторную

круглую площадку. Здесь возвышались стеклянные колонны, уходящие ввысь и исчезающие в зарослях водорослей. Металлический стол, заставленный стеклянными книгами. И портрет... картина, составленная из множества мелких разноцветных камешков. Настоящее произведение искусства. А рамка украшена жемчугом.

Картина изображала женщину с младенцем на руках. И вокруг матери, над головой, вырисовывался черный нимб. Лицо ее красивое, но ничего не выражающее. словно маска безразличия. Я не видела в ней ни тепла, ни любви, ни радости, ни счастья.

А младенец закутан в белые пеленки. Лицо его скрыто от посторонних глаз. На него может смотреть только мама.

– Похоже на икону...

Я взяла картину из камней в руке и провела по ней рукой. Я чувствовала под пальцами каждый мелкий камешек. Скорее всего это ручная работа, очень талантливо сделано. Кропотливый труд. Я бы не выдержала и забросила, не закончив рамку.

Жемчужины разных размеров в рамке составляли необычный узор, переливающийся перламутровыми волнами.

Поставив картину на стол, я заметила в стороне заросли красных лиан. Они что-то закрывали. Я прошла к ним, слегка раздвинула их в стороны. И заметила очертания... кровати.

Большая кровать с постельным бельем, пошитым из белых водорослей. Мунлес не врал – это личные покоя ректора. Место, в которое мы хотели проникнуть. А у меня даже нет семиотика при себе, чтобы завалить гада...

Черт!

– Нравится?

Мягкий дующий голос раздался за спиной так внезапно, что я подпрыгнула и всплыла над дном.

Он уже здесь.

Я развернулась, опускаясь на ноги. Так и есть: Лорд Сеера собственной персоной стоял передо мной.

И он совсем не похож на тех созданий-полурыб, что населяли город Одд. Нет, больше всего ректор Академии Марии Селесты напоминал именно человека. Высокого и стройного человека с белой мраморной кожей, украшенной серебристыми узорами, словно татуировками. Узоры изображали хитроумные символы, напоминающие мне те, из которых состоял свет семиотиков. Такие узоры струились по босым ногам, вращались по оголенным рукам и сверкали на лице. Длинные серебристо-синие волосы уходили за спину, где сплетались в косу, опускающуюся ниже пояса. Изображение росло нечто, напоминающее рога. Но вот только это белые кораллы с двумя-тремя разветвлениями. И впрямь рога! Синеватые бледные губы и глаза... пустые и прозрачные, словно стекло. Такие глаза обычно бывают у слепых людей, но я уверена, что он видит все. Лорд Сеера стоял передо мной в

белом облачении – плотная ткань балахоном сидела на нем очень легко и естественно.

Не таким я представляла его себе.

Он не пугал, нисколечко. Кто бы мог подумать, что подводный тиран окажется столь красив?

– Прости, – он улыбнулся, – я не хотел напугать тебя, Айседора.

Стоило ему произнести мое имя, в голове стрельнуло: это враг. Он – враг! И вся эта фальшь, эти маски... ему меня не провести!

Лорд Сеера присматривался ко мне. Он изучал меня, но продлилось это недолго. Кажется, он вполне удовлетворился результатом.

– Милантэ был прав.

Последовал легкий смешок.

– Его сбили с толку лишь имена. Женщины умеют прятать свои истинные имена, не так ли? Это, правда, ты.

– Кто? – не выдержала я. – Кого вы узнали во мне?

– Идем. Я кое-что покажу, и ты поймешь все сама.

Он не нападал и не проявлял агрессию. Он вел себя вежливо и учтиво с пленницей. Я посчитала, что у меня есть возможность выведать у него побольше про тайны жизни подводного мира.

Мы вернулись к той части сада, где стоял металлический стол со стеклянными книгами. Весь кварц для создания стекла, из которого изготавливались эти книги, добыва-

ли работяги из города Одд, которых именно это существо поставило в такие жесткие условия. Именно он превратил свой народ в рабов!

Как может в нем сочетаться такая галантность со страшной жестокостью? Он – враг, а я отчаянно не могу увидеть в нем зло, которое хочу видеть.

Как же хорошо он скрывает свою истинную сущность!

– Прости, что так все получилось с твоим заточением, – произнес Лорд Сеера, – это всего лишь меры безопасности, и Омут с Милантэ отлично справляются с этой задачей. Они и представить не могли, что среди чужаков окажешься ты, Айседора.

– Я?

– Зови меня просто Сеера. Ни к чему мне слышать от тебя свой титул.

– От меня?

– Конечно, иди ко мне.

Он остановился у стола, открыл металлический ящик и достал из него что-то плоское и стеклянное.

Сеера протянул это мне.

– Что это?

Я не решалась сделать и шага дальше.

– Просто фотография. Не бойся, посмотри на ее. Сзади будет подпись, прочитай.

Фотография?

Ничего не понимаю!

Я смирилась с ситуацией и решила подыграть ему. Взяв в руки стеклянный планшет – два стекла, между которыми спрятано бумажное фото, – я остолбенела.

С фотографии на меня смотрела молодая женщина, лицо которой мне до боли знакомо.

– Это невозможно...

Я покачала головой и чуть не выронила фото из рук.

Перевернув стекло, я увидела на фотографии подпись: «Мария Селеста». И рядом стояла дата.

Дата... семь лет назад...

– Нет, нет... не может быть!

Я резким движением оставила фотографию на столе и отвернулась, закрыв лицо руками.

– Значит, это правда, – прозвучал за спиной мягкий голос Сееры.

Вся моя жизнь... перевернулась в тот миг.

Изменилось все. Абсолютно все!

– Моя мама... работала на «Харон»?

– Верно, именно так я с ней и познакомился. Как и каждый сотрудник компании «Харон», твоя мама сменила имя и фамилию. Больше не было...

– Елены Блейс...

– Да, а появилась Мария Селеста.

И Академия Мария Селесты.

– Что с ней случилось? Она... умерла?

– Погибла. Семь лет назад. Во время той самой битвы.

Лаборатории «Харон» горели. Прямо под водой. Страшный день для всех нас. Погибших с обеих сторон оказалось слишком много. Вы перебили почти всех Призраков и нас, но пострадали сами.

В тот день погибли родители Энтони. И моя мать...

Знал ли отец о тайной жизни мамы? Или он убедил меня в ее исчезновении. Так убедил, что я считала ее мертвой. Мог ли он знать правду, если в «Харон» все было секретно?

– Почему ты назвал свою Академию в ее честь? Кто ты?

Я наконец осмелилась развернуться и посмотреть Сеере в глаза.

И все поняла: только эти пустые белые глаза показывали его истинную суть. Лишенные зрачков, радужки, они не могли ничего спрятать.

– Меня взяли в плен. Я был жертвой экспериментов в лабораториях «Харон». Но со мной ничего не успели сделать. Выбравшись в тот день, я основал Академию и привел сюда свой народ, чтобы отомстить за все вам. А твоя мать...

Говори.

В глазах стояли слезы.

Хватит молчать.

В горле сжимался комок.

– Я любил ее... безумно...

Нет!

– И она меня...

– Это невозможно!

Но Сеера не стал спорить со мной, он лишь пожал плечами, добавив:

– Ты можешь либо верить, либо нет. Это твой выбор. Но эту фотографию она подарила мне сама в тот самый день, когда случилась настоящая катастрофа. Она погибла в огне. Я не смог ее уберечь. И я виню себя по сей день.

Отчего мне видится, что он не лжет?

И от этого еще сильнее хочется, чтобы он лгал!

– Задумайся, откуда я знаю о тебе? Почему Мунлес признал в тебе ее сходство?

– Мы похожи.

– Да, но это не единственная причина. Мы знали о тебе. Мария мне все рассказывала про свою другую жизнь. Я не знал, как ее зовут на самом деле. Произносить в «Хароне» настоящие имена под запретом. Впрочем, в этом и не было нужды. Она говорила о тебе, Айседора. Пока я плавал за стеклом, она приходила ко мне и рассказывала, как сильно любит тебя. И какая ты у нее хорошая.

Ноги подкосились, хотела бы я упасть и удариться коленками, но крапивная рубашка не позволит.

Мысли путались в голове, они разбегались от меня, как стая тараканов разбегается, если включить свет.

Я отчаянно пыталась принять непреложную истину, которую узнала.

– Значит, мама изменяла отцу с тобой? Ты же даже... не человек?

– Твоя мама очень любила и уважала твоего отца. В конце концов ты сама – от плоти и крови своего отца. Айседора, видишь ли, – Сеера присел на край стола, – в жизни случается так, что человек находит большую любовь в то время, когда все уже сделано... И он несет ответственность за свою семью, за своего первого избранника, за своих детей. Но чувства... с ними ничего нельзя сделать. Они просто есть. И они начинают терзать тебя, если не могут быть выпущены наружу. Поверь мне, Айседора, меня и твою мать сочетала любовь исключительно платоническая. Нам было интересно рядом друг с другом. Мы много общались и многим делились. Но она и пальцем не могла коснуться моего тела. Стекло, разделявшее нас, не позволяло нам соединиться вместе.

Это ничего не меняло.

Боль и обида все равно терзали меня, когда я представляла свою мать с мистическим существом из иного мира.

И почему я до сих пор верю каждому его слову? Отчего во мне самой такая уверенность в его искренности?

Если это обман? Ловушка? Западня?

– Но та жизнь ушла в прошлое, – произнес Сеера, – мы оба с тобой потеряли человека, которого любили. И я этого так не оставляю.

– Вот почему...

Сеера не перебил, а дал мне сформулировать мысль.

– ...ты это делаешь. Вот почему! Ты хочешь отомстить поверхности за смерть моей мамы, так? И ты назвал Ака-

демию в ее честь, чтобы увековечить ее имя. Превознести его. Словно... дать понять, что твоя любовь к ней будет жить вечно.

Меня бросило в дрожь от подобных мыслей.

Все перевернулось с ног на голову!

– Эта война... все из-за... ты делаешь это из-за нее! Так?

Сеера лишь молча кивнул.

Может, вот он – мой шанс все исправить! Я смогу его переубедить сражаться.

– Сеера, послушай. Я – ее дочь, той женщины, которую ты любишь. И я не хочу войны. Уверена, она бы тоже не хотела. Оставь это. Вернись со своим народом домой. Оно тебе не нужно. И мне не нужно. Никому.

– Призраки уже заключили со мной договор.

– Призраки? Они... они не такие, как ты. Эксперименты «Харон» наложили на них свой отпечаток. Они озлобились на мир. И эта злоба живет внутри них, движет ими. Пойми, тебе не нужно сражаться с ними на одной стороне баррикад. У тебя другой путь. И у твоего народа. Отпусти всех. Прошу. Твои люди устали, работая на кварцевых шахтах. Они изнывают от условий, в которые ты их загнал. А Призракам плевать на тебя, Сеера! Им нужна лишь власть над городом в знак мести. Я понимаю, что «Харон» совершил большую ошибку. Но все ошибаются, и сейчас мы, будущее поколение, расплачиваемся за ошибки предков. Разве это справедливо? Прошу, Сеера, если ты любил ее... правда, любил, то

сделай так, как бы она хотела. Хотя бы потому, что этого хочу я, ее дочь, часть крови и плоти ее. Сеера...

– Айседора, ты не понимаешь.

– Чего же?

Его взгляд покосился на картину из камней.

– Ты знаешь, почему возник Проход между нашими мирами?

– Военные испытывали атомную бомбу под водой, и взрыв порвал завесу миров. Мироздание расколосось и...

Его взгляд изменился.

Он молчал, но я видела, что ему смешно. Еще одно мое слово, и этот уравновешенный мужчина зальется неукротимым хохотом.

Я умолкла, поймав этот странный взгляд.

– Ты, правда, думаешь, что какой-то взрыв смог порвать ткань Мироздания? – спросил он у меня, как у ученицы на уроке.

Я не ответила.

О чем это он?

– Неужели, ты уверена в том, что ваш народ смог своими руками создать подобное оружие, способное надломить мироустройство Вселенной? И Проход, действительно, появился из-за какого-то там «взрыва»?

Боже, отчего я чувствую себя круглой идиоткой?

Это ложь?

Врали всем?

И «Харону»? И Печатым? Или «Харон» все знал и скрыл правду о настоящей причине появления Прохода?

Что хочет сказать мне Сеера?

– Айседора, ты же умная девочка. Ты такая же умная, как и твоя мать. Атомный взрыв? И бух – портал в другой мир. Милая, это смешно. Думаешь, все так просто?

И сколько еще тайн об этом мире я узнаю сегодня от него?

Что еще жизнь скрыла от нас?

– Кто она? – спросила я прямо, кивнув в сторону картины матери с младенцем.

– Ох, это?

Сеера взял в руки картину.

– Та, кому мы все поклоняемся. Та, из-за кого все это и случилось. Та, кто повела нас всех за собой. Та, из-за кого я не могу увести свой народ и прекратить войну, как ты этого хочешь. Проход принадлежит ей, Айседора. И я не могу его использовать без ее позволения. Она его открыла.

Она...

– Ее зовут Мелисента.

Пазл складывался.

– Но многим она известна, как Верховная Матерь.

Я проснулась на мягкой постели.

Рядом уже сидел он, ректор Академии имени моей матери, Лорд Сеера.

Теперь уже просто Сеера.

– Что... что со мной случилось?

– Тебе поплохело во время нашего разговора, но сейчас ты себя чувствуешь гораздо лучше, когда выпалась.

– Выпалась?

Я села в постели.

Мы все еще в подводном саду, а я в личных покоях Сееры, в его постели! Проклятье! Я испугалась и осмотрела себя – крапивная рубашка на мне. Не мог же он...

Нет, это чушь!

Что же там было в конце? Я узнала о своей настоящей матери, а потом он сказал...

– Как ты Айседора?

Его ледяная белая большая рука коснулась моего лба.

– Да, уже лучше.

Мелисента.

– Тебе что-нибудь принести? Мидии? Креветки?

Она Верховная Мать.

– Нет-нет, не стоит.

Она открыла Проход.

– Правда? Ты уверена?

– Да, мне гораздо лучше. Я не голодна. Правда.

Из-за нее все началось.

– Айседора.

– Да?

– У меня есть одно предложение. Я буду очень рад, если ты его примешь.

Я напряглась. Что он хочет от меня?

– Я слушаю.

Сев в постели и подперев подушкой спину, я приготовилась слушать.

– Я понимаю, что в твоём мире на этот счет совсем иные порядки. У вас свои правила. Но в моём мире возможно все. Все то, что в вашем кажется неправильным или даже аморальным.

Аморальным?

– О чем ты?

– Просто слушай.

Он сделал паузу, переведя дух. Я вижу, что ему самому нелегко дается этот разговор.

– Я понимаю, что мы знакомы всего несколько минут, но ты – та, кого я так долго ждал. Та, кого я искал. Та, кто на нее похожа больше, чем кто-либо еще...

О, нет...

Это же не то, о чем я думаю?

– Айседора Селеста, готова ли ты стать моей женой?

Женой...

– Я хочу сделать тебя новой Королевой Морских Сердец.

Глава 13. Западня

Дождевая вода смешивалась с белой густой жидкостью Алойша, превращаясь в размытое блеклое серое месиво. Дождь в Перламутр-Бич не переставал идти ни на минуту.

Алойш, восседая на троне, возведенном им с помощью белой субстанции, с упоением наслаждался своим царствованием. Его взгляд застыл на одном из рыбоедов – пожилой даме, поедавшей сырую прогнившую рыбешку с асфальта. Старуха сидела на коленях. Ее юбка ободралась, превратившись в промокшие дырявые лохмотья. Рукава на желтом жакете она сгрызла сама, чтобы ничего не стесняло движения рук. Босые ноги изранены бесконечными бегами по бетонным дорогам, пятки и пальцы постоянно кровоточили, и тонкие струйки убегали с дождевой водой в канализационные сливы.

На ее шее выросли жабры, а ногти на руках заострились и окрасились в черный цвет. Кожа рук покрылась чешуей и пузырями, заполненными кровью. Большая часть седых волос уже выпала, а те, что остались, покрывались морской слизью. Потовые железы отныне вырабатывали лишь тину, коей она вся была покрыта.

Старуха-рыбоед смачно поедала добычу, не касаясь ее даже руками. Подобно дикому животному, она орудовала лишь ртом с заостренными редкими зубами. Из раскусанной тух-

лой сырой рыбы сочился желто-зеленый гной с примесями багровой крови. Рыба неприятно воняла. Вокруг уже кружил рой мух.

Старуха наслаждалась обедом в окружении многих, подобных ей. Стая рыбоедов лакомила рыбой, принесенной бурей из моря и разбросанной по всем улицам города. И посреди армии морских зомби стояли другие – люди, чьи тела полностью покрывала белая субстанция Алойша. У них не было ни лица, ни глаз, ни ртов. Головы напоминали чистые листы бумаги. Отдельными отрядами воины Алойша стояли то тут, то там, раскиданные по всей фонтанной площади и округам парка.

Мужчины, женщины, дети – покорные солдаты не покидали свои посты, вооруженные черными зонтиками, спасающих их от проливного дождя.

Все они – слуги и рабы личного царства Алойша посреди Перламутр-Бич, который он оградил высоченной стеной и изолировал от остального мира.

Алойш так и наблюдал за старухой-рыбоедом, представляя себе ту, кем она раньше была: матерью, бабушкой. А еще раньше – чьей-то дочерью. И еще женой. Она жила свою ничем не примечательную жизнь, которую проживают многие и многие люди вокруг. Так же, как все, она ходила в магазин, готовила вкусную еду, переживала за здоровье детей и внуков, заботилась о муже, устраивала званые вечера. И что теперь?

Вот она, прожив нормальную человеческую жизнь, сидит голыми ободранными коленями на асфальте и поедает рыбную гниль, забыв о своем прошлом, о своей другой жизни, о том, кем всегда была.

Такую участь уготовила Лига Призраков для всех людей, населяющих Перламутр-Бич.

– Вы это заслужили, – произнес мысли вслух Алойш, – каждый из вас... жалкие ничтожества. Никчемные людишки. За то, что вы сделали с нами. Вы заслуживаете худшей кары, чем просто милосердной смерти. Ваши мучения только начинаются. Вот-вот вы все займете подобающее место – у нас под ногами. Все до единого. Низшая раса, возомнившая себя богами. Как бы ни так. Вы не всесильны и даже не на половину так умны, как думаете. Решили подняться на самый верх пищевой цепи? Подчинить этот мир и поиметь его во все щели? Как бы ни так. Вы просто дурачье, глупцы, ничего не ведающие слепцы. За вашу гордыню, за ваш грех вы поплатитесь сполна. Я вам обещаю. Этот мир принадлежит другим созданиям, более мудрым, способным им достойно править. И править вами. Вся ваша сила – ничто – в сравнении с тем, на что способен я. И вы увидите... да, вы еще увидите мою силу.

Внезапно Алойш почувствовал изменение в окружающей его реальности. Ткань Мироздания порвалась, открылся портал, и к нему вышла Эвристика – невысокая девочка, облаченная в розовое платье. Ее пышные светлые кудри за-

плетены в хвостики-пружинки. Девочка прикрывалась розовым зонтиком от дождя. Топая каблучками белых туфельек, она подошла к Алойшу, чтобы составить ему компанию.

– Как ты? – спросила она с интересом.

– Гринштейн тебя послал? – прозвучал встречный вопрос Алойша.

– Он просил передать, что ты отлично справляешься со своей миссией. Старая карга с Крапивного Утеса наконец сохла, этот жалкий город окружен смертоносной стеной, а убийцы нашей Присциллы пошли на дно. Все идет согласно плану. Совсем скоро весь Перламутр-Бич будет принадлежать лишь нам. С той силой, что мы обладаем, нам не потребуется тайная разработка Омута от Лорда Сееры. Пусть оставит себе.

– Но Вилиамонт рассчитывает на Сееру и его разработку. Это часть нашего соглашения. Они нам и так достаточно помогли, вызвав бурю и создав первых рыбоедов. Эксперимент с семейством Грейтс прошел весьма удачно, но наличие разума – их главный недостаток. Теперь все рыбоеды безмозглы и покорны. Это именно то, что мы хотели получить. Верная армия, готовая следовать любому нашему приказу. Они не станут сопротивляться.

– Верно подмечено, Алойшик, но у тупых и безмозглых солдат эта черта имеет две стороны медали. Рыбоеды – не более, чем просто мясо, которое мы можем пустить на убой. Но они не способные воины. Они не умеют следовать тактике

и сражаться согласно плану. Они не понимают, когда надо отступить, а когда нападать. Это слабая армия. Очень слабая. Мы можем взять лишь числом.

– Именно по этой причине Лорд Сеера забрал себе этого... Энтони Эрнандеса?

Эвр удивленно уставилась на Алойша, тупо поморгав.

– Что? Думаешь, ты одна знаешь все последние новости?

– А я думала, что Вилиамонт тебе не говорил...

– Как видишь, я успеваю не только успешно выполнять свою миссию, но и получать актуальную информацию. Не злись и не суди за это строго. Ничего страшного, если ты не стала первым источником.

Но Эвр, насупившись, уперлась свободной рукой в бок и шмыгнула носом.

– Я еще поговорю с Вилей... его ждет серьезный разговор.

Алойш не сдержал смеха.

– Виля... ты, правда, так его называешь?

– Да, но только, пока он не слышит. Он еще не привык к моим ухаживаниям, но скоро поймет, что я – та самая девушка, которую он искал всю жизнь. Он еще не понимает, что счастье всегда было рядом с ним.

– Ты серьезно рассчитываешь, что Гринштейн... влюбится в тебя, Эвр?

Эвр отвернулась в сторону. Этот разговор задевал ее за живое. Об этой тайне было известно лишь ей самой и Алойшу. Даже Присцилле она не успела доверить свой секрет.

Ведьма сов умерла, так и не узнав о тайной страсти Эвристики.

– В конце концов... это единственное, что мне нужно...

Алойш выдержал паузу. Он никогда об этом не задумывался. Конечно, он догадывался о том, что Эвр играет в их войне свою роль. Именно играет. Сама война для нее, по большому счету, великого значения не имеет. Ее цель – получить любовь от Вилиамонта. Взаимность – то, к чему она стремится.

– Эвр, прости, если я... – Алойш почувствовал себя виноватым в том, что посмеялся над чувствами Эвр.

– Ничего, я не в обиде на тебя, – отмахнулась Эвристика, – наверное, глупо думать, что такой прекрасный мужчина, как Вили, посмотрит на такую девушку, как я.

На самом деле Алойш догадывался о главной преграде, стоявшей между Эвр и ее счастьем – взаимной любви с Гринштейном. Возраст, в котором застряла Эвр после экспериментов в лабораториях «Харон». Внутри она уже давно не маленькая девочка, как и он сам. Но опыты, поставленные над ними с целью создания покорного оружия, обладающего силой существ из иных миров, остановили их физиологическое старение. Их тело остановилось в своем развитии на том самом этапе, когда эксперимент завершился, и они получили свою силу.

Алойш полагал, что Гринштейна может не привлекать та оболочка, в которую заточена Эвр. Она никогда не вырастет,

не станет взрослой девушкой или женщиной. У нее не будет большой груди или длинных ног или зрелого профиля.

Она – ребенок. Навеки.

Ребенок, обладающий силой, не подвластной никому во всех мирах.

Могущественной силой.

– Эвр, ты очень красивая, – пытался исправиться Алойш.

– Не надо, Алойшик, оставь мои проблемы мне. Тебе не стоит в это ввязываться. Правда. Не думай об этом. Но спасибо, что переживаешь. Это мне приятно.

– Уверен, когда Перламутр-Бич будет лежать у наших ног, он обязательно увидит в тебе ту прекрасную и обаятельную, слегка дерзкую девушку, которой ты и являешься. И Верховная Матерь Мелисента благословит ваш союз!

– Да будет править она вечно.

– Да будет править она вечно!

После недолгой паузы Алойш решил вернуться к упущенной теме разговора.

– Так что там с Энтони? Они сделают из него оружие?

– Подобное нам, да, – кивнула Эвр.

– Значит, он станет таким же Призраком, как мы?

– Другим. Он будет другим, Алойш. Нас создали с использованием силы из иного мира. Его же создадут с помощью другой техники.

– Другой техники?

– Подход. Механизм. Способ. Называй, как хочешь. Иная

технология создания могущественного оружия, обладающего покорным разумом.

– И что же с ним сделают?

– Вили говорил мне что-то, о чем он с Сеерой договаривался... точно я ничего не запомнила, но речь шла... о расколе...

– Расколе?

– Его личности. И его души. Они получают ту личность Энтони, которая будет сломана и покорно служить нам.

– А какой он силой они его наделят? Ты помнишь это?

– Самое интересное. Алойш... он будет очень сильным, ему дадут...

Эвр внезапно замолчала. Ей было даже страшно думать об этом, не говоря уже о том, чтобы произносить такое вслух.

И все же она собралась с мыслями и решилась это сказать:

– ...ее силу...

Без лишних слов они оба понимали, о ком идет речь.

– Она дала согласие? – удивился Алойш.

– Да, она передала часть силы Сеере.

– Но ведь ее можно получить лишь только одним способом... ее нельзя просто так взять и отдать, поделиться с кем-то...

– Выходит, она научилась это делать.

– Немыслимо...

– Я и сама удивилась! Подумать только, на что она способна!

У Алойша появился новый волнующий его вопрос:

– А что насчет Скальда? Как она отнеслась к тому, что он спустился на дно?

– Полагаю, она не сильно этому рада. Если он все узнает, то... нам конец. Надеюсь, Верховная Матерь займется им в скором времени. Скальда нужно убрать. Он слишком опасен.

Эвр осмотрела фонтанную площадь.

– Сколько их в твоём распоряжении?

– Больше сотни.

– Этого недостаточно. Вили хочет, чтобы ты расширял территории своих владений. Ты отлично справился с новой фазой. Пора переходить к следующей.

– Приказ понял. Будет сделано. Начало положено, а это главное. Я пушу корни своей силы дальше по всему городу, и никто не сможет устоять передо мной.

– Вот и умница, Алойшик! Так держать!

Внезапно оба замолчали, почувствовать в воздухе что-то неладное.

– Ты это слышишь? – спросил ее Алойш.

– Слышу?

– Тише.

Эвр испуганно озиралась по сторонам.

– Треск...

– Треск? Какой треск? – не понимала Эврестика.

Но у Алойша слух был тоньше и острее. Он ощущал малейшие потусторонние вибрации. Во многом благодаря то-

му, что его белая субстанция растекалась по всему парку, а она, так или иначе, была всегда в физиологической связи с ним.

– Его я узнаю, где угодно...

И тут до Эвр дошло. Услышав знакомый магический звук, она истошно выпалила:

– Семиотики!

И прогремели взрывы.

Сначала появился огонь, а потом дым.

Фонтанный парк заволокло облаками густого тумана.

Алойш резко вскочил с трона и взлетел в воздух, оглядываясь по сторонам в поисках противника, скрывшегося за завесой дыма.

Все внутри него сжалось. Он приготовился выпустить всю свою силу.

Сквозь облака дыма он увидел розовую фигуру – Эвр убежала прочь и исчезла в портале, через который пришла к нему. Алойш остался один со своим войском против неизвестного противника.

Раздались оглушительные выстрелы.

И рыбоеды испустили адские крики.

Следуя плану Людо Ксавьера, Скальд прорывался с боем к Алойшу.

Шесть семиотиков раздали по рукам: Скальду, Альбеде, Элен, Хоакину и два Ксавьеру.

Матео и Беатрис остались дома. Разумеется, на военную операцию их не стали брать. Они совсем не опытни в бою и слишком молоды. Они еще нужны живыми. Нужны Энтони, чтобы его спасти.

Полицейским, находившимся в подчинении Ксавьера, раздали револьверы, заряженные жемчугом. С таким оружием они успешно расправлялись с отрядами рыбоедов и подручных солдат, созданных Алойшем.

Скальд старался ориентироваться в тумане. Он ясно запомнил место расположения трона Алойша и уверенно двигался к нему, рубя всех встречных на пути врагов, выскакивающих из тумана.

Дымовая завеса должна была застать Алойша врасплох, пока Скальд подбирается к нему. К тому моменту, как дым рассеется, Алойш должен быть мертв.

Сжимая рукоять семиотика двумя руками, Скальд бежал вперед. Из тумана на него лезли рыбоеды – озверевшие монстры, некогда бывшие людьми. Подготовиться к схватке с такими несложно – рыбоеды издавали громкие крики, выдающие их приближение. Они набрасывались на Скальда, выставив когтистые руки перед собой, но он с легкостью рубал их тела.

Хлестала кровь.

Сложнее было с воинами Алойша. Фигуры, залитые белым, тихо выходили из тумана, размахивая зонтиками. Их выдали шаги по воде. Луи заливали всю фонтанную пло-

щадь.

Когда семиотик проходил сквозь существ из белой густой массы, то жидкость мгновенно растекалась. Под ней уже не было человеческого тела. Только вода.

Но Скальд понимал, насколько они опасны: стоит этой жидкости коснуться его тела – он попадет под влияние самого Алойша. И тогда выбраться будет уже невозможно.

Ему уже довелось на себе ощутить силу Алойша, когда Лига Призраков пленила его и привела на совет, дабы решить, как с ним поступить. В тот раз он попал в руки Присциллы Пирс и без помощи Энтони и Айс не смог бы сам спастись.

Призраки Перламутра очень сильны. Каждый из них. И нельзя недооценивать никого. Алойш в одиночку смог захватить часть города и изолировать Перламутр-Бич от мира.

Алойш – сильный козырь в рукаве у Вилиамонта Гринштейна, но, как оказалось, не единственный.

Туман начинал рассеиваться, а Скальд продолжал прорываться вперед. Он видел, как в стороне от него храбро сражались Печати. Трое давних друзей и напарников снова воссоединились и участвовали в битве, как в старые времена. Скальд так и не поговорил с Альбедо, но надеялся все исправить после их победы на этой операции.

Полицейские отважно вели обстрел врагов, заняв свои позиции и не сдавая их. А Людо Ксавьер, начальник полиции города, искусно размахивал двумя семиотиками и отдавал

приказы:

– Не отступать!

– Держать позиции!

– Огонь! Огонь!

– Займитесь отрядом на востоке!

– Быстрее, ребята! Стреляйте по ним! Стреляйте!

Скальд полагал, что Людо Ксавьер и представить себе не мог, что доживет до того момента, когда ему придется с мечами участвовать в битве за свой город. Этот человек превосходно исполнял свой долг.

Прорываясь вперед, Скальд увидел вдалеке трон Алойша и самого Призрака, пускавшего из рук ленты белой жидкости. словно стрелы, они поражали полицейских насквозь, проделывая в их телах кровавые дыры.

«Этот засранец слишком силен... его нужно остановить!».

И Скальд бросился в атаку.

Пока Алойш был отвлечен тем, что разделялся с отрядом полиции, который тщетно обстреливал его из револьверов, Скальд подобрался к врагу достаточно близко, чтобы нанести решающий удар.

Воспользовавшись преимуществом дымовой завесы, ему удалось пробраться за трон Алойша и остаться незамеченным. Скальд бросил взгляд в сторону – Элен отважно рубила головы рыбоедам и заметила его.

Она дала знак – простой кивок и одобряющую улыбку, словно говорила ему: «Прикончи гада!».

«Так я и сделаю. Время пришло».

И Скальд напал на ничего не подозревающего Алойша. Он повалил Призрака на асфальт, подошел спереди и вонзил сверкающий семиотик прямо в глотку белого уродливого ребенка.

– Все кончено, Алойш.

И туман рассеялся.

Мир застыл.

Скальд смотрел на врага, лежащего перед ним на спине.

Магический меч прошел насквозь шеи Алойша и ударился в асфальт с другой стороны.

– Ты проиграл...

Но ничего не происходило.

Уверенность внутри Скальда потухла.

Алойш нахально ухмыльнулся – лишь губы виднелись из-под его капюшона на белом лице.

– Что...

Скальд сделал резкое рубящее движение мечом. Он намеревался раз и навсегда снести голову Алойша с плеч. Но ничего не вышло – клинок семиотика прошел насквозь белой жидкости, не навредив Алойшу.

Семиотик, который убил Присциллу Пирс. Семиотик, способный рассекать огненные всполохи. Семиотик – оружие, созданное из жизненной силы Камы мистическим оленем из иного мира.

Не сработал...

Алойш жив.

– Думал, что я настолько слаб, что эта игрушка меня остановит?

И тут Скальд понял, что их чудесный план с внезапной засадой сокрушительно провалился.

Глава 14. Слезы Белой Смерти

Скальд не мог в это поверить.

Клинок, меч-семиотик, способный разрубить любую материю, единственное оружие против Призраков Перламутра, не смог сразить Алойша.

– Меня создали... не так, как остальных.

– Что?

Алойш приподнял голову.

– Для всех использовали силы сущностей из другого мира, это так. Но моя сущность совсем иная. И победить меня может лишь та сила, что породила меня.

– Что за сила?

Битва все еще гроыхала за спиной Скальда. Он слышал рычание рыбоедов и выстрелы из револьверов.

– Скальд! – раздался крик Элеоноры ван Касл. – Убей его! Убей же!

Но он не мог.

Скальд повторил попытку и вонзил меч в тело Алойша снова. Клинок прошел насквозь белого тела, как через пустоту.

– Что ты такое? – спросил Скальд у Алойша.

Вместо ответа тот поднял тонкие ручки и стянул капюшон с головы.

Скальд никогда не видел лица Алойша. Призрак тщатель-

но скрывал его, оставляя на показ лишь белые губы. Над губами показался едва заметный слабовыраженный нос. А еще выше – ничего нет. Нет ни глаз, ни пустых глазниц, ни бровей, ни волос. Белая кожа, залитая субстанцией, тянулась прочным шлемом по всей голове Алойша.

Безликий Призрак.

Губы Алойша растянулись в довольно улыбке.

– Что ж, Скальд... ты довел меня... до слез...

И Скальд увидел, как из головы Алойша, из тех мест, где должны быть глаза, выпотели черные Слезы Белой Смерти.

Словно смола, чернильная жидкость потекла по лицу Алойша, стекая по щекам на шею.

Скальд отпрянул.

Сжимая семиотик, он понимал, что меч бесполезен в битве с Алойшем. Что же тогда делать?

Как его победить?

– Скальд! – раздался голос Элен. – Что происходит? Скальд?

– Что с Алойшем? – Людо Ксавьер прервал битву.

Босые ступни Алойша оторвались от земли, и он взлетел в воздух. Во все стороны от его спины поползли белые щупальца. Они растекались длинными белыми ручьями.

А черные слезы начали капать на асфальт, смешиваясь с дождевой водой.

Кап.

Кап.

И когда третья слеза канула в воду, мир изменился.

Реальность покачнулась, время замерло, и пространство вокруг исказилось.

Окружающий мир стал вращаться. Дома вокруг, деревья, парк – все сгустилось в геометрические фигуры и завращалось, как в калейдоскопе.

Скальд едва смог удержать равновесие и не упасть. Все шло кругом! Голова кружилась.

И звучал громогласный детский смех Алойша.

– Что за чертовщина творится? – ужаснулся Людо Ксавьер.

– Это Плач Белой Смерти! – воскликнул Альбедро. – Он использовал свою тайную силу!

Скальд помнил, что у всех Призраков Перламутра имела своя особая тайная сила. Так, Присцилла Пирс могла менять внешность. Во время последней битвы она превратилась в жуткого монстра, напоминающего птицу с шестью крыльями. Скальд сам смог одолеть гадкую тварь и защитить друзей, прибежавших к нему на выручку.

Сила Алойша – особые Слезы, способные исказить пространство и время вокруг.

Осмотревшись, Скальд заметил, что полицейские и рыбаки замерли. Ход времени для них остановился.

– Что это с ними? – не понимал Хоакин Мартинес.

– Время, – догадался Скальд, – оно замерло для них.

Но сущности, созданные Алойшем, продолжали движе-

ние. Белые люди с черными зонтиками смыкали круг.

– А почему это не случилось с нами? – не понимал Людо Ксавьер.

Скальд догадался не сразу. Этот вопрос быстро возник в его голове, но ответ пришлось поискать.

Его взгляд упал на меч.

«Все дело в нем».

– Семиотики, – произнес он, – они рассекают любую материю. И даже время.

– Время? – ахнула Элен.

– Да, мы остались неподвластны для силы Алойша из-за них. Пока семиотики у нас в руках, нам ничего не грозит. А эти твари... они созданы его силой, поэтому они тоже могут сражаться, в отличие от рыбоедов, которые не связаны с силой Алойша.

Это объясняло все.

Действительно, все рыбоеды и полицейские застыли, словно статуи.

Шевелиться могли лишь воины Алойша и все те, в чьи руки сжимали семиотики: Альбедро, Хоакин, Элен, Ксавьер и Скальд.

– Что будем делать? – спросил Хоакин.

Асфальт под ногами ходил ходуном. Мир вращался, словно в трубе.

– Это иллюзия или он загнал нас в другое измерение? – не понимал Альбедро.

– Не думаю, что Алойш способен переместить нас куда-то, – подумал Скальд, – это умеет только Гринштейн. Скорее всего, Алойш просто обманывает нас. Это мираж. Нам нужно придумать, как победить его. Меч не сработал.

– Но почему? – спросил Людо Ксавьер.

Скальд взглянул на Алойша – тот продолжал висеть в воздухе и смеяться, пока из головы капали черные слезы, а из спины росли новые длинные белые щупальца.

– Он сказал, что его создали из иной силы... и только эта сила может его остановить.

– Что это за сила?

– Не знаю, Элен. Я не знаю, что нам делать...

Но армия Алойша наступала.

– Они идут! – вырвалось у Людо.

– Мы должны отбить атаку и хотя бы ослабить его, – решил Альбедро, – нельзя сдаваться!

– Вы правы, – ответил Скальд, – давайте навалием мелкому засранцу, как сможем.

«Отличный план. Никакого плана! Чего же мы ждем?».

И пошла потеха.

Люди-белые маски окружили их со всех сторон. Они шли к ним медленно и неуклюже, словно куклы, привязанные ниточками к пальцам кукловода. Размахивая зонтиками, как мечами, они подступались ближе и ближе.

Только сейчас Скальд заметил, что черные зонтики смазаны чернилами – Слезами Белой Смерти.

– Будьте осторожны! – скомандовал Скальд. – Эти зонтики в его Слезях! Они могут сильно ранить, если коснуться вас.

Конечно, точно он не мог знать ранят они или нет. Но рисковать глупо. Предупрежден – вооружен.

Если капля Слез Алойша смогла вызвать подобное извращение реальности, времени и пространства, то остается только догадываться, на что они способны коснись человеческой плоти.

Мир искажался. Все вращалось. Дороги, фонтаны, скамейки, деревья, дома – все пришло в движение. А капли дождевой воды повисли в воздухе. Полигон битвы из парковой площади превратился в сюрреалистичный городской хаос, напомилавший Скальду то измерение, в которое его доставили Призраки на совет.

Тогда-то он впервые и увидел их всех.

Скальд, Хоакин, Альбеде, Элен и Людо Ксавьер дружно бросились в битву. Они отражали нападения белых воинов одно за другим. Их враги могли не только ходить, но и прыгать, перемещаясь по обломкам реальности – кускам асфальта, скамейкам и конструкциям фонтана.

Все зашевелилось и закрутилось. И лишь Алойш оставался в стороне, наблюдая за безумным торжеством.

Держась рядом и не отступая, друзья давали отпор солдатам врага. Размахивая семиотиками, они разрезали чернильные зонтики – брызгала краска. И разрубали безжалостно

тела врагов. Летели руки, ноги, туловища и головы.

Как только сверкающий клинок проходил через жидкую оболочку – она растекалась в пространстве и исчезала.

Скальд отчаянно размахивал мечом, сжимая рукоять обоими руками. Издавая воинственные кличи, он набрасывался на врагов с ревом и сокрушал их одним ударом, отрубая головы.

Приспешников Алойша становилось меньше, и тогда появились новые – бесформенные жидкие фигуры возникли прямо из щупалец, которые Алойш пустил по воздуху. Он создавал новых воинов прямо из себя самого.

– Вот черт! – вырвалось у Хоакина.

– Это еще, что такое? – не ожидала увидеть вражеское подкрепление Элен.

– Эти твари связаны с Алойшем, – догадался Скальд, – думаю, ему будет больно. Давайте, вперед!

Они не собирались сдаваться.

Они пришли сюда, чтобы избавить Перламутр-Бич от Алойша и освободить город от его тирании.

У них еще есть шанс, если не убить Алойша, то достаточно ослабить его или даже пленить.

Смех Белой Смерти угас. Он начинал чувствовать, что теряет преимущество в битве. Его армия разбита, и ему приходится создавать новых приспешников.

Алойш жадно пускал во все стороны нити белой субстанции, которые потом собирались вместе и превращались в

бесформенных созданий.

Пятеро товарищей успешно справлялись с поставленной задачей. Скальд рубил и рубил, он прорывался к Алойшу снова. И на его пути вновь и вновь возникали враги, которых он рассекал на капли.

Сердце колотилось.

Он весь покрылся потом и испариной.

Руки болели.

И бинты начали разматываться.

С каждым ударом, с каждым новым резким движением, с каждым выпадом и каждым новым поверженным врагом – бинты слабели и раскручивались, отрывались и спадали.

Но Скальд старался не обращать на это внимание. Он лишь чувствовал, как раны начали кровоточить, окрашивая бинты в багровый цвет. Скальд не сдавался: он прыгал по обломкам расколотого окружающего мира, отбиваясь от нападков белых скользких монстров, летящих на него со всех сторон.

Алойш действовал быстро – стоило ему пустить щупальце в сторону Скальда, как оно моментально принимало форму чудовища и набрасывалось на него.

– Их слишком много! – раздался крик Хоакина.

– Мы должны выстоять! – ответный вопль Альбеда. – У нас есть шанс!

Скальд на время огляделся – он ушел далеко вперед, оставив своих друзей позади.

Элен балансировала на спинке скамьи, когда на нее напало чудовище и повалило вниз.

– Элен! – вырвалось у Скальда.

Он видел, как ее безжалостно накрыла белая масса.

К ней тут же бросился Людо Ксавьер. Появившись за спиной чудовища, он сделал сокрушительный взмах двумя семиотиками и рассек монстра.

Показалась Элен – все ее тело кровоточило.

– Проклятье! – рявкнул Скальд.

Пока Людо помогал Элен подниматься, Хоакин и Альбедро поспешили к ним, чтобы прикрыть их.

В их сторону уже двигался отряд белых монстров.

Скальд бросил взгляд на Алойша – тот довольно улыбался.

И тут к нему пришла идея: «Я искромсаю тебя».

Стоило попробовать.

В его сердце полыхала ярость – Алойш сильно ранил Эленору и довольно ухмылялся, радуясь своей маленькой победой.

– Тебе конец, засранец!

И Скальд бросился в бой.

– Скальд! Нет! – раздался за его спиной женский крик. – Остановите его!

Но никто за ним не побежал.

Хоакина, Альбедро и Ксавьера окружили – им пришлось самим отбиваться от врагов, защищая раненную Элен.

Алойш, заметив приближение Скальда, бросил все силы против него.

Белая Смерть отчаянно пускала белые щупальца в сторону Скальда. Они даже не успевали принимать нужную форму. Скальд, прыгая через преграды в виде мусорных баков и фонарных столбов, вращающихся над его головой и под его ногами, рассекал мечом воздух и встречные белые щупальца.

Сыпались белые брызги.

Он неумолимо и быстро приближался к Алойшу.

Тот уже не мог контролировать левитацию. Алойш принялся опускаться на землю, чтобы тверже стоять на ногах и увереннее управлять своей силой.

Призрак отчаянно размахивал руками, делая пасы и пуская новые и новые щупальца, струившиеся тонкими ветвями из плаща и тела. Он отдавал в этой битве самого себя. Часть себя самого больше и больше. При этом не успевал восстанавливаться.

Скальд подумал об этом: «Так он может истратить себя целиком».

Несмотря на то, что накидка Алойша быстро восстанавливалась, но даже ей требовалось время, чтобы сделать это полностью.

Сейчас же она только успевала расслаиваться на толстые ветви, несущиеся стрелами к Скальду.

А он рвал и метал.

Скальд вспомнил, как неистово размахивал мечом в подводной пещере, когда Присцилла Пирс кидалась в него огненными всполохами. Сейчас же картинка повторялась. Он бежал прямо на Алойша, отчаянно разрубая все выпады белых струй, посылаемых в его сторону.

Тем временем Хоакин, Альбедо и Ксавьер уже смогли отбиться от врагов. Теперь они заботились только об Элен. Все они были уже слишком далеко, чтобы помочь Скальду.

Ему пришлось снова действовать одному.

Алойш оградил Перламутр-Бич стеной от остального мира.

Алойш убил Каму, единственную, кто могла бы им многое рассказать и объяснить.

Алойш ранил Элен.

И этого Скальд не мог ему простить.

Перед ним до сих пор стояла эта картинка: Людо разрубает чудовище, напавшее на нее, и Элен лежит... вся в крови.

Эта белая субстанция причиняет человеческому телу сотни ран и порезов, касаясь кожи и плоти.

Бинты на руках Скальда полностью размотались и обвалились. Руки кровоточили, но он не обращал на это внимания.

Рассекая семиотиком белые сплетения, он нагонял Алойша. Ближе, ближе, ближе!

Алойш пятился назад.

Скальд взбирается на скамью. Ступает ногой на спинку.

Ставит вторую ногу. Прыгает.

Алойш пятится назад и падает.

Скальд летит сверху.

Алойш выпускает руку-щупальце вперед.

Взмах меча.

Блеск!

И Скальд отрубает щупальце вместе с рукой Алойша, в которое она превратилась.

Скальд приземляется на землю и оказывается прямо перед Белой Смертью.

Вся голова Алойша затекла черными Слезами.

Алойш сделал попытку подняться, но вдруг... левая рука Скальда машинально устремилась вперед и нанесла удар по голове Призрака.

Он сам не ожидал этого от себя. Это была команда на уровне подсознания. Ему просто хотелось врезать Алойшу за то, что он сделал с Элен.

И вот... перед ним на спине лежал Алойш, а в белой голове его, залитой черными Слезами, зияла красная кровоточащая вмятина.

– Нет... нет... не может быть! – бормотал Алойш.

Скальд взглянул на свою ладонь. Бинтов уже нет. Рука кровоточит. Кожа покрылась трещинами.

– Что это было? – не понял Скальд.

Алойш, если бы у него были глаза, в ужасе смотрел на Скальда. Он упирался одной рукой об асфальт, но никак не

мог подняться. Вторая рука так и не отросла.

– Не трогай меня! Не смей! – заверещал Алойш.

И Скальд схватил голой рукой Алойша за шею – раздался душераздирающий вопль Белой Смерти.

– Отпусти! Больно! Больно же!

Скальд разжал пальцы. Алойш снова повалился на землю, ударившись затылком. На его белой шее остались кровавые следы от хватки Скальда. Эти следы покрывались черными трещинами.

– Не надо... прошу...

Одной рукой Алойш потерял свою шею, но раны на ней так и не зажили.

– Что это значит? – Скальд в ужасе смотрел на свою руку.

А потом на обе. Он выпустил меч из рук, дав семиотику упасть.

Он смотрел на свои руки.

– Она досталась тебе... потому что ты любил ее... – произнес Алойш дрожащим голосом.

«Досталось что?».

И Скальд схватил Алойша за шею двумя руками.

– Нет! Прошу! Не трогай! Не надо! Отпусти! Отпусти меня!

Алойш жалобно вырвался. Каждая секунда, что Скальд касался Алойша голыми руками, причиняла Призраку нестерпимую адскую боль.

Боль, способную его убить.

Скальда одурманила сила.

И ярость.

Он уже не контролировал себя.

Ему не нужны ответы.

Ему нужна его смерть.

Скальд с силой сжимал шею Алойша. Призрак верещал и стонал, дергая ногами. От шеи к голове Алойша потянулись красные горящие ручейки. Его голова могла вот-вот лопнуть, как воздушный шар.

Скальд чувствовал жар под ладонями. Чем дольше он сжимал шею Алойша, тем тоньше она становилась.

Он сдавливал ее сильнее, а белая масса истончалась под руками.

Сгорала.

Алойш уже не мог произнести ни слова. Он только верещал и задыхался. А потом на лбу появилась черная трещина. Голова расколосась, словно яйцо. И из трещины вытекла густая черная масса.

Тело Алойша обмякло под руками Скальда.

От разжал хватку. Шея Белой Смерти – тонкая белая помятая тростинка. Сейчас Алойш своим видом больше напоминал уродливую куклу.

Скальд огляделся – сила Плача Белой Смерти перестала действовать. Пространство и время вернулись в свое прежнее состояние.

И рыбоеды ожили...

Очнувшись словно ото сна, они увидели мертвого господина, испугались и с дикими воплями бросились в рассыпную, очистив от себя парк.

Полицейские успели подстрелить нескольких, не дав им скрыться.

Скальд посмотрел на уродливый труп Алойша – белая оболочка начала постепенно растекаться лужицей. А под белой массой зияла черная густая жидкость. Тело Призрака быстро разлагалось под проливным дождем.

– Как ты это сделал? – прозвучал голос Альбедро за спиной.

Скальд обернулся.

Он и сам не понимал. Он посмотрел на свои руки – трещины кровоточили.

Хоакин и Людо Ксавьер поддерживали раненную Элен за плечи и помогали ей идти.

Скальд понял, что ей срочно нужна медицинская помощь, и его кабинет ближе всего.

– Ты это сделал своими руками? Я же видел, – Альбедро не переставал задаваться вопросами, – ты его задушил...

– Да-да... задушил...

Скальд обернулся и посмотрел через плечо – от Алойша осталось лишь мокрое место.

Глава 15. Раскол

– Музыку! Музыку!

Беатрис побежала к стойке «Хот Фиш» и попросила Луи включить джаз.

– Давай что-то повеселее, Луи! Мы хотим потанцевать с Мисой. Больше джаза. О да, больше джаза!

– Как скажешь, Беа! Исполню любое твоё желание. Если сказали больше джаза – будет больше джаза. О, ля-ля!

И заиграла легкая мелодия. Беатрис радостно подпрыгнула, подогнув ноги, хлопнула в ладоши и побежала босыми ногами по горячему песку к Мисе.

– Давай, подруга, я хочу закружить тебя в страстном танце!

– Страстный танец под джаз? – игриво спросила Миса. – У тебя интересные вкусы, девочка.

– О да, я та еще проказница.

Беатрис взяла Мису за руки, и они начали кружиться, смеяться и танцевать, позволяя распущенным волосам хлестать ветер.

Такое забавное зрелище не могло не вызвать дружного смеха у Энтони и Матео, сидевших за столиком со стаканами сливочного пива. Матео даже присвистнул, а Беатрис ему игриво подмигнула в ответ и смачно щелкнула язычком о небо.

Матео весь порозовел от такой реакции.

Перламутровый Пляж погружался в вечерние сумерки. Сапфировое море успокаивалось, а пингвины возвращались к своим семьям в гнезда.

Луи гремел на кухне, обжаривая рыбные палочки во фритюре. Миса и Беатрис танцевали под легкую джазовую музыку.

– Не жизнь, а мечта, правда, Энтони?

Матео облокотился на спинку стула, сложил ногу на ногу и расслабленно выдохнул, сделав глоток пива.

– Это потрясающе, Матео. Ты только подумай, какая у нас классная жизнь!

– О да, дружище. И девочки у нас тоже классные.

– Ты когда скажешь Беатрис о своих чувствах?

На лице Матео появилась неловкая улыбка.

– Ты этого ждешь день ото дня, не так ли, Энтони?

– Конечно, жду, Матео. Я думаю, она готова. И мы сможем ходить на двойные свидания. Проводить время, как две пары, а не просто, как друзья.

– И чем эти свидания будут отличаться от наших посиделок?

– Собственно, ничем. Но мы можем... целовать их, обнимать, ничего не стесняясь. Понимаешь, о чем я?

– О да, Энтони, я понимаю, о чем ты.

– Ты же сам этого хочешь, верно? Я вижу, как ты на нее смотришь, Матео. И она это видит. Она ждет.

Матео промолчал. Он каждый раз начинал нервничать, когда речь заходила о его чувствах к Беатрис.

– Ты же хочешь ее обнимать, Матео?

– Хочу.

– А целовать?

– Конечно.

– И хочешь быть с ней... всегда, так?

– Да, Энтони, черт возьми! Я не хочу ее терять. Я слишком сильно привязался к ней. И не могу представить, что когда-нибудь она достанется кому-то другому. Даже думать об этом... просто невыносимо! Ты же это и сам чувствовал по отношению к Мисе, так ведь?

– Да, Матео, это был ад, пока я не объяснился ей в своих чувствах. И после этого я словно прошел через чистилище и оказался в раю. Сказочном раю, где Миса принадлежит только мне. И она любит меня. И я об этом знаю. И знаешь, что, Матео? Нет ничего прекраснее. Слышишь? Нет ничего круче, чем знать, что человек, которого ты любишь, тоже испытывает это к тебе. Понимаешь?

Энтони сделал еще один глоток пива и прикусил между зубами креветку в кляре.

– Это такой кайф, ты бы знал...

– Да, тебе повезло, Энтони.

– Я про креветку. Они потрясающие!

Двое юношей взглянули друг на друга, взгляд Матео остановился на креветке в зубах Энтони, которой вот-вот придет

конец. И они заразились теплым смехом.

Своим хохотом они привлекли внимание девушек. Беатрис и Миса, хитро взглянув на парней, подбежали к ним и позвали танцевать.

– Идем, Матео, – Беатрис взяла его за руку, – я приглашаю тебя.

– У нас белый танец?

– Можно и так сказать. Будешь моим кавалером?

– Навечно, моя сеньора!

– Как же я люблю твои идиотские подкаты. Пойдем же!

Беатрис увела Матео к морю, чтобы танцевать, ощущая воду у ног. Миса присела на коленки к Энтони, и он ее приобнял, не давая ей упасть.

– Ты как? – спросила она.

– Сегодня прекрасный день.

Он взял одну креветку и поднес ее к губам Мисы. Та игриво улыбнулась и открыла рот, позволяя покормить себя.

– М-м... Она потрясающая!

– Я так и сказал Матео! Это очень вкусно!

– Хочу еще. И передай пиво, пожалуйста.

– Вот, держи.

Сделав маленький глоток пива, прожевав и проглотив креветку, Миса смачно поцеловала Энтони в губы.

Он смотрел на нее с осознанием, что получает от жизни все то, чего так хочет.

У него чудесные друзья, любящая девушка, которую он

может кормить с руки, обнимать и целовать, когда пожелает.

И другая жизнь ему не нужна.

Энтони не нужен мир, где этого нет. Где нет Мисы.

– Ты классно целуешься.

– Хочешь еще?

Миса обняла его за шею и развернулась к нему телом, продолжая сидеть у него на коленях.

– Всегда.

И их губы сплелись в страстном поцелуе, который Энтони не желал прерывать ни на миг.

Энтони издал адский вопль, когда черный кинжал вонзился в его тело прямо под ребрами слева. Жгучая боль парализовала все его тело. Все мышцы свело от судороги. По крови потек кипяток.

Голова разрывалась в клочья.

– Прекрати, – произнес ледяной голос Дейны.

Но он продолжал кричать.

– Прекращай! Молчи.

Энтони вопил, что есть сил, чтобы заглушить боль.

– Заткнись!

И Дейна резко вырвала кинжал из его тела. Энтони обвис на водорослях, как тряпичная кукла.

Под грудиной защемило. Он не мог выдохнуть. Энтони жадно глотал воздух, не в силах сделать выдох.

Он ждал, когда боль угаснет совсем, но она уже не угасала.

Она стала его частью. И болью он начал дышать.

– Долго это будет продолжаться? – спросил он.

– Ты должен научиться принимать боль. Ты не должен кричать. Ни звука больше. Ты меня понял? Прими эту боль, как часть самого себя. Прими то, что отныне твоя жизнь в моих руках. Ты мой. Понял?

Его тело дрожало.

Сознание все чаще покидало его.

– Перестань отключаться, Энтони. Будь со мной.

– Да, Дейна...

Его парализовал новый удар ножа.

Энтони вскрикнул, но боль быстро ушла – это был короткий удар.

– Госпожа. Не забывай. Ты должен меня звать госпожой.

– Да, госпожа.

– Ты готов меня слушаться?

– Да, госпожа.

– Хорошо. Тогда...

Она подплыла к нему ближе. Лог с мистером Маурисио стояли у нее за спиной и наблюдали за процессом обучения.

– ...переставай кричать. Покорись мне.

И Дейна вонзила черный нож прямо в сердце Энтони.

Он снова отключился и уже не кричал.

– Скоро сюда явится сам Лорд Сеера. Он хочет лично посмотреть на проделанную работу. Нам нужно торопиться.

– Есть идеи, как ускорить его обучение?

– Да, мистер Маурисио. Отвяжите его.

Пауза.

– Но... Дейна, это же...

– Я сказала, отвяжи его. Я знаю, что делать.

– Как скажешь...

Щелчок. Рука обвисла. Еще щелчок. Два. Три.

И он упал.

Его тело пошло ко дну и легло на пол.

Боль с ним всегда. Боль – часть его самого. Он чувствует ее всегда.

Постоянно.

– Ты как? – звучит голос его госпожи.

И он встает на колени, не отрывая лба от пола.

– Я угодил вам, госпожа?

– Да, угодил.

– Я больше не кричал.

– Да, ты молодец. Это был хороший урок. Ты справился.

Он продолжал лежать у нее в ногах. Он не мог встать, пока она не прикажет.

– И где же ты был?

– С вами, моя госпожа. Только с вами.

– Ложь.

И снова боль.

Новая боль, усиливающая ту, что он уже испытывает.

На этот раз он больше не кричит. Нельзя кричать. Это не

понравится госпоже.

– Говори мне правду. С кем ты был?

– Госпожа... я не понимаю.

Снова боль.

– Отвечай мне! С кем ты был? Ты был с ней? Я права?

Она права.

Госпожа всегда права.

– Да, госпожа. Я был с ней.

– Почему? Почему ты не со мной? Я хочу, чтобы ты принадлежал лишь мне. Ты только мой. Запомни это.

– Да, госпожа. Я принадлежу вам. И только вам.

– Вот и хорошо. Посмотрим, как ты усвоил урок.

У него получилось угодить своей госпоже. Ради этого он живет.

Но он хочет вернуться. Он знает, что обманывает ее. Он не может остаться со своей госпожой, когда это случится вновь. Он будет не с ней.

Он снова уйдет.

– Встань.

Он поднимается на ноги. Его голова опущена. Он не смеет смотреть ей в глаза.

– Ты больше не будешь связан, если останешься таким же послушным.

– Да, госпожа.

– Ты меня понял? Ты ведь не хочешь, чтобы Лог и мистер Маурисио снова тебя связали?

– Я хочу то, чего хотите и вы, госпожа. Как вам будет угодно.

– Очень хорошо. Тогда давай продолжим. Посмотрим, как ты сдержишь свое обещание. Ты же помнишь, чего я хочу?

– Да, госпожа. Вы хотите, чтобы я был с вами.

– Верно. Так что постарайся больше не возвращаться к ней.

Боль.

Он не помнит, как получает ее.

Он просто начинает чувствовать внезапно снова и снова, когда этого пожелает его госпожа.

И вот он вновь становится частью боли, а она – его частью.

И разум растворяется.

Миса кусает его за губу во время поцелуя, и он ощущает кровь на языке.

– Ой, прости-прости! Это я перестаралась. Вот черт! Сейчас вытру.

Она взяла сумочку, висящую на спинке соседнего стула.

– Эй-эй, мне понравилось.

– Ты шутишь? Я хотела лишь прикусить, но не рассчитала силу. Прости-прости.

Она взяла из сумочки пачку сухих салфеток, достала одну и застыла.

– Постой... ты сказал, что тебе понравилось?

– Ну да, ты словно... съесть меня хотела. Так ведь?

– И правда. Я хотела... Ох, Энтони! Мне так стыдно!

– Не стоит этого стыдиться. Это нормально, что ты хочешь меня. Ты же любишь меня!

– Нахал!

Миса посмеялась и принялась вытирать нижнюю губу Энтони салфеткой от крови.

– А тебе, правда, понравилось? – стеснительно спросить она.

– Конечно. Мне приятно, когда ты это делаешь.

– А ты бы хотел... укусить меня?

– Но не до крови!

– Ах, конечно! А так? Просто укусить?

– Да, хочу.

– И... куда?

Он попросил ее наклониться к нему ближе. Хотел ли он прошептать ответ на ухо? Пусть она так думает. Ухо и стало ответом.

Энтони приоткрыл рот и зажал мочку уха Мисы между зубами, слегка сжав челюсти.

Он услышал ее сдавленное дыхание. И легкий стон.

– Нравится? – Энтони прошептал на ухо.

– Да, очень. Продолжай.

И он вернулся к мочке уха, взяв ее зубами.

Он продвигался все выше по ушной раковине, а потом соскользнул вниз и стал целовать Мису в шею. Энтони совсем не хотел заканчивать это делать, а Миса не прерывала его,

позволяя продолжать.

– Что тут у нас? – раздался голос Беатрис.

– Какие голубки! Вы только гляньте!

Энтони сразу прервался. Матео и Беатрис вернулись к ним.

– Это не очень-то вежливо, – подметила Миса.

– Ах, вы же только начали! – посмеялась Беатрис. – Простите-простите! Это я вам помешала, не сдержалась.

– И зачем же ты это сделала? – поинтересовался Энтони.

– Просто прикололась. Хотела поставить вас в неловкое положение.

– Ну-с, спасибо, подруга.

– Да, пожалуйста!

Матео и Беатрис сели за столик, а Миса развернулась к ним лицом, оставаясь у Энтони на коленях.

– Ты не устал так меня держать?

– Нисколько. Сиди на мне хоть целую вечность.

Матео и Беатрис, переглянувшись, брызнули смехом и не смогли сдержать дружный хохот.

Миса залилась краской, но Энтони смех друзей нисколько не задел. Ему действительно нравилось, что Миса всегда была рядом, касалась его и не уходила далеко. Он нуждался в ее присутствии.

Она стала для него личной формой зависимости.

– Эй, Матео, принеси-ка мне еще сливочного пива. Сходишь?

Матео вскочил, готовый отправиться к Луи, и ответил Бетрис:

– Как скажете, моя госпожа.

– Лорд Сеера, ваш визит – большая честь для нас.

Прозвучали новые шаги.

– Как он? – раздался спокойный ровный приятный мужской тон.

– Очень хорошо. Обучение идет по плану. Я бы даже сказала... опережая задуманные сроки.

– Превосходно. Я вижу, вы уже отвязали его?

– Да, он уже готов. Он не сопротивляется. Смотрите.

И голос госпожи обратился к нему:

– Кто твоя госпожа?

– Вы... вы – моя госпожа.

– И что я хочу от тебя?

– Чтобы я всегда был с вами, госпожа.

– Что такое боль?

– Боль – это я, госпожа.

Пауза.

– Видите?

– Очень хорошо. Когда обучение будет подходить к концу, вы знаете что делать. Дайте ему в руки эти мечи.

Он услышал звук искр.

– Семиотики?

– Они принадлежали Аладару и Лиане, его родителям.

– Оу...

– Когда его руки коснутся рукоятей этих мечей, сила, которой вы наполнили его тело, перейдет в клинки и изменит их свойства. Они пропитаются ею.

– Как прикажете, Лорд Сеера. Будет исполнено. Лог, возьми их.

В комнате раздались новые звуки. Какие-то шаги, какие-то движения. Но они его не интересовали. Его интересовала лишь его госпожа.

– А что с другой пленницей? Она, действительно, оказалась той, о ком подумал декан Милантэ Мунлес?

– О да, она – ее дочь.

– Вау, надо же! И что вы...

– Скоро она станет моей Королевой. И вашей Королевой тоже. Так я решил.

Пауза.

– Очень... хорошо, Лорд Сеера. Как вам будет угодно.

– Это не обсуждается. Айседора Селеста останется здесь, в Академии. И будет править вместе со мной. Вам придется это принять.

– Ваша воля – закон. А что об этом думает Верховная Мать?

– Ей предстоит... принять к сведению мое решение. Я еще поговорю с ней.

– Полагаю, она не станет возражать.

– Я буду весьма... убедителен. К тому же, мы почти одер-

жали победу. Осталось совсем немного. Скоро Омут закончит свой проект, и тогда... мы выйдем на поверхность.

– Да, Лорд Сеера. С нетерпением ждет этого важного дня.

Пауза.

– Продолжайте.

Шаги. Звук дверей. Свет. И снова тьма.

И тишина.

Остался лишь голос его госпожи.

Она приблизилась к нему. Он ощущал ее дыхание на своем лице.

– Продолжим.

И ее холодные губы прижались к его губам.

И душа Энтони вернулась в мир, где он обрел свое счастье рядом с Мисой.

Глава 16. Во имя власти

– Прежде, чем я отвечу, я хочу задать тебе несколько вопросов.

– Спрашивай.

Я приподнялась в постели, и Сеера поправил подушку за моей спиной, чтобы я удобней села.

Он не отходил от меня ни на шаг.

– Ты знаешь что-то о Лиане и Аладаре?

– Печати?

– Да. Ты их видел? Семь лет назад.

– Это родители, Энтони, верно?

Он знает про Энтони.

– Да, – осторожно ответила я, – это так.

– Лиана и Аладар оказались самыми сильными Печатами из всего Ордена. Они закрыли больше всего порталов, когда влияние Вилиамонта стало распространяться.

– «Влияние Вилиамонта»?

– Его сила заключается в том, что он способен открывать новые проходы. Крайне редкий дар. До него подобной силой обладала лишь Верховная Матерь. Она – первая, кому удалось порвать ткань Мироздания.

Сеера не желал говорить о том, как именно Верховной Матери удалось открыть Проход. Он вообще каждый раз уходил от разговора о ней.

– Лиана и Аладар внесли большой вклад в битву, приблизив победу вашей стороны.

– Нет ничьей стороны, Сеера. Ты же знаешь, что я...

– Да, всего лишь дочь Марии Селесты. Дочь своей матери, женщины, которую я любил.

Мне становилось дурно от подобных слов. Так странно осознавать, что у мамы был роман с существом из иного измерения.

И это существо хочет сделать меня своей женой.

Во что вообще превратилась моя жизнь?

– Так вот, Лиана и Аладар оказались очень сильны. Никто из Призраков не смог их остановить. Многие... очень многие пали от их семиотиков. Они искусно сражались. Настоящие воины. Профессионалы. Они хорошо знали свое дело и превосходно владели оружием. Даже Гринштейн не смог сопротивляться. Он спасся бегством.

– А ты? Ты сражался с ними?

– К счастью, нет, но я видел, на что они способны. И видел, как они погибли.

Кто же их убил?

Кто оказался сильнее самых отважных Печатей?

За ответами на эти вопросы Энтони спустился вместе с нами. Он хотел знать, что случилось с его родителями семь лет назад.

И вот я получаю ответ вместо него.

– Кто их убил, Сеера? У кого хватило сил остановить та-

ких Печатей?

Я с нетерпением ждала ответа, хотя подсознательно уже догадывалась о нем. Кто мог быть сильнее Гринштейна? Кто это был, если Сеера не ввязывался в драку? Кто еще сильнее их всех?

– Это сделала она.

Мелисента.

– Лично.

– Ах!

Я прикрыла рот ладонями. Мои опасения сбылись.

– Только благодаря ей та битва закончилась нашей победой, – добавил Сеера, – самые сильные Печати оказались повержены, остальные сбежали. Проход остался открытым.

– Она главная, так? Она стоит над всеми вами. Что ей нужно?

– Ее цели ведомы лишь ей. Мы лишь воздаем должное за те дары, которыми она нас наградила.

– Дары?

Сеера не стал отвечать.

– Что с Энтони? Где ты его держишь?

– Тебе не обязательно знать об этом.

– Он – мой друг. Если хочешь, чтобы я вышла за тебя, как ты можешь скрывать от меня такое?

Я сама от себя не ожидала, что этот ход окажется настолько хорошим. Манипулировать свадьбой, чтобы получить все ответы. А что я еще могу?

– Он в Перекрестках.

– Зачем? Что с ним там делают?

– Это воля Верховной Матери. Я лишь выполняю ее приказы.

– Ее воля...

– Прости, Айседора, но я не могу говорить о ней и о ее распоряжениях. Это тайна. И она должна оставаться тайной для всех.

– У тебя с ней секреты.

Сеера кивнул.

– Воля Верховной Матери не обсуждается. Как она скажет – так и будет. Я не могу этому противиться.

– Да что с вами всеми такое?

Я злилась.

Они все – ее марионетки.

Мелисента крутит и вертит ими, как пожелает! И никто, кроме нее, не скажет, чего она хочет.

– Где она?

– Что? – не понял Сеера.

– Где сейчас Верховная Матерь? У нее есть какое-нибудь... логово? Где она живет?

Глупо надеяться, что он так возьмет и выдаст ее месторасположение. Но я должна попытаться.

– Я... не знаю. И никто не знает, Айседора. Она просто приходит. И уходит.

– Приходит? Сюда? В Академию?

– Разумеется. Она лично отдает мне все распоряжения. И уходит, чтобы вернуться, когда все будет готово.

– Только за этим? Она приходит, чтобы отдать приказы?

– Проход. Она пользуется им. Верховная Матерь спускается в Глубины Пепла и уходит...

– Младенец. Что за дитя на картине? Кто у нее на руках?

Я видела, что Сеера не хочет отвечать. Кажется, ему даже страшно говорить о Верховной Матери, словно она услышит, если он разболтает ее секреты.

– Младенец – ее дитя. Как и все мы... Призраки. Рыбоеды. Все они появились благодаря ей. Они – ее дети. И я появился здесь благодаря ей.

– Дети, значит... Но что за дитя?

Сеера не отвечал.

– Идем, Айседора. Я хочу показать тебе Академию.

И как вообще с ним можно о чем-то говорить? Он постоянно уходит от прямых ответов. Но теперь я хотя бы точно убеждена в существовании Верховной Матери, кем бы она ни являлась.

И раз она приходит сюда, спускается на дно, значит, у меня есть шанс встретить ее.

Она еще придет проверить, как ведутся дела.

Сеера помог мне встать. Взяв меня под руку, он повел меня к выходу из сада.

– Тебе уже лучше?

– Да, намного.

– У тебя еще остались вопросы?

– Насчет Энтони.

Сеера недовольно промычал.

– Скажи мне лишь одно, Сеера. Он будет жить?

– Да, Айседора. Он будет жить.

Ох...

Он нужен им живым...

Это дает мне шанс спасти его.

Двери сада открылись, и в коридоре нас встретил декан Милантэ Мунлес. Увидев своего Лорда, он поклонился.

– Лорд Сеера.

– Мы с Айседорой хотим прогуляться по Академии. Я хочу показать ей здешние места.

– Как скажете, ректор. Мне сопроводить вас?

– Не стоит. Займись лучше делами Омута. Меня интересует результат. Он должен быть совсем скоро.

– Слушаюсь, Лорд Сеера.

Мунлес откланялся и уполз прочь.

Настоящий подводный змей!

– Идем, Айседора.

– Чем занимается Омут?

– Тем, что делаю и я. Исполняют волю Верховной Матери.

Проклятье. Все здесь делается ради нее! Все следуют ее указке! Она дает приказы Сеера, а он Омуту, а те – своим подчиненным. Студенты этой Академии просто пешки на службе у Мелисенты.

Все пляшут под ее дудку!

Мы прошли вниз пол лестнице и спустились в большой зал, заполненный студентами, облаченными в белые халаты. Они группами ходили туда-сюда, прижимая к груди стеклянные книги. Проходя мимо ректора, они кланялись и здоровались.

Полулюди-полурыбы. Они мало чем отличались от остальных жителей города Одд. Разве что одеждой и родом занятий.

У каждого внешность отличительная, своя, уникальная. Даже оттенки чешуи и кожи не повторялись.

– Каких студентов декан отбирает для вступления в Омут? – поинтересовалась я.

– Самых способных, по его мнению. Тех, кто готов работать тайно. Не болтать лишнего. И действовать лишь на благо Академии. Преданных.

Среди студентов появилось двое взрослых существ. Мужчина с нижней частью ракообразного животного. И женщина с двумя парами рук, белой кожей и волосами-щупальцами стального цвета.

Двое подплыли к нам и поприветствовали Лорда Сееру.

Неподалеку от них стояло трое студентов. Сжавшись кучкой за спинами этой парочки, они не отрывали от нас взгляды и о чем-то перешептывались.

– Айседора, знакомься. Это профессора Сангинарий Саг и Орсина Орэлла.

Я просто кивнула в ответ, выдавив из себя:

– Здравствуйте.

– Лорд Сеера, у нас для вас есть маленький разговор, – начал профессор Сангинарий, – вы не возражаете?

– Говорите, я готов выслушать.

Переглянувшись друг с другом, профессора решили, что слово возьмет профессор Орсина:

– Лорд Сеера, видите тех студентов? Это Мелисса, Винтер и Эш. Очень способные ребята. Винтер работал над своим проектом. Подопытным животным стал дельфин. Проект стал проявлять слишком сильную агрессию и сбежал.

Дельфин?

Она сказала про дельфина? Мне не послышалось?

– Винтер очень переживает. Сроки сдачи проектов вот-вот подойдут к концу. Поверьте, Лорд Сеера, Винтер – очень способный ученик. Он быстро исправит положение. Его друзья, Эш и Мелисса, во всем будут ему помогать.

– Что же вы хотите от меня, профессор Орэлла? Ближе к делу.

– Лорд Сеера, прошу, дайте им возможность сделать новый проект в самые краткие сроки. Позвольте запросить у декана Мунлеса нового подопытного. Вы увидите, что они справятся в кратчайшие сроки и еще смогут вас удивить. Это очень-очень способные ребята. Все, что им нужно – еще одно подопытное животное.

Я взглянула на Сееру. Выслушав просьбу, он demonstra-

тивно выгнул бровь.

– Говорите, дельфин проявил слишком большую агрессию?

– Да, Винтер маленько... перестарался. И не смог контролировать животное. Оно вырвалось из Перекрестков и сбежало из Академии.

Раздался легкий смешок Сееры.

– Что ж, это говорит лишь о том, что дельфин оказался чертовски хорош и готов к выходу. Меня это радует. Что ж, передайте декану Мунлесу, что я разрешаю вам взять нового подопытного. Пусть Винтер сам выберет того, кто ему понравится. Я хочу, чтобы он сам был уверен, что справится с новой задачей. Мне будет любопытно взглянуть на результат.

– Ох, спасибо большое, Лорд Сеера! – радостно воскликнул профессор Сангинарий Саг. – Вы очень добры. Мы поспешим обрадовать студентов. С вашего позволения.

Двое профессоров откланялись и направились к троице студентов, чтобы сообщить им благую весть.

– Идем в Перекрестки, Айседора. Ты там уже была, не так ли? Но не за черными дверьми.

Я следовала за Сеерой. Мы спускались вниз по главной лестнице, минуя все этажи Академии. По коридорам и ступенькам шныряли студенты. Летали скаты и морские коньки.

– Зачем эти проекты?

– Армия, Айседора. Чтобы сокрушить сушу.

– Так хочет Верховная Мать?

– И не только. Призраки желают власти над вашим городом. В знак мести за то, что с ними сделал «Харон».

– Тогда почему они благодарят Верховную Мать за силу? Это и есть дары? Без нее не случился бы «Харон». Неужели...

– Айседора, ты задаешь слишком много вопросов.

Мы шли дальше, но я не сдавалась. У меня выдался шанс найти ответы.

– Расскажи мне о силе Эвристики, – попросила я.

– Эвр? Ты ее знаешь?

– Нет, но Скальд видел ее и все рассказал. На что она способна?

– Эвр обладает даром проникать в чужие сновидения. Там она – хозяйка. Она проникает в самые чертоги подсознания человека. Искажает их. Играет с ними. Может довести до безумия. И... смерти.

– Смерти?

– Да, Айседора. Если ей удастся забраться слишком глубоко, то проникнув в разум, она сможет его разрушить изнутри. Эвр создает коридор между своим сознанием и сознанием жертвы. И идет по нему в чужую голову. А такой проход легче всего открыть, когда сознание ослабленно. Во сне.

– Коридор... а тот, к кому она проникла, может этим воспользоваться?

Сеера с интересом на меня посмотрел.

– Ты очень хитрая, Айседора. Ты знаешь об этом? Разумеется.

– Да, коридор, созданный Эвр меж двумя сознаниями, работает в оба направления. Если ее жертва каким-то образом догадается об этом и научится проникать в разум самой Эвр... забравшись глубоко в ее голову, можно ее убить. Это две стороны медали. Сильная и слабая стороны одной и той же силы. Никогда и ничего не бывает слишком просто, Айседора. За все приходится платить свою цену. Чем-то жертвовать или рисковать, чтобы получить то, что хочешь. Как и Алойш. Используя свой дар, он растрчивает самого себя, собственное существо. Собственную материю. Понимаешь?

– Кажется, да.

Я и впрямь понимала, о чем говорит Сеера. Его объяснения оказались вполне доходчивыми.

– А что насчет Гринштейна? Чем он рискует? Какова его плата?

– Он достаточно заплатил в свое время. Ноги. Чем больше силы он использует, тем сильнее они болят. Он не чувствует их. Ему тяжело стоять. Или ходить. Только после длительного перерыва он способен подняться на ноги. А с применением силы это делать становится все сложнее. И потом возникает боль, терпеть которую бывает просто невыносимо.

– Выходит, он страдает каждый раз, когда использует силу?

Сеера легко кивнул.

– А вот и Перекрестки.

Мы спустились ниже и вошли в белый бесконечный лабиринт.

– Что я получу, став твоей женой? Став Королевой Морских Сердец?

– Власть, Айседора.

– Власть?

– Ты станешь править вместе со мной. Управлять Академией и Оддом. Ты сможешь делать реформы. Менять правила.

– И ты... дашь мне эту власть? Просто так?

– Почему же просто так, Айседора? Взамен на это ты становишься моей женой. Моей. И только моей. Это будет твоя плата за силу, которую я тебе подарю. И более того – приняв мое предложение, ты станешь частью этого мира. Моего мира. Ты станешь одной из нас.

К этому я готова не была.

– Одной из вас? У меня... вырастут жабры?

Сеера пожал плечами.

– Я еще никогда не делал ничего подобного. Скажем так, Айседора, эта рубашка тебе больше не понадобится... в первую брачную ночь.

Внутри застрял комок.

Я вспомнила Шона. У нас должна была вот-вот состояться свадьба. Мы готовились к ней. Семья. Совместная жизнь. Дети.

Я хотела стать невестой Шона, а не...

– Подумай хорошенько, Айседора. Мы станем ровней. И вместе будем исполнять волю Верховной Матери.

Власть. Вот, что я получу, если соглашусь. У меня будет возможность повлиять на что-то. Например, спасти Энтони. Или изменить этот мир. Условия их жизни.

Рабский труд на кварцевых шахтах.

Я смогу все исправить.

Но это будет другая жизнь. Я буду принадлежать этому миру. Поверхность уже не станет ждать моего возвращения.

Большая жертва.

Очень большая...

Отказ от всего, что я знала и любила. От той жизни.

Но что меня держит в той жизни? Что привязывает меня к суше?

Суше... где нет Шона?..

– Как вы создали рыбоедов? Что подмешали в рыбу?

Сеера молча остановился у одной из черных дверей. Стоило ему коснуться ее рукой, как ворота открылись. Перед нами появился длинный коридор, по обе стороны которого стояли стеклянные колбы, в которых плавали... слизи.

Черви.

Угри.

Черные, серые, белые, красные...

Они плодились, выпуская из себя личинки.

Каждая стеклянная колба подсвечивалась синеватым све-

том.

– Что это такое?

– Слизняки.

Сеера остановился у банки с мелкими черными червячками, плавающими в воде.

– Вот этих мы использовали, чтобы создать рыбоедов. Мы скрамливали их рыбам. И съев эту рыбу, люди теряли себя и менялись.

– Не стоит подробностей. Я видела это зрелище. Я лично расправилась с семейством Грейтс, если хочешь знать.

– О, они стали нашими первыми подопытными. Но слишком умными и самонадеянными. Они не были готовы слепо сражаться на нашей стороне. В них оставалось... много человеческого. А потому над проектом пришлось потрудиться, чтобы исправить положение.

Подумать только, казалось, еще несколько дней назад я вырвалась из «Ракушки» – особняка семьи-рыбоедов. Потеряла Шона. И понятия не имела, что значит все происходящее. И вот я здесь... стою у самых истоков зла.

Место, где все началось.

– Рыбоеды стали глупее, но послушнее. Агрессивнее. Это то, что нам нужно.

Сеера прошел дальше и остановился у белого червя, напоминающего змею.

– А вот этот экземпляр парализует сознание. Если жертву накормить таким червем, то она будет выполнять все прихо-

ти того, кто накормил ее. Мгновенная и вечная власть. Сопротивляться приказам очень трудно. Я бы сказал, невозможно почти для всех.

– Почти?

– Нужно быть очень сильным, чтобы хотя бы пытаться сопротивляться. Но подобные образцы очень хороши. Так что... проблем не возникнет.

Сеера прошел дальше, осматривая червей за стеклами.

– Наши студенты используют многих из них для своих проектов. С этих червей все и начинается.

– У студентов есть доступ сюда?

– О да, доступ имеется.

– И откуда эти черви?

– Подарок.

– Подарок?

– Верховной Матери.

Конечно! Чей же еще?

Иначе и быть не могло.

– Она научила меня делать их.

– Ты их сам сделал?

– Большую часть. Да.

И Сеера остановился и развернулся ко мне. Он завел руки за спину и взглянул на меня со всей решительностью, на которую был способен.

– Айседора. Так ты обдумала мое предложение? Ты станешь моей женой?

И вот мы пришли к тому, с чего начали. Он снова задал этот вопрос. Пока мы шли по Перекресткам, я пыталась все обдумать.

Шона больше нет.

Энтони в плену. Он где-то рядом, но мне никогда не дадут до него добраться.

Здесь слишком много врагов, чтобы рассчитывать на спасение. У Скальда и остальных хватает забот на поверхности.

Я должна что-то сделать, что-то изменить. И у меня есть шанс получить власть в этом мире. Власть исправить...

Взамен на...

– Обещаешь мне власть, если я соглашусь?

– Ты станешь Королевой, Айседора. Это мои личные гарантии. Я не позволю своей жене просто слепо следовать за мной. Она должны быть моим партнером. Ты же сможешь им стать? Сможешь помогать мне? Я же вижу это. Я вижу страсть в тебе, Айседора. Жажду действия. Ты не будешь сидеть на месте. Став Королевой, ты получишь доступ ко всем местам в Академии, кроме лабораторий Омута и Глубин Пепла. В остальном – это твой дом. И он в твоём распоряжении.

– У меня не будет власти над Омутотом?

– Эта привилегия остается за мной. В твои компетенции это входить не будет. Но зато Одд... он весь твой.

И шахты мои.

И жители мои.

Если я смогу повести их за собой, если стану Королевой их сердец... то все исправлю.

Я все здесь изменю.

Во имя власти я готова стать...

– Сеера.

– Да, Айседора. Я слушаю.

Следующая фраза поделала мою жизнь на «до» и «после».

– Я согласна стать твоей женой.

Глава 17. История Элеоноры ван Касл

– Сюда-сюда, скорее!

Скальд толкнул дверь в кабинет плечом и придержал, чтобы Хоакин и Альбедро смогли провести ослабленную Элен внутрь.

– На кушетку, быстро, – скомандовал Скальд.

Элен уложили на кушетку, стоящую у стены.

– Что нам делать, Скальд? – спросил Альбедро. – Командуй.

У самого Скальда все руки в крови. Покрытые кровотокающими ранами, они беспощадно болели и ныли.

«Проклятье! Из-за своих рук я ничего не могу сделать сам!».

– Так, Хоакин, в том ящике есть бинты, вата, спирт и другие антисептики. Доставай все, что там есть. Нужно обработать раны.

– Сделаю.

– Альбедро, смотри, открывай этот шкаф. Видишь те белые ампулы? Бери. Это обезболивающие. Ниже есть шприцы. Возьми на десять миллилитров. И введи пять кубиков Элен в плечо. Справишься? Ты же делал это раньше?

– Не переживай, Скальд, я умею делать уколы.

– Прекрасно.

Все принялись за работу.

Хоакин достал несколько коробок бинтов и марлевых тампонов. На полу перед кушеткой он расставил баночки со спиртом, перекисью водорода, перманганатом калия и хлоргексидином.

Элен тяжело дышала. Вся ее одежда пропиталась кровью.

– Элен, Элен, – Хоакин говорил с ней, – ты как? Ты слышишь меня?

Она слабо повернула голову на источник голоса.

– Да... Хоакин...

– Нужно снять одежду. Я обработаю раны.

– Хорошо...

Хоакин принялся осторожно раздевать Элен, чтобы не причинить ей еще больше боли.

Альбедо тем временем набрал в шприц обезболивающие средство и подбежал к Элен, чтобы сделать инъекцию.

– Сейчас-сейчас, это быстро. И тебе станет легче.

Он взял марлевый тампон, быстро смочил спиртом, обработал кожу плеча и сделал укол.

– Это скоро подействует? – спросил Альбедо у Скальда.

– Минут через десять боль уйдет.

– Не волнуйся, Элен. Ты поправишься. Мы тебе поможем. Слышишь?

Вводя лекарственное вещество, Альбедо прижал марлевым шариком место инъекции и извлек иглу.

– Сделал.

– Отлично, – ответил Скальд, – а теперь помоги Хоакину снять с нее одежду. Один он не справится.

Пока Хоакин и Альбедро избавляли Элен от пропитанной кровью одежды, Скальд подскочил к ящику с перевязочным материалом и ухватил два валика бинта.

«Черт, как же неудобно!».

От его прикосновения белый бинт частично окрасился кровью.

«Проклятье!».

Скальд сел за стол и помог зубами размотать бинт. Отмотав достаточный кусок, он принялся наматывать бинт на руку. Делать это оказалось ужасно неудобно. Скальд постоянно ругался, разрывая бинт зубами. В какой-то момент валик скатился по столу на пол.

– Сука!

Скальд тяжело задышал, пытаясь взять себя в руки.

– Я сейчас, Скальд. Я помогу.

К нему пришел Альбедро, оставив Хоакина обрабатывать и перевязывать раны Элен.

– Почаще меняй марлю, Хоакин, – велел ему Скальд, – у меня достаточно бинтов и ваты. Не жалея. Сначала все как следует обработай, а потом смочи марлю еще раз, приложи к ране и перевяжи бинтом. Понял?

– Да, Скальд, сделаю. Можешь на меня рассчитывать. Потерпи, Элен, скоро боль угаснет.

Скальд не мог оторваться от Элен. Ему было мучительно больно смотреть на нее израненное окровавленное тело. Субстанция Алойша ранила ее очень сильно одним лишь прикосновением.

Но Скальд отомстил за нее. Алойш больше никому не сможет причинить вреда.

Скальда мучал лишь один вопрос: «Как мне это удалось?».

«Как я это сделал? Что с моими руками? Почему мои прикосновения приносили ему такую боль?».

Скальд вспоминал слова Алойша. Он сказал: «Она досталась тебе... потому что ты любил ее...».

«Что досталось? Кого я любил?».

С этого дня Скальд все больше осознавал, что его раны на руках что-то значат. Это не просто нервная болезнь, которая началась после смерти Силисты. Эти раны что-то значат. Что-то случилось с его руками, с его телом и с ним самим. В какой же момент это произошло?

И что вообще произошло?

Его прикосновение оказалось сильнее меча-семиотика – самого сильного оружия против Призраков и существ из иных миров.

«Какого черта происходит?».

– Скальд, спокойно, я рядом, я помогу тебе.

Альбедро подвинул стул и сел рядом с ним. Он принес с собой чистые бинты и баночку с перекисью.

– Давай я обработаю твои руки и забинтую. Хоакин там справится и без меня.

Скальд не стал отказываться от его предложения.

– Хорошо, Альбеде, приступай.

Он положил на стол перед Альбеде израненные руки. Из каждой трещинки сочились капли крови.

– Боже, Скальд... что с твоими руками?

– Хотел бы и я знать ответ, Альбеде. Эти руки сегодня убили Алойша. И я не понимаю, как это случилось.

– Он что-то сказал тебе?

«Она досталась тебе... потому что ты любил ее...».

– Нет, ничего. Он просто кричал. Ему было мучительно больно. Мое прикосновение убивало его.

– Не понимаю, – Альбеде покачал головой, – семиотик не помог. Мечи никогда не подводили нас. Против Призраков эти клинки – верное средство. Они гораздо сильнее перламутра, который может подействовать не всегда.

– Видимо, Алойша создали иначе, чем всех остальных.

– Что ты хочешь сказать?

– В его создании могли применяться другие технологии. Или особое существо, наделенное силой, способной противостоять ударам семиотика. Я не знаю.

– Надеюсь, Алойш оказался таким единственным из всех Призраков. И больше таких проблем не возникнет. Но, Скальд... ты ничего не хочешь мне сказать про... свои руки?

Это его разозлило.

– А что я должен сказать? В день после смерти Силисты я проснулся с трещинами на пальцах. И с каждым днем их становилось все больше. Они покрывали ладони, запястья и тянулись по предплечью к локтю. И я ничего не мог с этим поделать, как ни старался. Понимаешь, Альбеде? Я мазал их всеми кремами и мазями. Использовал гормональные средства. Ничего не помогало. Пил витамины, колол их себе. Бесполезно. Ходил по врачам, хотя глупо, не правда ли? Но никто ничего не мог мне сказать. Все, что я мог – каждый день обрабатывать раны и бинтовать руки, чтобы нормально работать с пациентами. Я – врач, Альбеде. И у меня такие руки. Это... просто невыносимо. Но я живу с этим. Уже семь лет живу.

– Ладно, Скальд, прости. Я не должен был наседать так. Конечно, ты не знаешь. Конечно... Но что-то определенно случилось в тот день, семь лет назад...

– Я потерял семью. Вот, что случилось. Я потерял жену и...

Альбеде не стал продолжать эту тему. И Скальд был ему за это благодарен.

– Мы все выясним, Скальд. Обязательно выясним.

На этом они и закончили.

Скальд просто сидел, пытаясь успокоиться, и смотрел, как Альбеде аккуратно и старательно бинтует ему руки. Он иногда поглядывал на Элен и Хоакина. Профессор отлично справлялся с работой. Элен уже не стонала от боли. Лекар-

ство подействовало. Ей нужен только отдых и покой.

– Альбедо, – заговорил Скальд.

– Да?

Он еще раз подумал, стоит ли начинать этот разговор.

«Стоит. Определенно, стоит. Я должен поговорить об этом».

– Насчет Энтони... прости, что так случилось. Альбедо, я...

Альбедо поднял ладонь, призывая Скальда к молчанию.

– Я не виню тебя, Скальд. Успокойся.

– Правда? Что-то мне...

– Правда. Скальд, я уже не виню тебя в том, что случилось. Я просто... вспылел, потому что...

– Вы имели на это право. Вы всегда боялись, что с Энтони может что-то случиться. А я... не спас его.

Альбедо промолчал. Ему тяжело говорить об этом.

– Мы вернем его, Альбедо. Обязательно. Я обещаю. Вот только подлатаем раны и сразу же отправимся за ними. Вы же готовы?

Альбедо поднял голову и взглянул на Скальда.

– Готов...

– Спуститься на дно... еще раз?

Альбедо сглотнул.

– Мы пойдем туда. Вместе. И вытащим Энтони и Айседору из лап подводных гадов. Город уже свободен от гнета Алойша. Да, Эвр и Гринштейн не заставят себя ждать. Но

мы займемся ими, когда с нами будут Энтони и Айс. Вместе мы спасем Перламутр-Бич.

Обдумав предложение Скальда, Альбедро закивал. И каждый следующий кивок становился увереннее.

– Да... да, Скальд, ты прав. Мы спустимся за ними. Я готов. Но без Элен нам не справиться. Надо дождаться, когда ей станет лучше.

Скальд еще раз взглянул на Элеонору ван Касл. Она уже закрыла глаза и позволила себе отправиться в мир грез.

– Ах...

Элен открыла глаза.

Скальд, все это время сидевший рядом с ней, пока она спала, машинально взял ее за руку.

Элен продышалась и посмотрела на него.

– Скальд?

– Элен, ты как?

– Я уснула?

– Да, ты хорошо поспала. Тебе уже лучше? Боли нет?

– Нет... а где...

Она осмотрела кабинет. Альбедро и Хоакин уснули, опустив головы на рабочий стол Скальда.

Скальд же все время сидел рядом с кушеткой и следил за Элен, не отходя от нее.

– Как ты, Скальд?

– Альбедро меня подлатал. Порядок.

– Как это вышло? Я так всего и не поняла.

– Я тоже. Похоже, в моих руках есть некая сила, способная убивать Призраков. Таких особенных, как Алойш, на которого не подействовал семиотик.

– Ого! Значит, теперь ты – наше оружие против них.

– Похоже на то.

Элен осмотрела себя. На тело и все конечности наложены бинты.

– Я похожа на мумию.

– Скоро все пройдет, обещаю. Когда будем менять бинты, я смажу раны мазью. Она поможет быстро вылечиться.

– Спасибо, Скальд. Буду рада снова вернуться в строй.

– Обязательно вернешься.

Скальд провел большим пальцем по тыльной стороне забинтованной ладони Элен. Ему нравилось касаться ее. И нравилось слушать ее голос. В последние дни эта женщина оказалась добра к нему. В ней он находил поддержку и понимание.

– Элен.

– Да, Скальд?

– Альбеде и Хоакина я знаю давно. Я могу представить, как они оказались в «Хароне» и стали Печатями. Но... как это случилось с тобой? Кем ты была, пока не стала частью Ордена?

Элен тяжело вздохнула.

– Можешь не отвечать, если...

– Все в порядке, Скальд. Я расскажу. Но эта история не самая светлая, которую ты слышал.

Элен собралась с мыслями. Она погрузилась в воспоминания и начала:

– Родители отказались от меня еще в детстве. Я их совсем не знала. Мне сказали лишь, что я – член семьи знатного рода. Ван Касл. Но я ничего не нашла. Никаких упоминаний об этой семье. Возможно, мне соврали. Или я была незаконно рожденной наследницей? Я ничего не знаю о своем происхождении. Я себя помню уже в приюте. Элеонора ван Касл, так называли меня все воспитательницы. И я приняла это имя, как свое настоящее. Я гордилась своим неизвестным происхождением. И даже потом, когда я ничего не нашла про род ван Касл, я не стала менять фамилию. Наверное, следовало бы... но не стала. Сама не знаю почему. Привыкла. Я росла в приюте, пока мне не исполнилось семнадцать. Я уже не надеялась на то, что кто-то заберет меня. Мне должно было вот-вот исполниться восемнадцать. Пришло время пойти работать. Но меня забрали из приюта. Думала я, что попаду в любящую семью? Да, конечно. Но я попала в «Харон». Я стала одной из тех детей, которых готовили к скрещиванию с существами, дабы передать им мистическую силу. Да, Скальд. Я должна была стать Призраком Перламутра. Одной из них. Меня готовили к этому. Ставили опыты. Но у них ничего не выходило. Мое тело отторгало всех существ, и никто не мог понять почему. Понимаешь, не так просто сделать

существа, подобного Призраку. Человеческое тело должно принять силу, принять новую жизнь. Должна быть... совместимость. Понимаешь? И никто не мог понять, на чем та совместимость основана. «Харон» действовал методом проб и ошибок. Шли годы, а у них ничего не получалось. Я оставалась неудачным подопытным кроликом, с которым у них ничего не выходило сделать. И наступил момент, когда я понадобилась для другой цели. За меня заступились. Ученая. Женщина. Она работала там, но мы редко пересекались с ней. И все же она видела меня в лабораториях. Заходила иногда. Что-то приносила или спрашивала. И так смотрела на меня... уже тогда я почувствовала, что между нами образовалась связь. И в один день она заступилась за меня. Пришло время, когда началось создание Ордена Печатей. Шла подготовка профессиональных воинов. Поскольку в опытах я оказалась бесполезной, и сами опыты уже не проводились. Основная цель – уничтожение Призраков и закрытие порталов. Нужны лишь Печати. Меня хотели умертвить за ненужностью, но она... подала заявку. Она ходатайствовала за то, чтобы я стала частью Ордена Печатей. И меня забрали из лабораторий и начали готовить. Я подружилась с этой женщиной. Мы стали, как... сестры. Нет, не мать и дочь. А как... подруги. Да, это лучше подходит.

– И как ее звали?

– Елена. Так она мне сказала. Я знала, что у нее было другое имя. В «Хароне» ее звали иначе. Но я не помню... не

помню ее другого имени. У меня есть подозрение, что она назвала мне свое настоящее имя. Не знаю зачем. Но я помню только то, что она мне говорила. Елена. Так она себя назвала. Мы подружились. Я готовилась стать Печатью. И стала. Тогда же я уже познакомилась с Альбедо, Хоакином, Аладаром и Лианой. Лиана и Аладар были лучшими из всех нас. Им не было равных. И я не преувеличиваю их заслуги. Это, правда, так. Таких решительных, таких смелых и отважных людей я никогда не видела. Они не делали ошибок. Они не знали неверных путей. За ними шли. Они стали лидерами среди нас, Печатей. Лучшие из лучших. Родители Энтони... были потрясающими людьми. И они любили друг друга, не отходили друг от друга и всегда защищали. Стояли горой. Понимаешь? Я никогда ничего подобного не видела. Я даже... завидовала им как-то. И вот... настал день. Тот самый день, когда мы думали, что все закончилось. Решающая битва с Призраками. Наша миссия – закрыть Проход. Тот самый первый портал, открытый взрывом атомной бомбы. Я видела, как она погибла. Елена. Начался пожар. Она бежала. Задыхалась. Призраки гнали нас. Я оказалась рядом в тот момент... я ничего не могла сделать. Я сражалась с огнем. С Призраками. Елена упала на пол в коридоре. И за ней появился ее убийца... Призрак в инвалидном кресле.

– Вилиамонт Гринштейн?

– Да... ты же видел его, так? С тростью.

– С тростью.

– Он вонзил острый наконечник ей прямо в шею. Троостью прошла насквозь. Елена не выбралась оттуда. И я не смогла ее спасти. Я помню, что из-за пожара никто не видел, что с ней случилось. Только я. Там очень сложно что-то разглядеть. Взрывы один за другим. Битва почти закончилась. Ситуация стала критической. И Аладар с Лианой вызвались пойти вперед и закрыть Проход. Мы должны были прикрывать их, защищать. И мы... покинули битву, оставив других Печатей закончить начатое. Мы договорились встретиться на поверхности, но Аладар и Лиана не вернулись. И я решила уехать из города, с которым меня связывали столь страшные воспоминания. Я ненавидела Перламутр-Бич за ту жизнь, которую он мне подарил. Сначала приют, потом «Харон». Только Печатам я могла быть благодарна. И то... ты сам видишь, что сейчас происходит. Этот город призвал меня снова, чтобы я закончила начатое дело. Мы не завершили его до конца. Группа Призраков выжила, а Аладар и Лиана проиграли... в это поверить особенно сложно. И зло продолжило вырываться из Прохода и проникать в наш мир. Я снова здесь. Снова этот чертов город, который не хочет отпустить.

Скальд совсем не ожидал услышать от Элен подобной истории. Он и представить себе не мог, что эта женщина половину жизни провела в приюте, а другую половину в лабораториях «Харон». И вот у нее появился шанс начать все сначала. Новая жизнь в новом городе. Целых семь лет она чув-

ствовала себя свободной от страшного прошлого. Все было позади.

Но зло не исчезло. Оно ждало своего часа.

Оно пробудилось и призвало Печатей на войну.

И вот она здесь. Лежит после битвы с Алойшем, вся израненная и измученная.

– Мне жаль, Элен.

– Ничего, Скальд. Ничего. Это просто жизнь такая. Не у всех она столь интересная, так ведь?

И Скальд ощутил всю боль этих слов. Скорее всего Элен хотела себе именно такой жизни, самой простой и неинтересной.

– Я слышала, что ты сказал Альбедо. Тогда еще не успела уснуть. Когда я поправлюсь, мы отправимся вниз. На дно.

Скальд печально кивнул.

– Я буду морально готова. Это нужно сделать. Необходимо закончить то, что мы бросили. Аладар и Лиана не должны погибнуть напрасно. И Елена. И Энтони не должен страдать. Мы вернем его. И Айс тоже.

– Да, Элен. Вернем. А сейчас отдыхай. Набирайся сил.

– Спасибо, Скальд. Побудешь еще со мной?

Скальд и не хотел уходить. Но то, что Элен сама попросила его остаться, пробудило в нем странные чувства, которым он не мог найти объяснение. Ему было приятно.

– Конечно, Элен. Я никуда не уйду.

Глава 18. Секреты Омута

– Как проходит первая фаза?

Эш сделала пометку в стеклянной тетради черным стилосом.

– Благоприятно. Весьма успешно, я бы сказал, – отметил Винтер, – опытный образец принял в себя первого червя, и у них образовались симбиотические отношения.

Винтер ни на шаг не отходил от аквариума, в котором плавало опытное животное его нового проекта – тигровая акула.

Мелисса сидела за столом лаборатории и проводила подсчеты. Она вычисляла время, за которое акула примет второго червя. Это и есть время протекание второй фазы.

Троица занималась новым проектом Винтера в своей лаборатории в Перекрестках.

– Поверить не могу, что Лорд Сеера разрешил тебе самому выбрать опытный образец для нового проекта, – высказалась Эш.

– Наш ректор весьма учтив.

– Я бы не была так в этом уверена, – высказала свое мнение Мелисса.

Эш и Винтер взглянули на подругу.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросила Эш.

Мелисса оторвалась от расчетов и развернулась на стуле к друзьям лицом.

– Вы видели с ним ту женщину? Она не из Одд. С поверхности. Это точно.

– И как же ей, по-твоему, удастся дышать здесь? – резонно подметила Эш.

– Я не знаю. Жабр у нее нет. У нее вообще нет признаков морской жизни на теле.

– И в чем же дело?

– А в том, что она была с ректором. Значит, она нужна Лорду Сеере. Остаются вопросы. Зачем? И кто она? Мы никогда не видели чужаков с поверхности. Она – первая, кто проник в Академию. И сразу добился расположения Лорда.

– С чего ты взяла, что она добилась его расположения? – не понял Винтер.

Мелисса и сама не могла дать точный ответ. Она просто видела, как ректор вел себя рядом с ней. Он был вежлив. Он словно пытался понравиться чужестранке. Угодить ей.

– Не знаю, ребята, но что-то мне подсказывает, что эта женщина сыграет в нашей жизни не последнюю роль.

Эш вскинула надбровные дуги. Она и Винтер задумчиво переглянулись и вернулись к наблюдению за акулой.

Акула покорно плавала по аквариуму от одной стенке к другой. Время от времени ее голова дергалась в разные стороны. А из жабр сочилась алая субстанция.

– Приступаем ко второй фазе? – обратилась Эш к Винтеру.

– Мелисса, что у тебя там с расчетами?

– Готово.

Она бросила стеклянную тетрадь Винтеру. Тетрадь проплыла и мягко попала в руки Винтера.

– Так-так...

Винтер принялся изучать расчеты Мелиссы.

– Три часа? Это невозможно, Мелисса. Никогда вторая фаза не проходила с такой быстрой скоростью.

– Судя по реакциям, у этой акулы хороший потенциал к симбиозу и паразитизму. Экскреция началась уже не десятой минуте начала первой фазы. Этот показатель повлиял на все результаты вычислений по формуле. Более того, ее поведение уравновешенное. Еще добавляем десять баллов к формуле. В итоге, у меня получилось, что вторая фаза пройдет за три часа пятнадцать минут и тридцать одну секунду. Проверим?

Винтер засомневался. Он поглядывал то на акулу, то на расчеты Мелиссы.

– Тебе решать, Винтер, это твой проект, – Эш встала рядом с банкой с фиолетовым слизнем.

Винтер терялся в принятии решения.

– Дайте подумать.

Он отдалился к аквариуму и стал еще раз перепроверять расчеты Мелиссы. Он что-то бормотал себе под нос.

Эш вздохнула и подошла к Мелиссе, опустив руки ей на плечи.

– Ты как? – спросила она.

– Порядок, Эш, мы справимся. Винтер выбрал очень удачное подопытное животное и...

– Я не об этом.

Мелисса обернулась и взглянула на Эш, пытаясь поймать ее реакцию.

– Ты до сих пор думаешь о той женщине. Почему? Забудь о ней. Это нас ни коим образом не касается. Просто Лорд Сеера нашел себе очередную...

– Эш! Она с поверхности. Ты же знаешь историю Академии. Мария Селеста... ректор может жениться лишь на той, в чьих жилах течет ее кровь. Вдруг она – та самая?

– И что тогда? Что если ты права?

– Это значит, что у нас появится Королева. И у нее будет власть. Возможность управлять нашей жизнью, жизнью Одд. Мы не можем сказать наверняка, как ее решения отразятся на нас, на нашей учебе, на нашей жизни. Но я понимаю определенно точно одно – она будет иметь влияние над нами.

– Ты думаешь, что все пойдет наперекосяк?

– Не знаю, Эш...

– Ты же сама борешься с законами ректора. Тебе многое не нравится в устройстве нашей Академии и нашего города. Быть может, появится шанс все исправить? Королева – женщина, а не мужчина. Вдруг она... окажется другой.

– Я надеюсь. Не хватало нам второго Лорда Сееры в юбке...

– Эй, подруга! Тише! Ты чего такое говоришь? Я пони-

маю, что у тебя есть недовольства и все такое, но надо же контролировать то, что ты говоришь! Ох, пощади нас бесморской! А если кто-то услышал?

– Да кто тут услышит? Омут? Брось! Этим фанатикам глаубоко наплевать на нас.

– Ты, кстати, еще не думала над моим предложением?

– Я...

В их разговор внезапно ворвался голос Винтера:

– Решено! Мы начинаем вторую фазу. Девчонки, за работу. Эш, неси червя. Пора начинать.

Эш и Мелисса сразу прервали свою беседу и приступили к работе. Они обе понимали, как важно закончить проект Винтера к сроку. Это шанс Винтера доказать, на что он способен, а способен он на очень многое. У него всегда блестящие отметки у профессоров Орэллы и Сага. И прошлый его проект оказался слишком хорош, но фаза агрессии получилась очень сильной.

Сейчас у него появилась возможность все исправить и продемонстрировать свой талант ректору Сеере и утереть нос декану Мунлесу и всему Омуту! Да что там, всей Академии!

Эш взяла щипцы и подошла к банке с фиолетовым слизнем. Запустив щипцы в банку, она сделала несколько неудачных попыток поймать скользкого паразита.

На четвертый раз ей удалось крепко ухватиться за подводного червя. Попав в зажим щипцов, он стал извиваться, как

уж на сковородке.

– Давай его сюда, скорее-скорее, – поторапливал ее Винтер.

Эш с червем в щипцах прошла к аквариуму. Потянув за рычаг, Винтер открыл специальное отверстие в стеклянной колбе для подачи пищи подопытным. Эш быстро сбросила слизня с щипцов в нужный отсек. И Винтер вернул рычаг в изначальное положение – отверстие закрылось.

И фиолетовый червь оказался внутри аквариума вместе с акулой.

– А если он его съест? – забеспокоилась Эш.

– Не должен, – помотал головой Винтер, – я же ввел раствор, чтобы вызвать у акулы отторжение к слизи, как к пище. Вот, смотри.

Акула подплыла к червю, изучила его и резко отвернулась, поплыв от него прочь.

– Видишь!

– Класс, – ответила Эш, – очень хитро.

– Да, теперь остается дожидаться, пока червь вступит в контакт. Экссудат должен привлечь его внимание и вызвать реакцию. Это будет приманкой. Давай же!

Червь осторожно подплыл к акуле. Он оказался у самых жабр, из которых сочилась гранатовая смола.

Принюхавшись и присмотревшись к ней, червь приблизился к жабрам еще сильнее.

– Есть контакт. Теперь фаза взаимодействия и проникно-

вения.

Винтер комментировал каждый этап процесса.

Троица внимательно наблюдала за тем, как червь сунулся внутрь раскрытых жабр. Акула замерла. Ее глаза расширились. Она начала мотать головой, но червь уже наполовину вошел внутрь.

– Сопrotивляется? – забеспокоилась Эш.

– Это нормальная реакция для второй фазы, – заверил ее Винтер, – ничего страшного. Бывает в четырех случаях из десяти.

Акула моталась по аквариуму, билась головой о стекло, пока фиолетовый червь проникал внутрь нее.

– Мелисса, ты фиксируешь время проникновения? – спросил у нее Винтер.

– Да, уже десять секунд.

– Отлично. Еще не критично.

– А когда критично? – спросила Эш.

– Тридцать пять секунд. В этом случае вторая фаза провалилась. Давай же... быстрее!

Акула редела, сопротивляясь проникновению в нее другого организма. Винтер рассчитывал на хороший симбиоз, ведь первая фаза прошла на ура, с лучшими результатами.

– Может, я мало ввел перламутрового реактива? – переживал Винтер.

– Не волнуйся ты так, все получится, – поддерживала его Эш, хотя сама не была уверена в успешности проекта.

Винтер весь побледнел.

– Мелисса, сколько там времени?

– Еще есть десять секунд.

– Давай же! Давай!

Винтер сжал кулаки.

Он с нетерпением наблюдал за тем, как кончик хвоста червя окончательно скрылся в теле акулы.

И акула замерла.

Она резко прекратила сопротивляться и неподвижно застыла.

– Есть! – воскликнула Мелисса. – Двадцать восемь секунд. Это норма, Винтер. У тебя получилось!

Эш обняла Винтер, поздравляя его с маленькой победой.

– Вот видишь, а ты переживал! Ты же у нас чертов гений, Винтер! Я знала, что ты справишься.

– Пора записывать наблюдения. Идите ко мне, скорее.

Троица взяла свои стеклянные тетради и стилосы. Они принялись наблюдать за любыми изменениями внешности или поведения акулы и записывать полученные результаты в таблицу, в которой указывалось время появления изменений.

Все это будет необходимо для проведения расчетов перед третьей фазой.

Их работа продолжалась чуть больше часа. Они насчитали порядком двадцати изменений.

– Она пришла в стабильное состояние, – подытожила Ме-

лисса, – образец полностью принял в себя червя. Отлично, Винтер. У нас получилось. Можно проводить расчеты и готовиться к третьей фазе.

Третья фаза – фаза агрессии. Именно на этом этапе Винтер потерял свой прошлый проект. Очень важно соблюсти баланс сывороток перед введением червя агрессии, чтобы подопытное животное не вышло из-под контроля.

– Мелисса, ты займешься расчетами?

– Разумеется. А ты потом все проверишь. Сейчас лучше отдохни. Ты и так на нервах.

– Ты права. Просто переживаю, что мы не успеем к сроку.

– Ты чего? Осталось всего две фазы. Мы быстро справимся. У нас отличная акула – она успешно принимает червей в себя. У тебя глаз-алмаз на опытные образцы, Винтер.

– Спасибо за поддержку, Мелисса.

Винтер выдохнул и опустил в кресло. Эш села рядом и взяла его за руку.

– Мы тут с Мелиссой хотели обсудить наши изыскания, связанные с Омутотом.

– Правда? И что вы решили?

Мелисса оторвалась от расчетов и обернулась к друзьям.

Эш дала ответ Винтеру:

– Мелисса хочет выбить из кого-нибудь информацию?

– Выбить? – ужаснулся Винтер. – Вы собрались... пытаться кого-то?

– Очень тихо. Незаметно. С пристрастиями. И угрозами,

чтобы он не смел кому-то на нас пожаловаться, – объяснила Мелисса.

– Да вы с ума сошли! В Омуте одни пираньи! Конечно, он обязательно доложит на нас декану Мунлесу. И нам конец. Моему проекту. Всем нам. Вы хотите рискнуть?

Эш ждала ответа от Мелиссы, ведь пытки члена Омута – ее идея.

– И что же вы хотите узнать? – Винтер пытался взять себя в руки.

– Проект Омута, – ответила Мелисса, – что это. Вот, что я хочу знать. Что они готовят для поверхности. Только и всего.

– Неужели, тебе и вправду так важно это знать, Мелисса?

– Да, Винтер. Их проект может поставить под угрозу все наше существование. Я это чувствую. Когда они его закончат, грянут большие перемены. В обоих мирах. Здесь, на дне. И на поверхности.

Винтер не мог смириться с такой опасной затеей.

– Винтер, ты же умный. И ты сам это понимаешь, так ведь? Даже не смей этого отрицать.

Винтер пытался взять себя в руки и справиться со своими эмоциями и чувствами. Мелисса осознавала, что это сложное решение. И они должны принять его вместе, единогласно.

Винтер, обдумав идею Мелиссы, произнес:

– И кого же вы хотите допросить?

– Кроу идет.

Эш прижалась к белой стене, чтобы не выдать их засаду.

– Все готовы? – шепотом спросила Мелисса.

Двое кивнули в ответ.

– Винтер, ты первый.

Он кивнул.

Они услышали приближающиеся шаги и шарканье халата.

До нападения оставалось три, два...

– Вперед!

Винтер первый выбрался из укрытия и набросился на Кроу. Он быстро прижал руку ко рту Кроу, а его руки завел за спину. Следом выбежали Мелисса и Эш. Эш помогла держать Кроу, а Мелисса взяла все стеклянные книги, которые Кроу выронил.

Кроу пытался отчаянно вырваться из хватки, но все тщетно.

– Быстрее, быстрее, – поторопила их Мелисса.

Эш и Винтер, крепко схватив Кроу, поволокли его по коридору к двери, ведущей в их лабораторию.

Мелисса проверяла свободен ли путь. В коридорах Перекрестков никого не оказалось. Она открыла двери, пустила друзей с пленником вперед, и крепко закрыла за собой ворота.

Эш и Винтер притащили Кроу к креслу, усадили его, а Мелисса быстро обвязала тело пленника прочными сплетениями водорослей.

За считанные секунды Кроу оказался пригвожден к креслу и обездвижен. Руки и ноги его связаны.

– Проклятье! – рявкнул он. – Что вы себе позволяете? Я буду жаловаться декану Мунлесу! Он все скажет Лорду Сее-ре, и вас исключат! Вас выгонят из Академии или того хуже!

– Ох, милый Кроу, прости, дорогуша, но ты никому не сможешь пожаловаться на нас, – улыбнулась ему в ответ Эш.

– Это еще почему?

Мелисса закрыла двери лаборатории изнутри. Винтер тем временем взял из банки синего червя, зажав его щипцами.

– Ты же знаешь, что это такое?

Кроу с ужасом уставился на червя.

– Вы не посмеете! Вас накажут. Вы не сможете запихать его в меня. Нет... у вас не хватит духу...

– Поверь, Кроу, хватит, если ты нам ничего не расскажешь, – парировал Винтер, – видишь ли, мы не собираемся кормить тебя этим червем. Это слишком жестоко, не так ли? Но ты знал о еще одном удивительном свойстве этого замечательного паразита?

Кроу с недоумением уставился на Винтера.

– Науськивание.

– Чего?

– Эш.

Эш взяла острый стилос и подошла к Кроу. Она быстро схватила его за палец и уколола его стилосом, как иглой.

– Черт! Что вы задумали?

– Это наука, Кроу, – улыбнулся Винтер.

Эш подошла к Винтеру и капнула каплю крови с кончика стилоса на голову червя. Капля мгновенно впиталась в него.

– Вот и готово, Кроу.

– Что готово?

Червь в щипцах Винтера принялся извиваться и рваться в сторону Кроу.

– Видишь? Он уже хочет тебя.

Винтер поспешил сбросить червя в банку и накрыть крышкой.

– Что вы сделали? – не понимал Кроу.

– Мы дали этому червя каплю твоей крови. Теперь он хочет только тебя, – объяснила Эш, – это называется науськивание. Этот червь больше не примет ни одного хозяина, кроме тебя, мой милый. Он хочет лишь тебя. Понимаешь, Кроу, нам не составит труда выпустить его. И он тебя быстро найдет. Будь уверен. Он спрячется в любом коридоре, найдет тебя, пока ты ешь, спишь или принимаешь горячие соленые ванны. Он найдет тебя, Кроу, и вы станете одним целым. Нам ничто не помешает подсунуть его тебе при любом удобном случае. Запомни, Кроу, если нас исключат из-за твоей жалобы, мы непременно успеем выпустить его из банки. И он спрячется в стенах Академии. И когда наступит удобный момент – схватит тебя. Он ни перед чем не остановится. Отныне цель его жизни – ты.

Кроу весь поежился в кресле.

– Тебе ведь известны побочные эффекты его влияния? – спросил Винтер.

Кроу гневно шикнул, но не ответил.

Винтер взялся перечислять:

– Пожизненная диарея, частая рвота, слабоумие, потеря памяти, импотенция... продолжать?

– Хватит! – рявкнул Кроу.

– И самое главное – вытащить такого червя – ох, как не просто! Начнем с того, что ты даже не заметишь, как он войдет в тебя. А когда поймешь, то сразу об этом забудешь. К тому моменту, когда кто-то распознает в тебе эти симптомы, червь уже успеет отложить яйца. Они распространятся по всей твоей крови. Сосуды станут для них домом. И поверь, вычистить из тебя такое потомство... ох, какая сложная задача! Вероятно, если тебя избавят от паразита полностью, часть симптомов может остаться. Например, слабоумие никуда не денется. Это уже постоянное поражение мозга. Понимаешь, к чему я веду, Кроу?

– Хватит! Достаточно! Я вас понял.

Кроу тяжело дышал.

Мелисса обрадовалась: кажется, у них получилось мотивировать Кроу на разговор с ними.

– Итак, Кроу, – Мелисса вышла вперед, – ты готов ответить на наши вопросы?

Кроу недовольно фыркнул, но в итоге смирился и принял свою участь.

– Ладно, что вы хотите знать?

Мелисса не сдержала довольной улыбки.

– Для начала скажи нам, что ты знаешь о той чужестранке с поверхности, которую все видели рядом с Лордом Сеерой этим днем?

– Нет. Никто не знает, кто она такая. Декан Мунлес даже не сказал нам.

– Не ври нам, Кроу, – вставила Эш, – ты не в самом выигрышном положении.

– Да не вру я вам! Об этой женщине известно лишь декану и ректору. Студентов в эти дела не посвящают. Даже Омут не знает, кто она.

– Как же она попала сюда? Ты ее видел раньше?

– Да, видел. Она пришла не одна. С двумя мужчинами. Один постарше, а второй очень молодой. Молодого схватили и отправили в Перекрестки. Над ним уже ставят опыты. Я понятия не имею, в какой он лаборатории. Это личное распоряжение Лорда Сееры. Так нам Мунлес сказал. Тот, что старше, успел сбежать и скрыться. Его не поймали. А женщина... ее Мунлес, как увидел, сразу приказал доставить в покои Лорда Сееры. Так мы и сделали...

– Мы? – переспросила Мелисса.

– Я, Малис и другие. Мы участвовали в захвате, когда они проникли в Академию.

Мелисса с интересом переглянулась со своими друзьями. Такого откровения от Кроу даже она не ожидала.

– Мы просто выполняли приказы Мунлеса. После этого нам не доводилось сталкиваться с чужаками. Второй раз эту женщину я уже увидел рядом с ректором.

– Ты знаешь, как ее зовут?

– Она... говорила свое имя декану. Но я не расслышал, стоял слишком далеко.

– Ладно, это не так важно.

Мелисса пыталась собраться с мыслями. У нее наконец появилась возможность выведать тайны Омута. Она решила больше не ждать.

И узнать все.

– Кроу, я хочу знать о проекте Омута. Что вы затеваете?

– Как ты смеешь спрашивать у меня об этом? Это секреты Омута! Это приказ Лорда Сееры! Вы...

Кроу стал дергаться, и Эш поспешила вмешаться:

– Эй-эй, дружок! Давай-ка повежливее с нами. Или мы можем прямо сейчас отдать тебя твоему приятелю на съедение. И выведать у тебя ответы, пока слабоумие не настигло твою светлую головушку. Поверь, мы найдем способ тебя разговорить. Лучше отвечай сейчас. И предельно честно. И тебе за это ничего не будет. Никто не будет знать об этом разговоре. Нам самим не выгодно много болтать. Ты и так знаешь: мы никому не нужны. Так что просто говори о том, о чем тебя просят, Кроу. Это в твоих же интересах. Это несложно, так ведь?

Кроу зло взглянул на Эш.

Он уже хотел зашипеть, но Мелисса его опередила:

– Так, что скажешь, Кроу? Над каким проектом работает Омут? Нам очень интересно это знать. Пришло твое время похвастаться вашим детищем. Расскажи нам.

Кроу отнекивался. Он яростно сжимал губы, боясь произнести даже слово, связанное с тайными разработками Омута.

Но шантаж, который использовали Эш, Винтер и Мелисса, в конечном итоге сработал.

Кроу раскололся:

– Это проект «Левиафан».

Глава 19. Наемник

Морская вода стучала по его ногам, щекоча щиколотки. Пена набегала, журчала и превращалась обратно в воду, утекая назад, в глубину.

Они шли вдоль берега. Он держал ее за руку. Ему нравилось ощущать ее тонкие холодные пальцы в своей ладони. Их пальцы время от времени переплетались. Тайное желание Энтони – слиться с ней в одно целое. Он не хотел оставаться отдельным от нее. Ему жаждал стать частью Мисы. И он пытался слить их тела воедино даже на уровне пальцев. Но как бы сильно он ни сжимал ее руку, как бы плотно не переплетал ее пальцы со своими – ему не удавалось превратить две ладони в одну.

Матео и Беатрис остались у столика в кафе «Хот Фиш». Они оставили их там, а сами ушли к морю, чтобы наконец остаться вдвоем. Наедине, подальше от всего мира.

Важным оставалось лишь одно – она рядом с ним. Она здесь. И она такая, какой он ее всегда хотел видеть.

Та самая Миса. Идеальная Миса для него.

Безупречная.

– Не представляю, что бы я делала без тебя, Энтони.

– Ты о чем, Миса?

– О твоём исчезновении.

Холодок прокрался к нему под кожу. Энтони взял второй

рукой Мису за талию и прижал к себе. Их бока соприкоснулись. Он чувствовал ее кожу своей кожей.

– Ты боишься этого? Боишься, что я исчезну?

– Да. От этих мыслей мне становится не по себе.

– Глупости, Миса. Ты же знаешь, что этого никогда не произойдет.

– Как ты можешь быть так уверен?

Она остановилась и посмотрела ему прямо в глаза.

Но он уверен.

Энтони поправил локон ее темных волос и подался вперед. Его губы нежно коснулись ее губ, и он почувствовал приятный солоноватый вкус.

– Будь уверена во мне, Миса. Я буду с тобой всегда. Обещаю: ты не потеряешь меня. Что бы ни случилось, я рядом. Всегда. Отныне. И ничто не сможет во всем мире нас разлучить. Моя любовь... наша любовь... ты думаешь, что такую силу может что-то остановить? Какие-то враги?

Миса промолчала. Она неловко пожала плечами.

– Миса, твои страхи беспочвенны.

– Я люблю тебя до страха, Энтони. И это самый большой страх в моей жизни – остаться без тебя. Я не боюсь остаться одной. Понимаешь? Я боюсь остаться без тебя. Это будет невыносимо. Каждый раз, когда ты уходишь домой, когда мы расстаемся, мне так грустно. Я с нетерпением жду нашей новой встречи. Я дышу тобой, Энтони. Я живу тобой.

Энтони не мог сдерживать улыбки. Эти слова от девушки,

которую он так любил, становились небесным бальзамом.

– Миса, это так... приятно слышать. Спасибо тебе за эти слова.

– Ты же знаешь, как девушки любят. Они растворяются в своем мужчине. И я уже давно растворилась в тебе. Как пена в море. Я уже – часть тебя самого. Я так себя чувствую.

Она взяла его за руку, вытянула ее и провела ладонью от его плеча до кончиков пальцев.

– Я – продолжение твоей руки.

Ее рука скользнула по его спине.

– Продолжение твоего тела.

Ладонь замерла на ягодице.

– Продолжение ноги.

Она коснулась его щеки.

– Лица и головы.

Она наклонилась вперед и сказала у самого рта:

– И твоих губ.

Она поцеловала его.

– Твое тело – мое тело. Ты ведь хочешь того же самого? Я знаю это, Энтони. Я это чувствую. Ты хочешь владеть моим телом, как своим. И моей душой. Стать одним единым целым.

Она обняла его и прижала к себе так крепко, будто хотела срастись с ним прямо сейчас. Он тоже хотел лишь этого.

– Мы не можем друг без друга, – сказал Энтони, – моей жизни нет без тебя. Ты – мой дом. Место, которое я так люб-

лю, в которое мне всегда хочется вернуться. Место, где я могу быть самым собой. Могу быть расслабленным, смешным и неуклюжим. Естественным и живым. Миса, только рядом с тобой я живу по-настоящему. Понимаешь?

– Да, Энтони.

– Только рядом с тобой я ощущаю эту жизнь. Вдыхаю ее вместе с твоим запахом.

– А как же волны? Как же доска? Как же полет на пене?

– Это чудесно, да. Ты права. Но даже эти ощущения... ни один полет на пене не сравнится с прикосновением к твоему телу. Шум моря не сравнится с твоим голосом. И запах океана не сравнится с твоим. Миса, ты – мой океан. Ты – моя стихия. И только с тобой чувствую эту свободу.

Она опустила голову ему на плечо. Ее длинные волосы упали за его спину и приятно защекотали кожу.

– Нам так повезло встретить друг друга. Даже не верится...

– Во что? – спросил Энтони.

– В то, что мы заслужили такое счастье. И даже не платим за него великую цену...

Энтони не ответил.

– Оно досталось нам даром. Божественный дар. Это благословение, Энтони. Как можно быть таким счастливым и ни о чем не жалеть? Я счастлива рядом с тобой. И вижу это счастье в твоих глазах.

– Мне большего не надо.

– И мне. Только ты.

Энтони обнимал ее, а слова Мисы не выходили из головы.

Счастье, полученное в дар.

Счастье и любовь, за которые они не расплачиваются...

– Приказывайте, госпожа.

Лезвие ножа коснулось его подбородка и надавило на кожу, заставляя встать с колен.

Даже касание лезвия причиняло боль. Но он уже давно принял ее. Боль стала частью его самого.

– Отвечай на моим вопросы, – сказал голос госпожи.

Он кивнул.

– Ты с ней?

– Нет, госпожа.

– А с кем же ты?

– С вами. Только с вами, госпожа.

Нож вошел в его тело в плечо. Боль парализовала все мышцы. Он почти упал, ноги подогнулись. Но он сопротивлялся. Он выстоял и не упал перед госпожой. Он показал ей свою силу.

– Ты помнишь, кто она?

– Смутно, госпожа.

– Это не ответ. Ты помнишь или нет?

– Да, помню.

– И кто же с ней сейчас?

– Точно не я, госпожа. Я с вами.

– И все же кто-то с ней есть, не так ли? Кто он?

Он промолчал.

– Говори.

Голос госпожи сделался громче и жестче. Такой тон заставлял его отвечать незамедлительно.

– Другой.

– Другой?

– Да, не я. А другой. Он с ней сейчас.

– Хорошо.

– Что я должен сделать, госпожа?

– Тебе нужно забыть о ней. Навсегда. С ней может быть только он. А ты можешь быть только со мной.

– Как прикажете, госпожа.

– Ты готов делать то, что я говорю?

– Да, госпожа.

– Тогда начинай... забывать... все...

И боль вернулась, став кровью в его теле.

– Лорд Сеера идет!

– Все по местам, – сказал голос госпожи.

Какие-то звуки.

И чужие голоса.

Один мужской, а второй женский.

Но для него все это не имело никакого значения. Он знал и помнил лишь голос своей госпожи.

– Лорд Сеера, какой неожиданный визит, – сказала госпо-

жа.

– Проходи, Айседора. Ты же хотела видеть его? Я обещал, что покажу.

– Энтони! Ах! О, боже! Нет! Что вы с ним сделали? Чудовища! Отпустите его! Отпустите! Энтони! За что вы так с ним? Нет! Энтони!

– Стоять. Я же не сказал, что к нему можно приближаться. Я разрешил лишь посмотреть на него, чтобы доказать тебе: он жив.

– Нет, Энтони... Что с тобой? Энтони, скажи что-нибудь. Ты помнишь меня? Ты видишь меня? Энтони... посмотри... посмотри на меня...

Но он мог смотреть только на свою госпожу.

– Как продвигается работа, Дейна?

– Скоро все закончится, Лорд Сеера. И он будет вашим.

– Очень хорошо. Продолжайте.

Еще какие-то звуки.

К нему кто-то приблизился.

– Айседора! Я не разрешал подходить к нему!

Его коснулись руки.

– Энтони, взгляни на меня. Скажи, что помнишь меня. Прошу. Посмотри. Энтони, дай мне знак. Ты же здесь? Прошу, ответить. Это я. Айс. Вспомни. Мой голос. Прошу, Энтони, не надо... не позволяй им сделать это с тобой. Не позволяй сломать себя... Энтони... я тебя прошу... ради своего дяди, ради своих родителей, Матео, Беатрис, Мисы...

Последнее слово показалось ему знакомым.

Его голова слегка приподнялась.

– Энтони, вот так... посмотри на меня...

Но потом чьи-то руки резко перестали его касаться.

– Нам пора, Айседора. Ты увидела своего друга и убедилась в том, что он жив.

– Нет, ты солгал мне! Ты сказал, что с ним ничего не случится. Что он в порядке.

– Я сказал лишь о том, что он жив. Забудь о нем, Айс. Энтони уже никогда не будет таким, каким был когда-то.

– Что с ним сделали? Вы! Что вы с ним сделали, твари?!

– Его личность расколота, Айс. Часть Энтони здесь. И она будет работать на меня. А его душа, другая его часть, сейчас счастлива вместе с любимой женщиной.

– Миса? Как?

– Он пришел сюда, чтобы вернуть ее. И он ее вернул. Она сейчас с ним. Поверь, Айс. Он счастлив так, как не будет счастлив никогда. Если вернуть его, то он потеряет Мису. Потеряет тот мир, в котором ему хорошо.

– Но это обман! Это иллюзия! Неправда...

– И что с того? Что это меняет? Реальность или иллюзия? Какое это имеет значение для твоего друга, который сейчас счастлив? Вместе с той самой Мисой.

– Ах... Энтони... а вторая часть?

– Скоро они не будут знать о существовании друг друга. Две части его личности живут отдельно. Одна счастлива.

Вторая же... будет работать на меня. Вот увидишь, Айс, когда Дейна закончит работу, осознанность и сознание вернутся к Энтони, и он сможет сам принимать взвешенные решения. Тогда вы сможете поговорить. Обещаю.

– Когда же это произойдет? Скоро. Очень скоро. А сейчас нам пора.

Шаги.

Шорохи.

– Лорд Сеера, – произнесла Дейна.

Полоска света. Скрип двери.

И снова тьма.

Он слышит лишь голос своей госпожи:

– Продолжим. Итак, кто такая Миса?

– Не знаю.

– Хорошо. А как зовут тебя?

– Каратель.

– Они уже заждались нас.

– Ничего, – улыбнулась Миса, – пускай еще подождут. Им есть о чем поговорить друг с другом.

Они лежали обнаженными у самой воды.

Она прижалась к нему всем телом, а он гладил ее плечо кончиками пальцев.

– Тебе было хорошо со мной? – спросил он у нее.

– Чудесно. Энтони, это прекрасно.

– И тебя совсем не смутило, что мы... на Пляже? У моря.

– Когда ты рядом, меня ничего не может смущать. Я даже не хочу уходить. Я не хочу, чтобы этот вечер когда-нибудь заканчивался.

– А если нас увидят?

– Пусть смотрят. Мне все равно.

– Даже Матео и Беатрис?

Миса посмеялась.

– Уверена, они отвернутся. Они же воспитанные люди, в конце концов.

– В отличи от нас.

Мису это рассмешило.

– Сейчас я почти почувствовала нас с тобой одним целым.

Когда мы... соединились. Я была так счастлива, Энтони.

– Я знаю, Миса. Знаю. Я тоже счастлив в это момент.

Она прижалась к нему еще ближе. Казалось, ближе уже не возможно. Но ему хотелось, чтобы она касалась его тела каждой клеточкой своего тела.

– Спасибо, Энтони.

– За что?

– За твою любовь ко мне. Я хочу благодарить тебя за твои чувства вечно.

– И они не исчезнут, будь уверена в этом. Ни мои чувства, ни я сам. Мы всегда будем вместе. Обещаю, Миса.

– Я верю, верю.

И ее губы легли на его щеки, потом на подбородок и на шею. Они спускались по телу, и Энтони снова ощутил, что

стал с Мисой единым целым.

Совершенно безвозмездно. Даром.

Счастье, за которое не надо платить.

– Ты уже готов, – сказал голос госпожи.

Кончик ножа коснулся его тела. Но только кончик. Лезвие легло на воротник зеленой рубашки.

И спустилось вниз.

Раздался треск.

– Госпожа?

– Ничего не бойся. Просто дыши. Ты готов. Я знаю.

Он принял ее приказ.

Он просто стоял и наблюдал за тем, как зеленая ткань на его теле рвется, распадается на нитки, все сильнее оголяя его тело.

– Твое обучение завершилось. Мои поздравления, Каратель. Отныне ты – Несущий Погибель. Запомни это.

Зеленая рубашка рассыпалась. Она разрывалась в клочья от прикосновений ножа.

– И твоя высшая цель – служить Верховной Матери и Лорду Сеере.

Он вдыхал и выдыхал воду. Она входила в его легкие и выходила оттуда. Морская вода стала частью его тела.

– И во их благо ты будешь убивать.

Зеленая рубашка спала с его тела.

Он лишился ее раз и навсегда.

Он тяжело задышал, глотая воду.

– Тише, тише... просто дыши. И ничего не бойся. Прими эту жизнь. Новую жизнь. Отныне ты – часть моря. Часть океана. Часть воды. И в воде жизнь твоя. Стань водой, Каратель. Прими ее в себя, как принял боль.

Так он и сделал.

Он начал дышать медленнее и глубже. Он принимал воду, а вода принимала его. Больше он не нуждался в специальном облачении.

Отныне он – один из них.

– Что прикажете, госпожа?

– Лог, подай нам мечи.

Лог и мистер Маурисио взяли по сверкающему мечу. Лог подошел к госпоже, и мистер Маурисио произнес:

– Держи, Дейна. Поздравляю тебя с победой.

– Благодарю вас, мистер Маурисио. Спасибо Лог.

Она взяла два меча в руки.

– Теперь, Каратель, они твои. Возьми.

Госпожа протянула ему два сверкающих меча. Он взял их за рукояти и вдруг... почувствовал силу. Силу внутри себя.

Она вырвалась наружу и поглотила мечи.

Серебро рукоятей окрасилось в блестящий черный цвет. А золотые символы, из которых был сплетен луч света, сделались алыми и чернильными. Они переплетались друг с другом, рисуя узоры из двух цветов.

– Сработало? – ахнул мистер Маурисио.

– Да, – кивнула госпожа, – сработало. Как и сказал Лорд Сеера, она пропитала семиотики собой. И изменила их.

– Они стали сильнее?

– Гораздо... ох, гораздо сильнее, чем обычные семиотики. Это самое сильное оружие, против которого никто не сможет устоять.

– Такая сила... ты уверена, что это безопасно – доверить ее ему?

– Ты сомневаешься во мне? – гневный взгляд госпожи обрушился на подхалима-ассистента.

Мистер Маурисио испуганно сглотнул.

– Что ты, Дейна, что ты, разве я посмел бы?

– Я уверена в своей работе, мистер Маурисио. И не советую вам сомневаться в этом. Он готов.

Госпожа снова взглянула на него.

– Каратель.

– Слушаюсь, госпожа.

– Твое обучение закончено. Отныне ты можешь звать меня по имени. Зови меня Дейна.

Каратель кивнул.

– Кому ты служишь? – спросила она.

– Верховной Матери и Лорду Сеере.

– Превосходно.

– Какие будут приказания, Дейна?

Она подтянулась и сделала глубокий вдох. Ее лицо просияло – она довольна им.

Он смог угодить ей.

– Твое тело изменилось. Отныне ты можешь жить в воде и на суше. Для тебя нет никаких препятствий и сложностей. Ты должен подняться наверх, Каратель. Вернись на поверхность.

– И что я должен делать там?

– Убивать людских господ. Убивать их властителей. Убивать тех, кто мешает нам. Кто противостоит нам. Кто хочет нас убить. Кто командует армиями. Кто командует городом. Тех, в чьих руках есть власть. Убивай их. Беспощадно. И жестоко. В твоих руках оружие, способное на все. Против этих мечей нет силы. Нет ничего, что могло бы помешать тебе исполнить свой долг. Восхвали своих создателей. Восхвали того, кто дал тебе новую жизнь и новую силу. Благослови Верховную Матерь. Да будет править она вечно.

Каратель повторил:

– Да будет править она вечно.

Глава 20. Несущий Погибель

– Скальд, хватит. Ты уже очень устал.

– Я не устал, Элен. Правда.

– Скальд. Ты совсем не спал.

Он так и сидел у кушетки, не отпуская руку Элен. Хоакин Мартинес и Альбедро Эрнандес все еще дремали, пристроившись на рабочем столе Скальда.

– Я могу подвинуться.

– Нет, Элен, не стоит. Тебе нужно больше места. Я могу и на полу... он теплый.

– Не говори ерунды, Скальд. Иди ко мне. Я не такая большая, что бы ты не поместился рядом на этой кушетке. Она довольно широкая. Не выдумывай.

– Элен...

– Давай-давай, я жду. Ты должен поспать по-человечески.

Скальд, взглянув на уверенное лицо Элен, сдался и принял ее предложение.

– Убедила.

– Вот и умница, доктор Серпентес.

Элен подвинулась к стенке, а Скальд забрался на кушетку и разместился рядом с ней, у края.

– Я буду тебя придерживать, чтобы ты не упал.

Она перекинула через него руку и обняла.

– Вот так, уже лучше.

Скальд сразу вспомнил, как всего несколько дней назад на этой самой кушетке точно так же спали Айс и Энтони. В ту ночь Айс пришла в клинику вся в ранах после битвы с семейством Грейтс и водителем фуры, превратившегося в рыбоеда.

В ту ночь они проработали план, чтобы узнать об опасностях, угрожающих Перламутр-Бич. Тогда-то все и началось. Энтони спал здесь вместе с Айс, и она сама приняла его в свои объятия.

И сейчас он, Скальд, также лежит вместе с Элен.

Он пытался отодвинуться от нее, чтобы не сильно прижиматься, соблюдая дистанцию. Но Элен сама подвинулась ближе и прижалась к нему сзади, обнимая рукой.

– Спи спокойно, Скальд. У нас еще есть время. Завтра ветер переменится, и мы спасем Айс и Энтони. Вот увидишь.

– Спокойной ночи, Элен.

– Добрых снов, Скальд.

Сначала Скальд какое-то время не мог уснуть. Он впервые засыпал в объятиях женщины после смерти Силисты. Прошло уже семь лет с тех пор, как он не позволял себе любить кого-то другого. Будучи честным перед самим собой, Скальд и сам говорил: «Я не нуждаюсь в любви». Он не находил внутри себя такой потребности – любить кого-то. Он всегда любил только Силисту.

Но она мертва. И уже смотрит на него откуда-то сверху.

А он сейчас здесь, жив. И у него еще впереди много лет,

если зло не победит.

«Ты бы хотела, чтобы я был счастлив, так ведь? Я не хочу предавать твою любовь, Силиста. Никогда».

Но внутри Скальда что-то зашевелилось. Он еще не осознавал это в полной мере, но начал подозревать, что в нем зарождались новые чувства. Теплые чувства.

Чувства к Элен.

И ему от них становилось приятно.

Но как только он вспоминал Силисту, ему хотелось забыть. Забыть обо всем и помнить только ее.

Ее лицо, ее взгляд, ее запах, ее прикосновения к его коже.

«Прости меня, Силиста. Прости, что не смог спасти. Не смог... защитить».

Он еще не спал, но перед самым сном из его глаз покатились слезы.

Она кружилась перед ним в свадебном платье. Кто-то в мире выключил звук. И во всей Вселенной существовала лишь она одна.

Улыбалась. И кружилась.

Она смеялась.

А он только стоял и смотрел на нее. Смотрел на ее счастье.

А потом он заметил, что она держит за руки мальчика. Мальчика с черными волосами и в белой рубашечке. Они держались за руки и кружились. А она смотрела то на него, то на Скальда. Мальчик же не отводил взгляда от матери.

– Силиста...

Он услышал ее звонкий смех.

– Натаниэль...

Силиста взглянула в его сторону. Она медленно прекратила смеяться, и ее губы только улыбались. А глаза сверкали, глядя на него. Ее взгляд менялся. Она что-то пыталась сказать ему. Она просто смотрела на него, продолжая кружить Натаниэля.

Скальду показалось, что лицо ее сделалось серьезнее. Словно она не хочет отдавать ему сына. Словно он для них становится чужим человеком, которого Натаниэль даже не хочет знать.

Поворот.

И вот Силиста снова улыбается и смеется Натаниэлю. Она не смотрит на Скальда.

Он им не нужен.

Им хорошо вдвоем. Без него.

Он сделал шаг в их сторону.

Это замечает Силиста. Она останавливает танец, прижимает к себе сына и гневно смотрит на Скальда.

Ее голос растягивается во времени. Все движется, словно в замедленной съемке. Она кричит:

– Не подходи!

И Скальд замирает.

– Оставь нас.

И эти слова ранят его больше тысячи кинжалов.

– Уходи.

Силиста отступает назад, забирая сына с собой.

– Скальд! Уходи! Оставь нас.

Он уже не идет за ними. Он стоит в страхе сделать хоть один шаг.

Они не хотят видеть его рядом с собой.

Они не хотят принимать его в свою жизнь.

– Не подходи к нам, Скальд. Уходи. Ты нам не нужен.

Эти слова, произнесенные голосом Силисты, терзали его душу, разрывали в клочья.

– Силиста...

– Нет! – ее новый крик.

Натаниэль не шевелился. Он обнимал мать и даже не думал поворачивать голову.

– Посмотри на себя, – сказала ему Силиста, – что с твоими руками?

Руками...

Скальд взглянул на свои руки.

Они все в крови. А кровь не алая, а черная.

– Как ты можешь прикасаться ими к нашему сыну? Уходи!

– Нет... нет...

Скальд в ужасе смотрел, как из бесконечного множества глубоких трещин сочиться чернильная смола.

– Ты проклят, Скальд... проклят! – кричала Силиста. – Уходи! И не ищи нас.

Только не это!

Только не так...

– Все кончено, Скальд! Убирайся! Ты нам не нужен!

И Скальд оторвал взгляд от рук и посмотрел на них. Си-листа смотрела в глаза сыну. Натаниэль что-то сказал ей, и она кивнула.

И вот Скальд заметил движение: Нат переставляет ноги. Его плечи вращаются.

Он начинает поворачиваться к нему лицом.

– Нат...

Скальд весь застыл – он впервые увидит его лицо. Лицо своего сына. Сына, которого так давно искал и ждал.

Как же ему не терпелось встретиться с ним взглядом, увидеть его глаза. Его нос, его рот, его улыбку.

– Нат...

И Нат повернулся.

Но не было ни глаз, ни носа, ни улыбки...

Лишь белая маска, из которой двумя струйками сочилась черная субстанция.

Плач Белой Смерти.

И в своей голове Скальд услышал голос сына:

– Папа.

И мир рухнул.

Он открыл глаза и закашлялся.

– Скальд! Скальд! Тише!

Она начала хлопать его по спине.

– Что с тобой? Ты в порядке?

Он почти задышался.

– Скальд!

Хлопки перешли в поглаживания.

Его перевернули на спину. И Скальд наконец смог дышать.

– Тише, тише... Боже, ты меня напугал! Что случилось? Кошмар?

Скальд почувствовал струйки пота, стекающие по всему лицу. Он вытер их ладонью и тяжело задышал, давая ответ кивком.

– Ох, Скальд, ты так внезапно проснулся. Должно быть, это был мерзкий кошмар?

– Лучше не вспоминать о нем.

– Хорошо. Да, как скажешь.

От их разговора проснулись Хоакин и Альбедро. Хоакин, потеряв алый след на щеке, оставленный запястьем, на котором он дремал, зевая, спросил:

– Что это тут у вас стряслось?

– Скальду приснился кошмар, – ответила Элен, – вот мы и проснулись.

– Кошмар? О чем же?

– Лучше не напоминать ему. Пусть он забудет его.

– Ладно, как скажете.

Альбедро потянулся и обвел кабинет взглядом. Его глаза остановились на окне.

– Который час?

Хоакин взглянул на наручные часы.

– Самая рань. Шесть часов.

– Ох, дрянь... Я так и не выспался.

Скальд, почувствовав, что наконец пришел в себя, поспешил извиниться:

– Простите, что разбудил, друзья. Не нарочно.

– Да ничего, – бросил в ответ Альбедро.

– Мы можем еще поспать, – предложил Хоакин, – Элен, как ты?

– Мне уже не хочется. А ты, Скальд? После такого кошмара...

– Лучше выпьем чаю.

Альбедро встал из-за стола и потянулся.

– Поддерживаю. Мне уже самому спать расхотелось, а чай – самое то, чтобы наконец проснуться и взяться за работу.

– Тогда я все сделаю. Элен, лежи. Тебе еще нужно отдохнуть.

Скальд свесил ноги с кушетки и протер глаза. Стоило ему закрыть их, как перед ним снова возник образ Ната с лицом Алойша во время Плача.

Он принял все внутренние усилия, чтобы выкинуть эту жуткую картинку из головы.

«Это очередной дурацкий сон, Скальд. Возьми себя в руки».

Скальд начал ощущать внутри рвотный комок. Он решил,

что выпить чаю и ему не помешает, а потому взялся за работу.

Подняв себя на ноги, он отправился ставить чайник.

– Я включу радио, Скальд? – обратился к нему Хоакин. – Послушаем новости.

– Да, конечно.

Скальд поставил электрический чайник, а Хоакин включил радио и настроил волну на «новости».

Голос диктора заговорил:

– А теперь о последних известиях. Вчера вечером полиция Перламутр-Бич во главе с начальником Людо Ксавьером освободила центр города, а именно фонтанную площадь от темных сил. Тиран был уничтожен, а все его последователи ликвидированы. Белая стена, окружившая и изолировавшая город, бесследно исчезла. Поздравляем Людо Ксавьера с заслуженной победой. С его помощью наш город очень скоро избавится от преступников и вернется к прежней жизни.

«Ну, да, конечно».

– А сейчас к печальным известиям. Этой ночью было обнаружено тело Бины Ларс, министра по Безопасности Перламутр-Бич. Она погибла в своем рабочем кабинете. Ее обезглавили. Система охраны не сработала. В данный момент ведется расследование. На полу кабинета была обнаружена кровавая надпись: «Несущий Погибель пришел». Убийство Бины Ларс стало большой потерей и трагедией для всего города. Именно она отвечала за Безопасность Перламутр-Бич.

Под ее руководством велись работы по ликвидации последствий недавней бури. Именно она руководила подразделением полиции и давала указания Людо Ксавьеру. Мэр города, Альраун Кост, полагает, что эта смерть – предвестие большой беды. Никто в Перламутр-Бич не может чувствовать себя в безопасности. Сейчас, когда стена исчезла, мэр объявляет чрезвычайную эвакуацию. Он просит всех жителей немедленно покинуть свои дома и оставить Перламутр-Бич, чтобы спасти свои жизни. Отныне город стал зоной военного конфликта. Мы просим вас немедленно эвакуироваться. В соседних городах беженцам предоставят все необходимые условия проживания. Подробнее об эвакуации.

Хоакин выключил радио.

В кабинете стояло молчание. И только кипение чайника развеивало полную тишину.

– Несущий Погибель, – произнес Альбедро, – кто это может быть?

– Прислужник Призраков, – предположила Элен, – они наняли кого-то, кто теперь начнет убивать властителей города одного за другим.

– Если это так, то жизнь всех министров и жизнь мэра в большой опасности, – вывел очевидное следствие Хоакин.

– У нас есть новый враг, – добавил Скальд, – кем бы он ни был, нам придется его остановить.

Альбедро заметно занервничал. Он ходил из стороны в сторону, сминая потные пальцы.

– Энтони... сначала он...

Альбедро замер и посмотрел на Скальда. Он произнес с мольбой:

– Прошу...

Скальд помнил об обещании, которое он дал.

– Вы правы, Альбедро. Сначала спасем Энтони и Айс. А потом займемся этим Несущим Погибель и всем остальным. Без Энтони и Айс мы не справимся. Они – хорошие воины. И наши друзья. Нужно спасти их как можно быстрее, пока не случилось ничего непоправимого.

– Ох, надеюсь, мы не опоздали...

– Гринштейн.

Она подошла к нему со спины.

– Не трогай меня...

Она остановилось, и настроение ее изменилось.

– Что с вами? Господин...

Он не ответил.

Эвр оставила зонтик на полу и положила свои ручки его на плечи.

– Вам нужно расслабиться...

Она чуть не сказала «Вили» в его присутствии. Эвр быстро поймала себя на этом и стиснула зубы, словно приказывала языку молчать.

– Эвр, ты уже слышала новость?

– Новость? Какую новость?

Она радовалась лишь тому, что он не смахнул ее руки с себя. Она хотела продолжать его трогать. Мять ему плечи. И стоять рядом, вдыхая его запах.

А про новость она, конечно, знала.

Алойш мертв.

– Он проиграл.

– Проиграл?

– Да, Эвр.

Пауза.

– Алойша больше нет.

– Ах! Как же так?! Не может быть!

– Может. Теперь мы остались с тобой одни.

«Наконец-то» – подумала она.

Ей больше никто не будет мешать. Все внимание Вили отныне будет направлено на нее, а не рассеяно на Алойша и Присциллу Пирс.

Она продолжила делать массаж с еще большим наслаждением.

– И знаешь, что самое паршивое в этой ситуации?

– Что же?

Он повернул голову и посмотрел ей в глаза. Она никак не среагировала, а даже испугалась на мгновение от того, что не знала ответа.

Но продолжения странного взгляда не последовало. Гринштейн снова отвернулся, позволяя ей продолжить массаж.

– Помнишь, как создали Алойша?

– Да... сама Верховная Матерь одарила его частью своей силы.

– Вот именно, Эвр. Именно! Сначала «Харон» использовали какое-то существо из иного мира. сила Верховной Матери стала лишь добавкой. Она хотела испытать свою силу и посмотреть, что получится.

– Она подействовала слишком хорошо, так ведь?

– Да, даже семиотики не могли с ним справиться. Алойш сделался неуязвимым к любому оружию. Или силе. Кроме той, что его создала.

Эвр промолчала, позволяя Гринштейну продолжить свою мысль.

– Скальд сделал это.

– Ах! Так я и подумала!

– Он даже ничего не понял. Он не знает, на что способен. Но если узнает... он сможет противостоять не только нам, но и ей самой.

– Нет... она слишком сильна и могущественна! Я уверена в ее силе и власти. Она же первая... открыла это в себе.

– Верно, но сила досталась ему, и он ей владеет. И его незнание – слабость. Но теперь он начнет задавать вопросы. И искать на них ответы. Это сделает слабее нас.

Она наклонилась к нему ближе, чтобы еще сильнее ощутить его присутствие рядом с собой. Эвр не хотела быть просто правой рукой Гринштейна. Она хотела быть с ним на равных.

Быть вместе с ним.

– Мы успеем. Вот увидите. Мы успеем завершить дело, а Скальдом она займется сама. Время близится. Две луны вот-вот столкнутся, и тогда она получит то, что так давно хочет. И никто не посмеет ей помешать.

– Хм...

– Успокойтесь, господин. Очень скоро вся власть над Перламутр-Бич окажется в наших... в ваших руках. Даю вам слово.

Эвр продолжила массировать старые плечи Гринштейна, но вот он положил свои ладони на ее руки. Ощувив его прикосновение к своей коже, Эвр вздрогнула. Но это движение было лишь для того, чтобы убрать ее руки.

– Ты права, Эвр. Лорд Сеера выполнил нашу просьбу. Каратель уже работает на меня. Он убил Бину Ларс, министра Безопасности. И это только начало. Власти города вот-вот падут. А с их смертью Перламутр-Бич лишится защитников. И тогда город будет моим. Я исполню свою мечту. Моя месть... свершится.

Эвр предвкушала этот день.

Она верила, что, получив желаемое, Гринштейн наконец сможет расслабиться, не думать о войне. И у него появиться шанс взглянуть на ту, кто всегда была рядом с ним.

И он ее заметит.

Ее Вили...

– Несущий Погибель? Так это он? Я слышала новости.

– О да, Эвр. Это он. Их дружок. Энтони...

– Как они это сделали?

– Используя силу Верховной Матери, они болью слома-ли его и разделили Энтони на две личности. Одна личность сейчас находится вместе с той, кого он так любит. А вторая работает на нас. Она не ведает пощады. Ей не знакомы лю-бовь, дружба, добро, милосердие, сострадание и совесть. У нее есть лишь одна цель – убивать. Нести смерть. И выпол-нять приказы. Машина для убийств. Очень сильная.

– Правда?

– Ему дали семиотики, и они пропитались силой Матери, как только его руки коснулись рукоятей. Мечи принадлежа-ли его родителям. Такая ирония... Лорд Сеера хорошо по-трудились. И скоро его проект будет готов. И мир увидит то, что все эти годы от них скрывали глубины Сапфирового мо-ря. Перламутр-Бич склонит колени передо мной.

Эвр обошла кресло Гринштейна стороной и встала перед ним. Она хотела смотреть на его лицо, видеть его горящие счастливые глаза. Ощущать движения его губ...

– Ваши враги будут лежать у вас в ногах.

– Ты права, Эвр. Так и будет. Лишь бы успеть, пока он не понял, что произошло семь лет назад...

– Он не узнает. А если узнает, то только от нее. Верховная Матерь понимает, какой силой он обладает. И она не позво-лит ему ее использовать. Будьте уверены, она знает, что де-лает.

– Очень на это надеюсь.

Эвр не сдержалась. Ей начали владеть чувства, а не разум. Она перестала контролировать себя и приблизилась к Вилиамонту сильнее.

Набравшись смелости или безумия, она села к нему на колени и обняла за шею.

– Эвр, что ты творишь?

– Господин... я только хотела...

Его взгляд суров.

Она ощущала в нем нежелание ее касаний.

Ее близости.

– Эвр, – процедил он сквозь зубы.

Она чуть не заплакала прямо перед ним. Она была готова его поцеловать хоть сейчас. Сколько можно держать это в себе?

– Что вы, господин? Я же с вами...

– Слезь с меня, Эвр.

Она подчинилась.

Не произнося ни слова, она убрала руки от его шеи и сползла с колен Гринштейна. Эвр сделала два шага назад от его кресла и склонила голову.

Он сказал ей лишь:

– Больше никогда так не делай, поняла?

Ей было больно, но она заставила себя кивнуть в ответ, сдерживая слезы из последних сил.

Глава 21. Обручение с водой

Не слишком ли дорогую цену я плачу?

Мне с трудом удалось уговорить Сееру отвести меня к Энтони. Он поставил условия: я ничего не могу сделать. Только увидеть его. Лишь удостовериться, что он еще жив.

Сеера рассказал о том, что с ним сделали. Сломали. Разделили на две личности. И одна из этих личностей будет служить ему. Как его спасти? Что я расскажу Скальду, Альбеде, Матео и Беатрис, когда снова их увижу?

Если их увижу...

Как помочь Энтони? Как его вернуть? Как соединить две его части? И возможно ли это вообще?

Или я опоздала?

Мы опоздали.

И Энтони уже не спасти?

Потеряли ли мы его навсегда?

Сейчас я понимаю, что ничего не могу сделать для Энтони. Быть может, получив в руки власть, я смогу что-то предпринять. Но не сейчас. Битва еще не закончена, и я готова сражаться за Энтони дальше.

Сперва же мне нужно выполнить главное условие, на которое я пошла.

Выйти за Сееру.

В Академии мне не выдали покои. Мои покои – это лич-

ные покои Лорда Сееры. Здесь я сплю. Здесь провожу все время. Он обещал, что я получу большую свободу перемещений, когда стану его женой.

Женой...

Ах, Шон... любовь моя, прости. Прости, что делаю это. Что предаю тебя. Просто знай, что эта свадьба не отменяет моей любви к тебе. Я продолжаю делать свое дело – мстить. И я отомщу всем, кто причастен к твоей смерти.

Семейство Грейтс – лишь вершина айсберга. На дне – вот, где кроется настоящее зло. Оно здесь. Рядом со мной. Преследует меня. Лорд Сеера. Академия. Верховная Матерь. Вот, кто убил тебя, Шон.

Обещаю, они все поплатятся за это. Мои враги будут ползать у меня в ногах. Я не оставлю свою месть незавершенной. Я пойду до конца. Я стану женой подводного правителя, чтобы разнести здесь все в пух и прах!

Он даже не догадывается, с кем связался. А все они не имеют ни малейшего понятия, кого приняли у себя в Академии. Кого привели в покои своего повелителя. Свою смерть они поселили под своей крышей. Я говорю о декане Мунлесе, об Омуте, о всех тех, кто исполняет приказы Сееры и Верховной Матери, кто готовится к войне с поверхностью.

Перламутр – Бич под защитой Скальда и Печатей. Людо Ксавьера. Они не дадут врагам захватить власть в городе. А я не дам этим подводным тварям присоединиться к Лиге Призраков Перламутра и стать частью их легиона.

Война уже идет на два фронта. Они там, на суше. А я здесь, сражаюсь на дне. И жертвую собственной свободой, чтобы обрести... другую форму свободы.

Свобода – власть.

Я сидела у рабочего стола Сееры и ожидала начала приготовлений. В руках лежала стеклянная панель с фотографией мамы.

До сих пор не верится, что она и Сеера... могли любить друг друга. Или же я знаю об их отношениях с его слов? И тогда только он один может считать их чувства взаимными. Пусть будет так. Неужели, моя мама могла любить такого, как он?

С опаской я пыталась представить себе историю их отношений. Он – пленник за стеклом. Очередная жертва экспериментов. Должно быть, силу Сееры хотели использовать, чтобы создать еще одного Призрака. И была ученая, которая занималась этими исследованиями. Сеера говорил, что она лишь заходила в лабораторию, где он пребывал в заточении. Она не сама работала с ним. У нее имелись другие задачи. Как же так вышло, что, увидев его однажды, она решила вернуться? И еще раз. И еще раз. Он так ее околдовал?

Или он, правда, понравился ей?

Ах, как же не хочется об этом думать!

Я пыталась отогнать мысли прочь.

Семь лет я жила, зная о матери лишь ложь. А в это время под водой создавалась Академия, названная в ее честь...

Мария Селеста... ее рабочее имя. Интересно, имена им давали или позволяли выбирать самим?

Я убрала фотографию в стол, и на глаза мне попала картина из камня. Мать с Младенцем.

Верховная Мать Мелисента.

Смотрит на меня, как с иконы. Ее точно обожествляют. Ей поклоняются, как религиозному символу. Я помнила ту ночь в доме Грейтсов и их молитву, что они вознесли перед тем, как...

Кто же ты такая?

И кто твой ребенок?

Чего ты хотела от Скальда?

Не в силах долго смотреть на нее, я положила икону лицом на стол.

Двери в сад открылись, и через заросли красных водорослей ко мне вышла профессор Орсина Орэлла. На руках она держала платье цвета морской волны с белыми узорами.

– Добрый день, госпожа.

Госпожа?

Так они меня теперь будут называть?

Я стану Королевой. Скорее всего «госпожа» сменится на что-то вроде «Ваше Величество».

– Да?

Я машинально встала с места.

– Давайте начнем приготовления. Мне поручили нарядить вас и сделать прическу. А потом Лорд Сеера ждет вашего

выхода.

– Выхода?

– Да, на свадьбу.

– Уже сейчас?

Орсина выдавила теплую улыбку в ответ.

– Да, госпожа.

Время пришло. Что ж... больше медлить бессмысленно.

Мне просто нужно пережить этот день, а завтра... начнутся большие перемены.

– Ладно. Давай. Начинай.

Я подошла к зеркалу, прикрепленному к одной из стеклянных колон.

– Вам помочь надеть платье, госпожа?

Я осмотрела свадебное платье. Длинный шлейф, мягкая тонкая воздушная ткань. Оно почти прозрачное! Украшенное серебристыми и перламутровыми переливающимися узорами, напоминавшими странные символы.

Смогу ли я сама влезть в это платье? Я никогда не надевала такие сама...

– Поможешь мне?

– Конечно, госпожа.

– Я должна надеть его поверх этой рубашки. Ее нельзя снимать, понимаешь?

– Лорд Сеера предупредил меня об этом. Не беспокойтесь.

– Ладно, хорошо. Давай начнем.

Я сняла с себя брюки, оставшись в белье и крапивной рубашке. Орсина Орэлла накинула на меня сверху платье. Я отчаянно пыталась втиснуться в него и не запутаться в бесконечном нагромождении ткани. Орсина всячески помогала мне, давая понять, где рукава.

Промучились недолго. Все случилось довольно быстро, и остальное время Орсина лишь расправляла платье на мне. А потом взялась за прическу.

– Орсина.

– Да, госпожа?

– Я же могу так тебя называть?

– Конечно, госпожа.

– Хорошо. Скажи...

Я пыталась собраться с мыслями, чтобы сделать все правильно.

– Сегодня я стану Королевой. И получу определенную власть в вашем мире. Ты же это понимаешь?

– Да, госпожа.

– Я собираюсь ею воспользоваться. Знай, что Академию и город Одд ждут большие перемены.

Орсина на мгновение замерла. Она испуганно взглянула на меня через отражение.

– Госпожа...

– Мне нужны те, кто не согласен с политикой Омута. Те, кто не желает подчиняться приказам декана Мунлеса. Есть такие в Академии? Студенты. Профессора. Кто угодно.

Орсина ответила не сразу.

Она боится. Боится предать своих повелителей.

– Орсина, ты должна понять одну важную вещь. Я стану Королевой. И я не буду мириться со здешними правилами. У меня будет власть, которой я непременно воспользуюсь. И у меня будут деньги, которыми я тоже смогу распоряжаться так, как посчитаю нужным.

– Разве Лорд Сеера позволит вам вмешиваться в дела Омута?

– О нет, не позволит. Конечно, нет. Но Омут зависим от многих факторов и обстоятельств, воздействующих на него. Я стану вторым лицом после Лорда Сееры. И декан Мунлес уже не будет иметь столько влияния на моем фоне, как раньше. Я хочу, чтобы студенты и профессора выбрали сторону. Орсина, мне нужны верные люди. Верные слуги, которые пойдут за мной за определенное вознаграждение. Поверь, мне не будет жалко денег, оказавшихся в моем распоряжении. И я не буду скромничать использовать всю ту власть, что окажется в моих руках. Орсина, здесь произойдут большие перемены. Быть может... я сама стану новым ректором этой Академии...

Орсина охнула, убрала от меня руки, и прикрыла ладонями рот.

– Госпожа... как вы можете так говорить? А если услышат?

– Пусть слышат. Омут ничего не сможет мне сделать. Я

под личной защитой Лорда Сееры. Я – его законная супруга... скоро стану ей. И тогда все изменится. У меня есть свои цели и свои планы. И я не намерена сдаваться. Я пойду до конца, будь уверена.

Прервав свою речь, я развернулась к Орсине лицом. Я внимательно осмотрела ее. Что она из себя представляет? Боится меня? Или уважает?

– Скажу честно, Орсина. Ты мне нравишься.

– Госпожа...

– Ты ведь не обратилась к декану, когда твоим студентам потребовался новый подопытный для проекта? Ты и профессор Сангинарий Саг. Вы не пошли к Мунлесу. Вы пошли к Лорду Сеере. У вас напряженные отношения с Омут, я угадала?

Орсина ответила не сразу. Ее взгляд побегал по полу, а потом снова поднялся к моему лицу.

– Все так, госпожа. Многие профессора и студенты не довольны тем, что скрывает Омут. Они ведут темную деятельность. Конечно, мы понимаем, что они следуют приказам Лорда Сееры и...

– Верховной Матери?

Орсина сглотнула.

– Значит, я угадала.

– Госпожа, Омут не считается с другими студентами и преподавателями. И ставит себя выше всех остальных. Они считают себя привилегированной кастой. Элитой. Понима-

ете? И нам приходится многим жертвовать. Например, все лучшие подопытные достаются Омуту. Все лучшие образцы червей тоже у них. Мы же довольствуемся... вторсырьем. Или дефектными образцами. Из-за этого проекты частенько выходят из-под контроля. Это не вина студентов или преподавателей. Просто сам материал такой... поломанный, понимаете?

Подумать только: совсем недавно я даже не догадывалась о существовании Академии и города Одд. А сейчас я все глубже проникаю во внутренние дела этого мира, в его порядки, правила и законы.

И намерена их изменить.

– Я тебя понимаю, Орсина. Спасибо, что рассказала мне об этом. От своих слуг я хочу одного, самого главного – верности. Ты сможешь мне помочь? Найдешь таких? Найдешь и приведешь их ко мне. А взамен... если я стану ректором, то... пост декана тебя устроит?

– Госпожа...

– Устроит, значит.

Я снова обратилась лицом к зеркалу, а Орсина продолжила работать над прической, заплетая косу.

– И какая ваша главная цель? К чему вы намерены прийти в конце?

Хороший вопрос.

Стать ректором Академии?

Зачем мне это?

Нет, у меня цель гораздо глобальнее...

– Вернуть вас.

Орсина застыла.

– Что... я...

– Ты не ослышалась, Орсина.

– Простите, госпожа...

– Я хочу вывести всех вас. Всех студентов, профессоров и всех жителей Одда через Проход. Вы должны вернуться в свой мир. И портал будет запечатан навеки.

– Ох... было бы очень хорошо, госпожа. С такой мотивацией за вами многие пойдут.

– Правда?

– Конечно, мы только и ждем этого дня... возвращения.

– Это произойдет не сразу. Сначала закончится война между водой и сушей. В Перламутр-Бич должен вернуться мир. Призраки Перламутра должны погибнуть. И Верховная Мать...

– Госпожа!

– Когда она перестанет стоять у меня на пути, я верну всех вас в ваш мир. Это я гарантирую тебе, Орсина. Вот моя высшая цель. Поняла?

– Да, госпожа... тогда я готова выполнить вашу просьбу. Я поговорю с надежными студентами и преподавателями. Уверена, если народ узнает о ваших планах, то он пойдет за вами.

– Этого я и хочу, Орсина. Я хочу стать для вас настоящей

Королевой ваших Морских Сердец.

Свадебная церемония прошла для меня, словно в тумане.

Мы с Орсиной вышли из сада и проследовали к большому залу, где внизу лестницы собралась вся Академия: студенты, преподаватели, Омут. Даже несколько жителей Одд впустили.

Зал переполнен настолько, насколько это было возможно. И не только пол, а все его пространство. Ведь здесь вода. И зрители не только стояли, но и держались на плаву, заполняя все вокруг.

Сколько же их здесь?

Тысяча? Или больше?

Огромный зал и огромная толпа.

А я стояла рядом с Лордом Сеерой, одетым во все белое и блестящее. Наше место – на ступеньках парадной лестницы. Несколько существ, с головами рыб-ежей уполномочены провести наше бракосочетание. Они что-то говорили на незнакомом мне языке.

Я видела лишь белое лицо Сееры, улыбающееся мне. Он и вправду счастлив? Он так рад, что я становлюсь его женой?

Он даже не подозревает, что его ждет.

Эта свадьба от человеческой свадьбы. Здесь не говорили клятв, не надевали кольца.

Здесь рвали свадебные платья.

– Айседора, – произнесли губы Лорда Сееры.

– Да?

– Сейчас ты должна стать не только моей женой, но и одной из нас. Отныне ты – часть нашего мира. Моего мира.

– Как это случится?

Он улыбнулся.

– Ничего не бойся. Я поцелую тебя и избавлю от оков воздуха, не дающих тебе принадлежать подводному миру. Ты сможешь свободно дышать, как под водой, так и на суше. И эта рубашка тебе не пригодится.

Я испугалась.

А если у него ничего не выйдет?

Если я задохнусь, когда с меня снимут рубашку?

А если...

– Приготовься, Айседора. И отбрось все свои страхи. Со мной тебе бояться нечего.

А потом его губы коснулись моих. И я ощутила холод. И что-то еще... что-то начало проникать прямо внутрь меня, в рот, в горло.

Словно он вдыхал воду из себя в меня. А в это время его руки оказались на моей груди. Пальцы сжали декольте платья и потянули в разные стороны.

Я слышала треск.

Ткань рвалась.

И вместе с платьем рвалась крапивная рубашка.

Громче, чаще, громче... этот треск уже заложил мне уши!

Я ощущала, как мое тело избавляется от одежды. Полностью. Ткань рвется и стекает волной по коже, спадая вниз. А поцелуй Сееры становился страстнее и настойчивее.

Дышать...

Чем мне дышать?

Мне оставалось лишь дышать водой, которую в меня вдыхал сам Сеера.

Сколько это продолжалось? Как долго я так стою? И сколько еще буду дышать его водой?

И все закончилось.

Губы Сееры разомкнулись. Его лицо отдалилось от моего.

А я стояла голая перед большой толпой. Платье и рубашка – все изорвано – лежали в ногах. А моя кожа... блестела. Словно покрылась тонкими сверкающими чешуйками. Они не видны так явно, если не приглядываться.

Я сверкала в подводных лучах замка.

И дышала водой. Свободно и легко. Уже без крапивной рубашки.

Меня сделали частью этого мира.

Я – одна из них.

– Айседора.

Сеера взял меня за руку и посмотрел в глаза.

– Мои поздравления.

Сеера обратился к ликующей толпе:

– Айседора Селеста – Королева Морских Сердец!

И торжеству моря не было предела.

Сама не помню, как вернулась в сады и оказалась в постели Сееры, своего мужа.

Он уже рядом. Лежал справа от меня.

На мне все еще не было никакой одежды.

– Как тебе?

– Это странно.

И не соврала.

Что же будет дальше? Мне предстоит забеременеть от него? Родить?

Ох, милостивые духи...

– Как же долго я этого ждал. И вот ты здесь, в моей постели. Селеста...

Я собралась с мыслями и развернулась к нему, перевернувшись на бок.

– Теперь у меня будет власть?

– И власть и богатство – все твое. Теперь тебя никто и пальцем тронуть не смеет. Ты можешь ходить куда пожелаешь, кроме тех мест, о которых я говорил тебе.

– И я могу... проводить реформы?

– Конечно, но при одном условии.

Условии?

Что еще за условие?

Почему я не знаю про него?

– Что еще за... условие?

Во мне поднимался праведный гнев. Отчего он не сказал

раньше?

– Все твои приказы пройдут через меня, Айседора.

– Что... что это значит?

– Без моего одобрения ты не можешь их утверждать.

– Какого...

Нет... нет! Я не этого хотела!

Проклятье!

– Айседора. Ты – Королева. Да. Но я все еще главнее. Я – законный повелитель этого мира. Академии. Одда. И только мне решать, что будет здесь происходить.

– Но ты же... любишь меня? Так ведь?

Его пальцы коснулись моей щеки.

– Да, Айседора. Люблю и сделаю для тебя все.

Значит вот, как это будет происходить. Мне предстоит использовать его любовь ко мне, чтобы пользоваться властью.

– Я хочу, чтобы ты была здесь счастлива. Вместе со мной.

Он подался вперед и поцеловал меня в губы.

Время пришло.

– У нас первая брачная ночь, – произнесла я, – давай не будем терять время и... сделаем то, что надо...

Сеера взглянул на меня странно и не сдержал улыбки. А потом он даже засмеялся.

– Что? Что я не так сказала?

Он все еще смеялся, а потом обнял меня, прижав к себе. Я опустила голову на его грудь.

– Ах, Айседора!

– В чем дело?

Я искренне недоумевала.

– У нас с твоей мамой была платоническая любовь. И я люблю тебя именно так.

– Платоническая любовь? То есть ты...

И я все поняла.

– Мы лишены плотских желаний, присущих людям на поверхности. И я люблю тебя, но во мне нет страстного чувства.

– А как же тогда...

– Не беспокойся. Я обладаю достаточной силой, чтобы создать себе потомство.

Я нахмурилась. Ничего не понимаю!

– Айседора, когда придет день, когда я сам этого захочу, ты сама поймешь, что беременна и выносишь мне дитя, моего наследника.

– То есть как? Объясни. Как я могу забеременеть, если не...

Он коснулся моего живота рукой.

– Сила, Айседора. Моя власть порождать новую жизнь. Стоит мне захотеть, и в тебе эта жизнь зародится. И ничего более, кроме одной моей воли, для этого не потребуется.

Ах! Вот оно что! Значит, в любой день я просто обнаружу себя беременной?!

– Но не переживай, Айседора. Я обязательно предупрежу тебя за несколько дней перед тем, как все сделаю. Ты будешь

уже готова вынашивать ребенка. И в тот момент все случится.

Он щелкнул пальцами и добавил:

– Вот так.

Глава 22. Другая жизнь

К новым обращениям пришлось привыкать. И если я уже как-то смирилась с «Ваше Величество», то звуки слова «повелительница» все еще вызвали неприятное скребущее чувство внутри.

Сеера подарил много новых платьев, чтобы я каждый день могла выходить из покоев в разной одежде.

Я уже стояла перед зеркалом и поправляла подолы синего платья, когда в двери сада постучались.

– Войдите, – приказала я.

Двери открылись, и ко мне прошла целая процессия: профессор Орсина Орэлла и трое студентов в белых халатах.

– Доброе утро, Ваше Величество, – поклонилась Орсина.

– Повелительница, – троица синхронно присела, согнув колени и склонив головы.

– Я слушаю.

– Ваше Величество, вы просили привести к вам наиболее талантливых и верных студентов, – начала Орсина, – знакомьтесь, это Мелисса, Эш и Винтер. Они смогут вам помочь. У вас же были вопросы, не так ли?

– Да, были. Спасибо, Орсина. Ты же помнишь, что об этих встречах никто не должен знать? Ни декан Мунлес, ни уж тем более Сеера.

– Разумеется, Ваше Величество.

Я не стала просить их не называть меня так. В конце концов, в моих руках власть. И я хотела, чтобы она держалась на уважении. А такие официальные обращения лишь подкрепляли мой статус Королевы.

Мне нужно к этому привыкнуть, если я, действительно, хочу править и что-то здесь изменить.

– Я хотела бы с вами поговорить, – обратилась я к трем студентам, – прошу говорить предельно откровенно. Не стоит никого защищать или выгораживать. Это касается любого. Декан. Омут. Лорд Сеера. Я хочу знать ваше отношение к каждому. Честное отношение.

– Можете на нас положиться, Ваше Величество, – ответила Мелисса, – мы будем честны с вами во всех вопросах.

– Отлично.

Я собралась с мыслями. Подняла подбородок выше и спросила:

– Для начала скажите мне, в чем ущемляют студентов Академии? В каких правах? Чем вы недовольны? Что бы хотели изменить?

Участники троицы неуверенно переглянулись друг с другом. Потом они пытливо взглянули на профессора Орсину, словно ожидая от нее знака согласия.

– Мы должны вам... жаловаться? – рискнула уточнить Эш.

Меня это позабавило.

Они правы: это именно то, чего я ждала. Жалобы. Моль-

бы. Просьбы.

– Вы поняли все верно, – кивнула я, – жалуйтесь, сколько душе угодно. Именно этого я от вас и хочу. Ваши жалобы. Итак, я слушаю.

Винтер взглянул на своих спутниц и сказал:

– Мелисса, ты у нас специалист по подобным вопросам.

– Я? – удивилась девушка. – С чего бы это вдруг?

– Ты вечно недовольна политикой Академии. Настал твой звездный час.

Девушка залилась румянцем.

– Вот как? – мне это понравилось. – То, что нужно. Ничего не бойся, Мелисса. Я готова выслушать все. Даже самые нелепые пожелания. Говори так, как есть. Что на душе лежит, то и говори. Мне очень важно это знать. Обещаю, этот разговор не выйдет за пределы этих стен. Я хочу помочь, и для начала мне нужно понять суть проблем, которые предстоит решить.

Мои слова прозвучали убедительно. Мне удалось успокоить Мелиссу и отогнать прочь все ее страхи. Вероятно, она не хотела, чтобы ее рассказ выглядел в форме «жалоб» и «обвинений». А это было именно то, что мне требовалось: жалобы и обвинения.

– Говори, Мелисса, смелее, – подтолкнула ее профессор Орсина.

Девушка собралась с мыслями, слегка прокашлялась и ответила:

– Простите, Ваше Величество. Хорошо. Если вам так угодно знать, то я расскажу. Для начала... наш оклад. Стипендия студентам не выплачивается в равных пропорциях. Омут – привилегированная каста. Во всех отношениях. И им платят не в два, а в три раза больше, чем остальным студентам. Но это не значит, что мы работаем меньше. В этом главная проблема – никто не знает, чем занимается Омут, чтобы им так много доплачивали. Кроме того им достаются лучшие подопытные образцы. У них имеется доступ к самым качественным червям, а нам частенько достается брак. И это разделение на Омут и всех остальных отражается в самых разных мелочах. Столовая. Еда. Для них готовят особые блюда. Они не едят «общий стол». Для них есть своя кухня. Занятия. Им многое прощается. Прогулы. И без нужды отработок! Понимаете? Объясняется это тем, что Омут якобы очень занят своими проектами, поэтому они могут пропустить занятия. Но это не так! Это видимость. Формальность. Мы же общаемся со студентами Омуты. Мы видим их, разговариваем с ними. Иногда слышим то, о чем они говорят. Уверяю вас, никакими проектами они не заняты. Это просто прогулы. Они ничего не делают! Дурака валяют. И прикрываются своими привилегиями. Для них даже самого понятия «отработка» занятия не существует. Если они заболеют им тоже не нужно прорабатывать пропущенные уроки. Для остальных правила иные: отработка по любой причине пропуска. Почему они не отработывают по причине болез-

ни? Опять же все объясняется их работой в Омуте. Якобы там повышенная вредность, и в своей болезни они не виноваты. Что еще? Библиотека. Для нас закрыт доступ ко многим важным разделам и секциям. Почему? Что там такого, что можно знать только Омуту? Почему от нас прячут знания? Это книги. Всего лишь книги. И нас их лишают. У нас нет доступа к одной трети библиотечного материала. Пользуется ли им Омут? Я не видела. Честно! Омут вообще редко бывает в библиотеке. Знаете почему? Им дозвоительно не выполнять домашнюю работу. Выходит, что у всех нас помимо уроков есть домашняя работа, наши проекты и отработки. Что у Омута? Одни проекты! Уроки могут пропускать. Проект! Занятия не отрабатывать. Проект! Болеть можно, сколько захочешь. Проект! Домашнюю работу не делать. Проект! Да у нас у всех проекты есть! Мы все их делаем. И я уверена, что мы работаем не меньше, чем Омут. Что у нас одинаковое, так это график. Количество рабочих часов и отдыха идентично. Это такая видимость справедливости и равноправия. То есть при том, что они работают не больше нас, у них есть еще ряд подобных привилегий. Думаю, теперь вы понимаете, Ваше Величество, почему в Академии так относятся к Омуту? Дело не только в секретности их деятельности. Но и в том, как они себя подают. В этих мелочах. Они ставят себя на голову выше других. Многие студенты Омута даже не считают нужным считаться с другими профессорами, не принадлежащими к членству Омута. Они тоже отно-

сятя к ним, как к слою ниже себя. Как к недостойным их внимания и уважения. Если преподаватель не из Омута, то это низшая каста. Так они считают. Это разделение. Это выделение Омута, как нечто божественное... вот, что всех так раздражает.

Закончив свою речь, Мелисса чуть ли не задышалась. Так часто она дышала. Я чувствовала, как в ней буквально кипит праведный гнев, обращенный к Омуту.

– Во даешь, – присвистнула Эш, – выложила все, как на духу. Легче стало?

– Простите, Ваше Величество, если позволила себе где-то выпустить пар и личные претензии...

– Ничего страшного, Мелисса. Это именно то, чего я так хотела. Спасибо тебе. Профессор Орсина, вы можете подтвердить слова Мелиссы? Это правда?

– Все так, Ваше Величество. Мелисса очень точно описала все сложности наших отношений с Омутотом. Я бы лучше не смогла.

Высокая оценка преподавателя работы своего студента дорогого стоит. Тем более, когда работа заключалась в том, чтобы высказать все замечания о политике Академии.

– Мелисса, Эш, Винтер, вас беспокоит что-то еще в Академии? Что-то, что не связано с Омутотом? Может, есть какие-то особые пожелания к условиям обучения? Подумайте.

Я дала им время. Трое переглянулись, и Винтер взял слово:

– Нашим семьям нельзя заходить на территорию Академии. Только студентам и преподавателям.

– А вчера на церемонии...

– Это исключение, – вставила Орсина, – был праздник. Те, кто пришел из города, оказались в стенах Академии впервые.

– А вам бы хотелось, чтобы был пропуск в Академию для жителей города?

– Мы не просим пускать их в Перекрестки, – объяснила Эш, – там очень много секретного. Да и делать там нечего. Но нам бы хотелось показать нашим родителям место, где мы учимся. Коридоры. Наши комнаты. Классы. Хоть что-то!

Винтер и Мелисса закивали, соглашаясь с пожеланием Эш.

– Очень хорошо, – ответила я, – что-то еще? Профессор Орсина, может, у вас есть какие-то пожелания? Чем недовольны преподаватели?

Она задумалась и ответила не сразу.

– Декан Мунлес очень рано закрывает Перекрестки. К часу закрытия нам нужно успеть убрать лаборатории. На утро он все проверяет. Но после закрытия и сам Мунлес, и Омут все еще находятся на территории Перекрестков. Нам не хватает времени на то, чтобы сделать всю необходимую работу и убрать помещения. Работы много, а времени мало. На утро после проверки Мунлес начинает нас отчитывать. Мы бы хотели иметь право оставаться в Перекрестках, пока сам декан и Омут продолжают там работать.

– Но вы же говорили, что у вас одинаковый рабочий график. Или я что-то не так поняла? Почему Омут задерживается после работы?

– Внеурочное время. Оно не входит в официальный график. В это время можно доделывать работы. У нас его нет.

– Ах, вот как? Теперь я поняла. Внеурочное время.

– Да, Ваше Величество.

– Что-то еще?

– На этом, пожалуй, все.

Я осталась довольной.

– Превосходно.

На этой ноте я проводила троих студентов, узнав, где я могу их найти, если они потребуются. Они постарались объяснить мне, где находится их лаборатория в Перекрестках. Я только попыталась запомнить комбинацию поворотов. Еще они частенько бывают в столовой во время отдыха или в библиотеке. Так что встретить их можно будет там.

Орсину я попросила остаться.

– Спасибо, что привела их. Мне было важно услышать такие пожелания из уст самих студентов. Я обещаю что-то с этим сделать.

– Это было бы чудесно, Ваше Величество. Если вам удастся уравнять позиции Омута в отношении остальных, у вас появится огромная поддержка. Омут, конечно, вы сделаете своим врагом.

– А я и не собиралась водить с ним дружбу. Мне будет

достаточно поддержки всех остальных. Вас же большинство?

– Конечно.

– Вот и славно. А теперь я бы хотела отправиться в город. Лорд Сеера просил меня не выходить в Одд без сопровождения. Пойдешь со мной?

– Как прикажете, Ваше Величество.

Одд жил особенной и непримечательной жизнью.

На главной площади играла музыка. И жители даже танцевали под нее. Старик Джайлз так и валялся на прежнем месте, издавая непонятные и странные звуки между возгласами, выкрикивающими чьи-то имена.

Золотые рыбки кружились в стеклянных банках-фонарях. Жители ходили за покупками к торговцам, гуляли, общались и осторожно смотрели в нашу с Орсиной сторону. Когда же они понимали, кто перед ними, они непременно кланялись и произносили:

– Ваше Величество.

Разумеется, они меня никогда не видели. Большинство. А те, кто был на свадьбе, скорее всего успели рассказать остальным об особенностях моей внешности. По каким-то отличительным признакам они понимали, кто я. Но не сразу.

Я полагаю, виновато платье. Оно отличалось наличием тех же перламутровых символов, которые украшали свадебное платье и кожу Лорда Сееры.

Тайные знаки.

Письмена из другого мира.

Среди всех прочих жителей города я отмечала шахтеров. Вот они, с кирками и мешками. Подавленные взгляды. Уставшие лица. Бредут домой к своим семьям.

– Куда мы идем, Ваше Величество? – осторожно поинтересовалась у меня Орсина.

– Сейчас узнаешь. Недолго осталось.

Вскоре я нашла нужный дом. Мне было удобно для начала выйти на главную площадь, а уже от нее пройти маршрут погони за Эванджелиной, состоявшейся в первый день нашего появления в Озде.

– Вот это место.

Я прошла к двери и постучалась.

Нам открыла Сома, мать Эванджелины. Увидев и узнав меня, а затем осознав, кем я стала, она сразу же склонила голову.

– Ваше Величество...

– Здравствуй, Сома.

– А... Эванджелины сейчас нет... она...

– Это не важно. Я пришла не к ней, а к твоему мужу. Ламар сейчас дома?

Сома сглотнула, не поднимая головы. И ответила:

– Да, он только что вернулся с рудников. Мы обедаем.

– Превосходно. Я бы хотела поговорить с ним, если не возражаешь.

– Ох, конечно-конечно! Проходите! У меня... скромное

угощение. Если вы хотите...

– Спасибо большое, Сома. Но не стоит. Я сегодня плотно позавтракала.

Я вообще не ела.

– Еда вам нужнее.

– Проходите, проходите, Ваше Величество. Профессор? Приветствую вас. Проходите. Ламар! Ламар! К нам Королева пришла. Королева!

Мы с Орсиной прошли в дом и плотно закрыли двери. Здесь ничего не изменилось. Я увидела изможденного Ламара, склонившегося над миской салата из морской капусты и мидий. Увидев меня, он с трудом поднялся на ноги, опираясь руками о крышку стола.

– Ваше Величество... как неожиданно. Какой... приятный сюрприз... – слова довались ему с трудом.

– Не нужно этих формальностей, – быстро ответила я, – садитесь, садитесь. Не утруждайтесь. Прошу.

– Эванджелина сейчас на базаре, она скоро вернется.

Сома поставила нам с Орсиной стулья и пригласила за стол, бросив мужу:

– Королева пришла не к Эванджелине, а к тебе.

– Ко мне? – с недоумением спросил Ламар.

– Совершенно верно. У меня есть к вам несколько вопросов.

Этого Ламар явно не ожидал. Он испуганно переглянулся с женой.

– Я что-то сделал? Если это касается нашей первой встречи, то... я не знал, простите... это...

– Успокойтесь, Ламар. Вам ничего не будет. Расслабьтесь.

Сома предложила нам с Орсиной обед еще раз, но мы вежливо отказались. Она долго не находила себе места. Пришлось ее успокоить и усадить рядом с мужем. Я видела, как Сома часто дышит и явно переживает из-за нашего неожиданного визита.

– Что вам будет угодно, Ваше Величество?

– Ламар, первая наша встреча оказалась непростой. Эванджелина, я полагаю, уже рассказала вам о том, чем закончилось наше проникновение в Академию.

– О да, рассказала... мне жаль...

– Ничего. Жизнь – сложная штука. Оказавшись там впервые, я и подумать не могла, что стану Королевой и женой Лорда Сееры. Так вышло, что Мария Селеста – моя мать.

Ламар и Сома удивленно уставились друг на друга.

– Вот оно как, – вырвалось у Ламара.

– Да, и теперь, когда я стала Королевой, я хочу помочь. У меня есть большая цель – вернуть всех жителей Одд домой. Провести через Проход.

– Ого! Это было бы... просто чудесно!

– Я прошу вас об одной услуге – сообщите о моем намерении всему городу. Я нуждаюсь в большой поддержке, а без нее у меня ничего не получится. Я собираюсь внести изменения не только в жизнь Академии, но и в вашу жизнь.

Прежде, чем я добьюсь доступа к порталу, а это случится не скоро, но обязательно произойдет, уверяю вас, я бы хотела сделать жизнь жителей Одда лучше. Провести ряд реформ, так сказать. И я здесь, чтобы узнать о том, что вам нужно. В первую нашу встречу вы начали говорить о тяжелой работе на рудниках. В этот раз прошу рассказать мне о ваших трудностях подробнее и обстоятельнее. Я посмотрю, что с этим можно будет сделать. Ничего не бойтесь, Ламар. Начинайте. Говорите все, чем вы недовольны. Все, что так тяготит вас.

Ламар отодвинул от себя миску с салатом, сложил руки на столе перед собой в замок и принял то, что у него наконец есть шанс помочь себе, помочь городу, помочь мне все исправить.

– Добывать кварц очень непросто. Эта работа требует больших усилий. Физических, прежде всего. Мы работаем на износ. Условия неподобающие. Во-первых, там темно. Да, у нас есть фонари, но света золотых рыбок просто недостаточно, чтобы развеять мрак, царящий в рудниках. Этого мало. Представьте себе: провести весь день в крошечном мраке. Вдруг не пожелаешь. И это только полбеды. Время от времени в глубинах пещер появляются паразиты. Пираньи. Мурены. Угри. Много морских ежей. И много ядовитых рыб. Мы копаем очень глубоко, Ваше Величество. И кто знает, что окажется за следующей проломанной стеной? А оружие? Кроме наших инструментов – ничего нет. Нападение хищника считается производственной травмой и записывается,

как аварийный случай. Но на этом все и заканчивается. Лечатся все дома. Больничные не выдают. Нужно снова идти на работу. Нам бы побольше освещения. Хорошего освещения. Не помешало бы вытравить из шахт всех опасных тварей, а уже потом запускать рабочих. Выдали бы нам оружие против них – уже хорошо. И наличие лазарета при входе в рудники и существование больничных режимов для пострадавших тоже не повредило бы.

– Очень хорошо, Ламар. Продолжайте.

– Часы работы. График чудовищный. Мы работаем по двенадцать часов в день. Среди этих часов есть только два перерыва по пятнадцать и тридцать минут. Долгий перерыв на обед.

– Какой кошмар. То есть у вас лишь один обед за двенадцать часов? И один перерыв на пятнадцать минут? За весь день?

– Верно, Ваше Величество. И это не вся беда. Отпуск дается на два дня после месяца работы. Мы каждый день идем туда. Каждый день двенадцать часов в кромешной тьме с муренами стучим по кварцу. Потом приходим домой. И у нас есть двенадцать часов до следующего выхода. А за это время надо успеть поесть и поспать, а потом еще собраться и снова идти на рудники. И плюс к этому всему... рабочий день заканчивается, когда мы сдаем кирку. Понимаете? Вы стоите у стены, добываете кварц. Рабочий день заканчивается. Вы сдаете кирку. И теперь вам предстоит подняться наверх, рас-

писаться в журнале, сдать оборудование и выйти из шахты. Это занимает почти час, если не больше. И еще добраться до дома. А законные двенадцать часов отдыха уже идут. И так весь месяц ради двух дней свободы.

Я не верила своим ушам. Это не работа. Это наказание.

– Сколько вам платят, Ламар?

– Об этом без слез не скажешь. Зарплату задерживают вот уже два месяца. Шахтеры готовятся бунтовать, но я понимаю, что восстание быстро подавят. Всех разгонят по домам, да еще и наказание какое-то придумают. Раз в месяц мы получаем около семи тысяч бронзовых монет. Этого хватает, чтобы прокормить семью за месяц, если есть раз в день.

– Вы серьезно?

– Мы живем, в основном, за счет заработка Эванджелины. Если бы не ее доход, мы бы здесь сдулись окончательно.

– И у вас еще задержали зарплату?

– Верно. Уже два месяца на выдают, задолжали.

– И это только оклад? А премии есть? За самый большой вес добычи, например?

– Какие уж там премии? Не смешите, Ваше Величество, а то и впрямь плакать хочется. Сома почти весь мой оклад тратит на обед, который дает мне с собой каждый день.

– Простите? Ваш обед за ваш счет?

– А вы думали, что мы в сказке живем? Никто нас там кормить бесплатно не будет. Я же сказал: два перерыва. И долгий перерыв подразумевает обед. Если тебе есть, чем обе-

дать.

Я, конечно, понимала, что жизнь на шахтах не сахар. Но эти условия рабские. Нечеловеческие. Каторга.

Они здесь все пленники.

Не удивительно, что им хочется вернуться в свой мир, подалее от этого кошмара.

Я тяжело взглянула на Орсину. У той тоже потухший взгляд. Ей также искренне жалко всех шахтеров, которые вынуждены страдать ради добычи проклятого стекла, необходимого на нужды Академии.

Все аквариумы, все книги и тетради, все зеркала, все пробирки – для всего нужно стекло.

– Ламар, Сома...

Я должна была их утешить. Этим людям нужна надежда на лучшую жизнь.

– Отныне я – ваша Королева Морских Сердец. И я обещаю, что сделаю все, чтобы этот кошмар закончился. Даю вам слово. Я изменю этот мир, или пойду на корм рыбам в Глубинах Пепла.

Глава 23. Новая власть

Людо Ксавьер выдвинул коричневое кресло на колесиках, придерживая его за спинку одной рукой. Другой рукой он протирает пот со лба. Сев в кресло, начальник полиции Перламутр-Бич откинулся на спинку и выдохнул.

Его рука сама поползла в карман за сигаретой. Раз – и вот она в руке. Два – и вот в руке зажигалка. Три – появился огонек.

Затяжка.

Дым вошел в дыхательные пути, раздражая стенки слизистой. И вышел обратно – облачко синеватого дыма струйками потекло к потолку.

– Ублюдки.

Взгляд упал на кипку бумаг, аккуратно собранную на рабочем столе.

Работать совсем не хотелось. Ксавьер заставил себя зажечь настольную лампу – поверхность стола и все, что на нем находилось, обдало теплым желтым свечением.

Записная книжка, портсигар, несколько шариковых ручек и заточенных карандашей. Тетрадь в кожаном переплете, из которой торчали вставленные листочки-записки. И высокая кипка бумаг, сшитая бечевкой.

Взяв сигарету в одну руку, Ксавьер принялся перебирать бумаги.

– Сколько же их здесь?

С наступлением Лиги Призраков на город обычные преступления увеличились десятикратно. И никому нет до них дела. Преступники воспользовались ситуацией: паника, хаос, катастрофы.

– Эти гады совсем распоясались.

Постоянные грабежи, убийства и даже изнасилования.

Ничто не остановит преступность – даже война с потусторонним миром.

– И никому нет до них дела...

Полиция занималась только Лигой и рыбоедами. Им удалось очистить город от Алойша и его приспешников – это только начало. Да, они славно ослабили позиции врага, но не одолели его окончательно.

Призраки Перламутра – часть беды. Главное зло скрывается там, на самой глубине. И никто не знает, что ожидать от него. Какой будет их следующий шаг?

Страшная буря уже продемонстрировала их возможности.

Это лишь предзнаменование. Объявление настоящей войны.

Людо лениво перебирал бумаги и заявления.

– Кража, кража, убийство, воровство, изнасилование, убийство, кража, хулиганство, порча имущества, убийство, кража, изнасилование, убийство... проклятье!

Его волновало лишь одно убийство.

Бина Ларс. Министр Безопасности. Его начальство.

– Кто это сделал с вами?

Людо открыл выдвижной ящик и достал стопку фотографий с места преступления.

Труп женщины средних лет, одетой в офисную форму, распластано на полу. Разрезана грудная клетка. Отрублена голова. Лужа багровой крови.

И надпись: «Несущий Погибель пришел».

– Кто ты такой?

Несущий Погибель был объявлен преступником номер один. Его нужно было немедленно поймать и остановить, пока не случились новые убийства. Это личный приказ мэра города Альрауна Коста.

– Альраун, печально это признавать, но ты просрал свой город...

Новая затыжка.

Облако дыма кружится и растворяется перед лицом Людо.

– И я тоже хорош...

В обязанности Ксавьера входила защита Бины Ларс. И он не справился с этой миссией. Кто-то смог обойти стражу. Обойти охрану. Пробраться в кабинет министра и...

– Кто же ты, сукин сын?

Еще один Призрак?

Посланник из океана?

Враг из другой страны? Или другого мира?

Или это попытка переворота? Кто-то из людей?

– Я достану тебя, обещаю. Где бы ты ни прятался. Как бы хорошо ни прятался – я тебя найду, гаденыш. И ты за все ответишь. Знай это. О да, ты за все ответишь...

А он все это время стоял за окном. Он слышал и видел его. Он слышал каждое слово, произнесенное устами Людо Ксавьера.

И эти слова обращены к нему.

– Ты сдохнешь, как и те, кто тобой управляет...

Эти слова заставили его действовать.

Раздался звук битого стекла, и он вошел внутрь.

– Черт! Сука! Кто ты?

В руке Ксавьера появился пистолет.

Он стоял перед ним.

Они смотрели друг на друга.

От испуга Людо Ксавьер отъехал от стола на стуле и ска-
тился с него на пол.

Начальник полиции наставил на него пистолет. Но стре-
лять не смел.

– Ты?

Но он не стал говорить со своей жертвой. Даже слушать
его не стал. Его цель – убить. Его миссия – нести смерть вра-
гам его господ. Ибо он и есть – Несущий Погибель.

Сделав рывок вперед, он встретил выстрел в Людо Кса-
вьера. Взмах – пуля сожжена дотла.

– Черт! Кто ты такой?

Ксавьер стрелял.

Еще раз. Выстрел. И еще раз. Выстрел, выстрел, выстрел.
И все пули сгорали в черном огне.

Он приближался к нему. Шаг за шагом. Смерть пришла за ним. Он привел ее с собой, ибо она – отныне его верная подруга. Верная напарница.

– Как ты таким стал? Тебя же ищут! Твои друзья... не смей...

Но он посмел.

Взмах.

И хлынула кровь.

Голова еще одного людского господина пала с плеч. Еще одна жертва наказана. Еще одна цель повержена.

Кровь растекалась по всему кабинету. Его дело не завершено. Он должен оставить метку. Свое имя. Ибо у него много имен.

Он макнул два пальца в кровь, как в чернила. Сбросив все вещи с рабочего стола Ксавьера, он написал на деревянной поверхности три слова: «Карателя не остановить».

– Ты как?

Скальд закончил перевязывать раны Элен, сменяя ранее наложенные бинты на новые.

– Просто отлично. Сделаешь мне чай? Захотелось с лимоном и с сахаром. У тебя есть?

– Кажется, в холодильнике спряталась половинка лимона. Я все сделаю.

– Спасибо тебе.

– А повязки? Нигде не давит?

– Все идеально. Как всегда безупречно.

Он хотел как-то ответить, но слова не нашлись. Решив не растягивать паузу тишины, Скальд умчался наверх, в дом, чтобы найти там все для чая.

К счастью, лимон нашелся. И сахар тоже. Вернувшись со всем необходимым вниз, в кабинет, Скальд обнаружил работающее радио. Его включил Хоакин – он всегда любил слушать новости. Особенно в последнее время, когда объявили об убийстве Бины Ларс.

Альбедро тем временем сидел рядом с Элен и держал ее за руку. Они о чем-то говорили между собой, но из-за шума радио Скальд ничего не расслышал. Он занялся приготовлением чая.

– Вам сделать чай, ребята? – спросил он у остальных.

– Я пока не буду, – ответил Альбедро, – спасибо.

– А я бы не отказался от горячего кофе, – прозвучал ответ Хоакина, – удивительно, но в Перламутр-Бич впервые так холодно.

– Хорошо, Хоакин, я все сделаю.

– Кстати, Скальд, я звонил Матео и Беатрис. Они скоро будут здесь. Хотят нас проведать. Надеюсь, ты не против?

– Конечно, нет, Альбедро! Что за вопрос? Пусть приходят. Они наверняка за нас сильно переживают.

Скальд поднялся на кухню еще раз и взял все нужное для

приготовления кофе. Когда он спустился, чайник уже вскипел.

Скальд старательно заботился об Элен и ее ранах. Ее состояние требовало постоянно наблюдения и лечения. Скальд менял повязки по два раза в день. Всякий раз он обрабатывал кожу антисептиками и целебными растворами. Более слабые и неглубокие раны уже затянулись – лечебные масла действовали очень быстро. Но более глубокие порезы на ногах и животе требовали больше времени.

Как только Элен встанет на ноги, они отправятся спасать Айс и Энтони. Скальд и сам с нетерпением ждал этого дня. Он даже говорил с Альбедо и Хоакином о том, что бы отправиться в Одд без Элен. И оставить ее на попечение Матео и Беатрис. Но у Элен оказался острый слух. Она настойчиво заявила, что хочет пойти с ними и просит подождать.

Альбедо оказался крайне снисходителен к Элен. Как бы сильно ему ни хотелось спуститься спасать племянника, он терпеливо выжидал выздоровления напарницы.

Жизнь Скальда и жизнь всех Печатей превратилась в покорное ожидание новой страшной битвы. Встретившись с Алойшем, они оценили свои силы. Они поняли, на что способны они сами. И какой силой обладает враг. И сила эта велика – настолько, что даже магические мечи не могут ей противостоять.

А только изувеченные руки Скальда.

Сколько бы Скальд ни задавался вопросами о тайне рук,

он не находил ни одного ответа. Эта возня в мыслях оказалась бессмысленной и тщетной.

Все ответы там, на глубине.

Скальд сделал чай с лимоном и сахаром и отнес чашку Элен.

– Вот, держи.

– Спасибо. А сколько ложек положил?

– Три, как и себе. Надо было спросить, черт. Могу переделать.

– Не нужно. Все в порядке, Скальд. Три – самое то. Спасибо.

Скальд и Альбедро помогли Элен сесть, поправив подушку под спиной. Она обняла чашку двумя руками и сделала один маленький глоток.

– Это чудесно!

Скальд вернулся к чайнику и занялся кофе для Хоакина. А тем временем мистер Мартинес сделал звук радио громче, и все услышали:

– Чрезвычайные известия. Мэр города, Альраун Кост, мертв.

И мир провалился.

– Несколько минут назад в своем кабинете был обнаружен труп мэра Перламутр-Бич. Двери в его кабинет закрыты изнутри. Стража ничего не слышала. Но окно оказалось разбито. Мэр города был найден на полу в своем кабинете без головы. Ее рядом не оказалось. На зеркале обнаружена кро-

вавая надпись: «Это только начало».

– О, боже! – ахнула Элен.

– Как это возможно? – Альбедро вскочил с места. – Мэр города... мертв?!

Голос диктора продолжил:

– Такая неожиданная потеря стала большим ударом для всего Перламутр-Бич. Альраун Кост трижды переизбирался на пост мэра. Он сделал все для этого города, работая на его благо всю свою жизнь. После недавнего убийства министра по Безопасности Бины Ларс охрана у дома мэра была усилена втрое. Но все старания оказались напрасны. Совет министров связывает эти убийства с еще одной трагедией. Несколько часов назад Каратель, он же – Несущий Погибель – оставил после себя новый труп. На этот раз его жертвой стал начальник полиции Перламутр-Бич, Людо Ксавьер.

Ноги у Хоакина Мартинеса подкосились, и он упал на крышку стола Скальда.

– Кто теперь будет защищать город? Перламутр-Бич остался без власти и органов правопорядка. Совет министров призывает всех жителей немедленно покинуть город. Объявлена срочная эвакуация. Белая стена вокруг города исчезла, и теперь все люди могут безопасно покинуть это опасное место. Пока Каратель не будет найден, а беспорядки не устранены, город будет закрыт. Ожидается приезд государственных войск. Совет министров уже налаживает связь с армией страны.

Скальд больше не мог это слушать. Он в ужасе осознал: ситуация вышла из-под контроля.

Мэр...

Людо Ксавьер...

Они все мертвы.

Мистер Ксавьер... совсем недавно они сражались вместе с ним плечом к плечу с Алойшем. Он занимался всеми расследованиями, когда на Перламутр-Бич обрушились беды из глубин. Он всегда поддерживал связь с ним, Скальдом, и с Альбедо Эрнандесом. Он был посвящен в тайны Ордена Печатей.

И теперь его нет.

Каратель.

Несущий Погибель.

«Кто же ты?».

– Совет министров призывает всех граждан немедленно покинуть город. Берите с собой все необходимое. В соседних ближайших городах местные власти вам окажут помощь. Ничего не бойтесь. Армия скоро явится и...

Шуршание.

Что-то с радио.

Хоакин постучал по радиопередатчику – ничего не изменилось.

– Что такое? – нахмурился Альбедо.

И радио отключилось.

Тишина.

– Что случилось? – не поняла Элен.

– Радио сломалось, – озадачился Хоакин.

«Или не только радио?».

Скальд в один миг рванулся к стационарному телефону.

– Скальд! – крикнула Элен. – Что ты задумал?

Он снял трубку и приложил к уху.

– Что там? – спросил Альбедро.

– Ничего. Связь пропала.

Хоакин сунул руку в карман брюк и достал мобильный телефон. Он набрал какой-то номер. Ожидание.

И писк.

– Проклятье... здесь тоже нет связи. Они оборвали ее.

– Постойте, – задумалась Элен, – если нет связи, значит, совет министров не сможет связаться с войсками. Перламутр-Бич опять отрезан от внешнего мира.

Но Скальд не стал разгонять в себе панику.

– Я уверен они пошлют кого-то с новостями в другие города. Путь открыт. Не обязательно дозваниваться до сих. Кто-то поедет и все расскажет.

– Скальд прав, – согласился Альбедро, – они найдут выход. Этот город еще можно спасти. Даже без мэра и... Ксавьера...

Его голос потух.

Всем стало не по себе. Людо Ксавьер был их другом, верным напарником и товарищем по оружию.

– Мы освободили город от Алойша, а это главное. Теперь никто не помешает людям уехать. Они все окажутся

в безопасности, если уйдут подальше от города. Эвакуация. Именно этого мы и добивались. Лига не успеет добраться до них.

Но дурное предчувствие Скальда подсказывало, что они уже успели добраться...

Перламутр-Бич задыхался от пробок.

Все дороги стояли.

И гудели.

И гул этот поднимался красным шумным облаком над крышами домов. Разносился во все стороны. И был слышен даже на Пляже, покинутом всеми, кому дорога жизнь.

В попытке опустеть, казалось, что город еще больше переполнился людьми.

В машинах опускались окна и открывались двери, чтобы изнутри вырвался жестокий гневный вопль.

Крики стояли на дорогах, перебивая вой гудений.

Все стремились покинуть родные улицы и кварталы. Покинуть свои дома. Оставить все позади. Ради одного – жизни.

Не переставая сигналить, все стояли в пробке. Накапливался гнев. Ярость. Злость. И весь негатив скапливался черным туманом, простираясь на все улицы города.

Такого исхода совет министров не предвидел. Они рассчитывали на скорую эвакуацию. Но не учли человеческий фактор и прочие сложности. Все оказалось совсем не так,

как они планировали.

И исправить эту ситуацию невозможно.

Последние новости породили страх в сердцах людей. Подлинный страх. Страх за жизни близких и свои собственные.

Если даже мэр города не нашел спасения в охраняемом кабинете. То, что говорить о них, простых людях?

Людях, постоянно нуждающихся в защите.

Кто их спасет, если не они сами?

Кто увезет их отсюда?

Кто убережет их от смерти?

Но возможно ли спастись, когда время для спасения уже вышло?

Экраны на стенах высоток загорелись.

Рекламные щиты и электронные баннеры зажглись.

Цифровые билборды ярко мерцали.

Все они показывали одну и ту же картинку – лицо человека со шрамом, одетого в синий пиджак с красным шарфом. Позади него мерцал серый искристый фон.

Незнакомец обратился к ним:

– Жители Перламутр-Бич.

И даже гудение затихло.

Люди покидали свои машины, чтобы увидеть и услышать новое объявление.

– Оказавшиеся в опасности, в шаге от верной гибели, ищущие спасения за чертой города... я чувствую ваш страх. Я вижу его в ваших лицах. В ваших глазах. И он впол-

не оправдан. Ваши страхи обоснованы. Вы хотите сбежать. Укрыться. Спрятаться от опасности. Но вы даже не представляете от чего бежите, верно? Безымянный убийца обезглавил ваших господ. Министр по Безопасности. Начальник полиции. И даже ваш мэр. Все они оказались слабы перед его ликом. Они все понесли наказание за то, что не говорили вам правду. А я готов эту правду вам открыть.

И голос незнакомца звучал на всех улицах, в каждом здании, на каждом экране, в каждом телевизоре.

Не осталось ни одного человека, который бы не видел или не слышал этого обращения.

– Меня зовут Вилиамонт Гринштейн. И вам не выбраться из города. Возвращайтесь в свои дома. В свои комнаты. В свои постели. Уверяю вас, вы можете спать спокойно. Вам не покинуть это место. Перламутр-Бич – ваш дом. И я стану хозяином вашего дома. Границы города стерегут рыбоеды. Когда-то они были такими же людьми, как и вы. Но они стали жертвой экспериментов ваших прежних правителей. Как и я. Справедливость. Где она была все эти годы? От вас скрывали чудовищную правду, люди мои. Ваши власти похищали вас. Стариков. Детей. Сирот. Простых прохожих. Таких, как я. И создавали из них оружие, способное вас контролировать. Способное подчинить вас им. Оружие из людей, созданное с помощью силы из другого мира. Мира, вход в который спрятан на глубине Сапфирового моря. Их желания и стремления управлять вами было слишком велико. Обману-

тые. Оскорбленные. Вы продолжали жить во лжи, во тьме и в страхе. Но я дарую вам новую жизнь. Я беру власть над городом в свои руки. Эти чудовища создали нас для поклонения и подчинения. И теперь мы готовы воздать им по заслугам. Восстановить справедливость. И установить тот режим в городе, который вы сами заслуживаете.

Изображение приблизилось. Теперь все видели лишь одно лицо Вилиамонта.

– Нельзя покидать город. Остальной мир не должен знать о том, что здесь происходит. О ложной опасности, которую путают со спасением. Для вашей защиты я должен принять меры. Никто не покинет город. Рыбоеды не дадут вам это сделать. Их патрули стоят на каждом въезде в город. Все дороги перекрыты. И они будут перекрыты до тех пор, пока мы с вами не восстановим порядок. Все проблемы уйдут одна за другой. Вместе мы придем к новой лучшей жизни. Зло, заселявшее Перламутр-Бич, будет низвергнуто в пучину. Я достану этот корень. И вырву его лично. Я дарую вам лучшую жизнь. И большую свободу, если вы поможете мне. Все ваши требования будут удовлетворены. И все ваши настоящие враги уничтожены. Я лично сделаю море безопасным и открою его. Вас обманывали. Вам нагло лгали, чтобы скрыть правду. И море перекрыли для того, чтобы вы не обнаружили следы зла, которые они оставили на глубине. Чудовищные эксперименты продолжаются. Но я остановлю их. Обещаю.

Изображение показало серые глаза Гринштейна.

Его голос стал более холодным и властным:

– Сегодня я приду к власти. И новая власть воцарится в Перламутр-Бич. Я обещаю вам безопасность. И докажу вам свою верность. Запрет на поедание рыбы снят. Вы снова можете вкушать плоды моря. Возрадуйтесь этому и исцелитесь ото лжи, пропитавшей вас насквозь.

Пауза.

– Грядет новая эра. Перламутр-Бич ждет новое будущее.

Глава 24. Реформы Королевы Морских Сердец

Стеклянную письменность освоить оказалось не так просто, как я думала. Выводить буквы стилосом – кропотливая работа. Не самая легкая, признаюсь честно. Это занятие больше напоминало рисование гравюры из творческих наборов для детей. Я поражаюсь усердию студентов этой Академии. Все свои записи и расчеты они ведут таким образом.

Стекло было особенным. Не знаю, что именно придавало ему столь прочную форму, вероятно, особенности изготовления под водой, но оно не трескалось и не билось. Напротив, чтобы вывести на нем символ стилосом, приходилось покорпеть.

Торопилась ли я? Поначалу – да. Мне хотелось сразу написать как можно больше приказов, чтобы предъявить их Сеере на подпись. Но здравая мысль вовремя меня осенила: нельзя быть столь радикальной. Семь лет этот мир жил по своим принципам и правилам, по жестким законам. Здесь уже установился твердый порядок, поддерживаемый рукой Сееры.

И вот появилась я, его жена, решившая сломать все устои. Не много ли наглости? Подумав об этом, я решила продвигаться малыми шагами. Зато пусть они будут твердыми. Ес-

ли бы я предложила Сеере список всех реформ, которые я хочу провести, в одном приказе, то как бы он среагировал? Конечно, мне пришлось бы долго спорить с ним и обсуждать каждый пункт. Бороться за весь приказ. И если ему что-то не понравится – он отклонит все предложения.

Именно по этой причине двигаться стоило постепенно. Ненавязчиво. Но уверенно. И я начала свой путь к заветной цели.

Я решила начать изменения с Одда. Поскольку многие проблемы Академии крутились вокруг Омута, а Сеера настоял на том, чтобы я не вмешивалась в их дела, то с проблемами студентов и преподавателей придется повременить. Тем более простые люди в городе больше нуждаются в скорейших переменах, на мой взгляд. Их жизнь ужасна, и я обязана это исправить.

Начнем с мелочей.

– Что ты мне принесла?

Сеера отвлекся от своих дел, оторвался от письменного стола и взглянул на меня. Я протягивала ему первый приказ, начертанный на стекле.

– Я хочу помочь шахтерам в рудниках, Сеера. Ходила в город и узнала, в каких условиях они работают. Дорогой, так нельзя.

«Дорогой» – фу.

Но это то, что он хочет слышать от меня.

– В чем дело?

Нахмурившись, Сеера взял в руки стеклянный лист и прочитал текст, написанный ужасным почерком. А вы сами попробуйте писать иглой по стеклу!

– Так и зрение можно испортить. К тому же, они могут пропустить много кварца, если не увидят его. А это уже убытки в нашу сторону. Им необходимо больше освещения. Нужно занести в рудники больше фонарей. И работать им всем станет гораздо комфортнее.

Он перечитал приказ и обдумал мое предложение.

– Хм, а ты права, милая. Нельзя позволить им пропускать залежи кварца. В последнее время нам требуется больше стекла. Отлично придумано! Я принимаю твое предложение и подпишу твой указ. Так держать, любимая.

Сеера своей рукой оставил подпись в моем приказе о новых источниках света в рудниках.

Получилось!

Так и началась моя карьера в Академии. В этот мир придут мои реформы, которые перевернут все с ног на голову. Самое главное – войти в доверие мужа. Я должна его обождать, любить и всячески демонстрировать это. Я сведу его с ума. И тогда он не сможет мне отказать. Он должен увидеть во мне женщину, которая любит его, обожает и боготворит. Которая готова поддерживать его, заботиться о нем.

Я справлюсь.

Это совсем не сложно, если захотеть. И более того – если понимать, ради чего это делается.

– Милый, есть еще одна проблема на шахтах.

– Я слушаю.

Я издала новый указ.

– Шахтеры спускаются все ниже. И чем глубже пещеры, тем опаснее твари, обитающие там. Нападения случаются все чаще. Работники травмируются. И даже погибают. Мы теряем рабочую силу. И те, что пострадали, работают не так усердно. Их производительность падает. Понимаешь?

– И что ты предлагаешь?

– Построить у шахт лазареты. У работников должно быть место, где они смогут получить медицинскую помощь. У них должны быть больничные листы.

– И тогда они будут днями лежать в лазаретах!

– А чтобы снизить травмы, их нужно обеспечить средствами защиты. Я все придумала. Самое простое рабочее оружие, которое они смогут применить против опасных хищников глубин. Быть может, они даже найдут там кого-то, кого можно использовать для экспериментов в лабораториях. Что скажешь?

– Выдать шахтерам оружие? Ты уверена в этом?

– Да, дорогой. Это просто необходимо. Работники должны чувствовать себя в безопасности. Залог успешной производительности – условия труда. Они должны быть соответствующими. Тем более так они увидят поддержку со стороны Академии, и доверие к нам возрастет. Это пойдет на благо всем.

Сеера задумался. В эти моменты мне становилось неспокойно. Как мне убедить его принять приказ, если он станет возражать?

– Ты права, Айседора. Нас должны уважать. Они должны чувствовать нашу поддержку. И работать станут лучше.

И его рука подписала второй указ о постройке лазаретов, выдачи больничных листов, а также оружия и снаряжения.

Дела шли в гору. Я становилась все смелее в своих приказах. Набравшись смелости, я взялась просить у Сееры повышения оклада, новых отпускных, обеда, изменения графика.

Заметив, что новые, более радикальные решения, даются ему непросто, я прибегала к уловкам и хитростям. Пока он читал приказы, я мяла ему плечи. Делала массаж. Целовала в шею и щеки. Обещала поужинать с ним вдвоем.

И сдерживала каждое слово.

Сеера сдавался под моим нежным натиском. И делал то, о чем я его просила – подписывал указы.

Один за другим. Один за другим.

Со временем шахтеры получили все, о чем только могли мечтать и даже больше. График изменился. Их стали кормить. Зарплаты возросли. Отпускных стало больше. В пещерах появился свет. Все работники оснащены снаряжением для самообороны в случае столкновения с опасными существами.

Появились новые рабочие места: целители в лазаретах, повара в рудниках. К работе пристроили женщин. Это пода-

рило возможность семьям получать еще больше денег. Ведь теперь при деле оказывались все – вся семья.

Кроме того, появились премии. Это еще больше стимулировало рабочих трудиться. Теперь за количество добытого кварца они получали премиальные надбавки. Кроме того, я издала приказ о социальных пособиях. Это окончательно избавило Одд от всех недовольств.

Сома стала работать в лазарете. Оклады возросли. Условия труда стали лучше. И я узнала, что производительность улучшилась – поставки кварца в Академию увеличилась. Мои реформы давали полезные результаты. Мы не только давали что-то людям, но и получали взамен.

– Айседора.

– Ты меня звал?

– Да, милая, подойди ко мне. У меня для тебя кое-что есть. Взгляни.

Сеера протянул мне стопку стеклянных листов.

– Что это? – не поняла я.

– Письма от жителей города. С благодарностями. Они решили устроить праздник в твою честь. С твоими реформами их жизнь стала гораздо лучше. И мы стали получать больше прибыли, а это очень важно. Я благодарен тебе за это.

Письма.

Мне писали все. Даже Джайлз!

Они любили меня и были мне благодарны. В тот вечер по всему Одду разносилась веселая музыка. Они танцевали. И

даже устроили настоящий пир на площади.

Праздник в мою честь.

Они благодарили меня, свою Королеву.

Королеву их Сердец.

Однажды, когда я наконец пришла с первым приказом об изменениях работы Академии, я застала в садах декана Мунлеса. Он разговаривал с Сеерой обо мне. Спрятавшись в зарослях, я подслушала их разговор.

– Но мой повелитель... в нашем мире годами существовал установленный вами порядок. Вы лично прописывали все законы и правила. Создавали устои. Традиции. И теперь ваша жена все меняет. Подумайте...

– Не забываетесь, декан Мунлес. Вы верно подметили, она – моя жена. И я ей доверяю.

– Но она из другого мира. Она пробыла у нас всего несколько дней. Не забывайте, что она начинала жить здесь, как пленница.

– Милантэ Мунлес, то время прошло. Айседора – Королева. И она твоя Королева. Не забывай об этом. Лучше позаботься о своих обязанностях. Я лично контролирую каждый ее шаг.

– Лорд Сеера, люди ее поддерживают. На ее стороне все больше сторонников. На ее, а не на вашей, господин...

– И что с того? Я рад, что мою жену любят. Рад, что жители Одд боготворят свою Королеву. К тому же ее реформы принесли нам плоды. Видимо, я сам был где-то строг с рабо-

чими в шахтах. Следовало сразу сделать им щадящие условия. И тогда бы они давали нам больше добычи. Сейчас работа идет с небывалым усердием. Эти послабления не расслабили рабочих, а стимулировали. Теперь не будет восстаний, о которых ты мне так часто говорил, готовый их подавить. Бунта не будет. Они любят Айседору. Ей пишут письма. В ее честь устроили праздник. Я знал, что с ее появлением наша жизнь наладится.

– Повелитель, как вам будет угодно. Я просто предупреждаю.

– О чем, Мунлес? Скажи мне прямо. О чем ты хочешь меня предупредить?

Декан какое-то время молчал. Он не решался прямо сказать о чем-то Сеере. Но потом я услышала:

– О том, что она может занять ваше место, повелитель.

Ох, и зря ты так, Мунлес! Ох, и зря!

– Декан Милантэ.

Голос Сееры прозвучал грозно и холодно, словно на дне океана раскололся ледник.

– Немедленно возвращайтесь к своим обязанностям и не смейте впредь являться ко мне с критикой политики моей жены. Вон отсюда.

– Э-м...

– Ты еще здесь?

– Повелитель. Прошу.

И раздался шелест змеиного хвоста. Милантэ направился

к выходу из сада, и я смело вышла ему навстречу.

– Ах, Ваше Величество, – он поклонился.

– Декан Мунлес. Вы что-то хотели?

– Я уже ухожу.

– И зачем же вы приходили? Мне интересно.

– Мы с Лордом Сеерой обсуждали дела Академии.

– Вот как. Интересно. Я как раз иду к нему со своим новым предложением.

Мунлес взглянул на приказ в моих руках.

– Новая привилегия для шахтеров?

– Ох, нет. Шахтеры наконец всем довольны. Их жизнь наладилась моими усилиями. Удивительно, что вы не додумались до этого раньше. В этом приказе речь пойдет о нас с вами, декан Мунлес. О нашей Академии.

– Академии? И что же вы придумали?

– Не беспокойтесь. Скоро вы все узнаете.

Он смерил меня пытливым взглядом. Я видела, как Милантэ недоволен тем, что я делаю. Он до сих пор не может смириться с моим присутствием в Академии. А ведь сам меня когда-то привел к Сеере. И наверняка уже тысячу раз пожалел об этом. Он проклинает меня, ненавидит. И ничего не может сделать, потому что Лорд Сеера на моей стороне.

У меня – самая сильная поддержка. Не только Лорд Сеера, а теперь еще и весь город. Скоро на мою сторону перейдет Академия. И тогда мы посмотрим, кто победит.

– Мне уже пора, Ваше Величество. Омут ждет.

– Разумеется, декан Мунлес. Ступайте.

Он откланялся и исчез с глаз моих.

Я вошла в наши с Сеерой покои и встретила его за работой.

– Милая! Я слышал, ты встретила декана Мунлеса?

– Ах, да. Пересеклись с ним сейчас в коридоре. Зачем он приходил?

– Пустяки. Милантэ – тот еще консерватор. Он пока не понимает, что все твои предложения делают нашу жизнь только лучше.

– Что ж, ему придется принять это.

– Не беспокойся о нем. Я с ним еще поговорю. Уверен, он изменит свое отношение к тебе.

Не изменит. Мы стали врагами.

– Милантэ работает на Омут, а у меня с ними нет никаких отношений. Пока это не изменится, мы не сможем наладить контакт.

Сеера тяжело вздохнул, обдумав мои слова.

– Хм, должно быть, ты права. Ладно, подумаем об этом позже. Что у тебя есть? Еще один пакет пособий для шахтеров? Или повышение оклада лазарета? Я готов все подписать.

Эти слова стали для меня бальзамом. «Я готов все подписать» – то, что мне нужно.

– Нет, милый, на этот раз я пришла с кое-чем новеньким.

– Новеньким? Дай-ка взглянуть.

Я передала ему лист с указом.

– Видишь ли, дорогой. Я тут поинтересовалась делами Академии. Поговорила со студентами. Эта Академия названа в честь моей матери. И я хочу, чтобы это место стало престижным. А в престиже очень важны условия, в которых проводится работа. Мы должны соответствовать справедливым стандартам. Я хочу, чтобы в Академии, названной в честь моей матери, все чувствовали себя комфортно. Я не могу позволить, чтобы чьи-то права ущемляли.

– Ущемляли? Права?

Зайдя к нему за спину, я начала массировать плечи. Наклонилась ближе и подарила ему свой поцелуй в шею.

– Милый, это ведь ничего не стоит для тебя, верно? Твой Омут не будет лишен никаких привилегий. Я просто хочу, чтобы остальные студенты не чувствовали себя ущемленными.

– А они себя так ощущают?

– Я узнала про их учебу, про их досуг. И про их отношения с Омутом. Поверь, если бы я оказалась на их месте, то так бы себя и чувствовала. Я понимаю, что Омут очень важен для тебя. И для политики. Для войны. Но это не должно иметь влияние на остальных. Мы не можем позволить развиться войне и в стенах Академии.

– Война в Академии? О чем ты?

– Если ничего не предпринять, то... недовольства только усилятся.

– И что ты предлагаешь?

Сеера внимательно прочитал указ.

– Ты хочешь... уравнивать стипендии? И открыть библиотеку. Кухня, общий стол... так-так... Отработки?

– Все должны находиться в равных условиях, дорогой. Это несправедливо по отношению к остальным. Почему студенты Омута не должны отрабатывать занятия?

– Одинаковые образцы для всех?

– Омут получает лучшее из лучшего. И большая часть проектов остальных студентов страдает от того, что им достаются бракованные образцы.

– Так, чего я еще не знаю?

– Декан Милантэ дает очень мало времени на то, чтобы преподаватели и студенты успели убрать свои лаборатории. Рабочий день должен заканчиваться для всех одинаково. Если Мунлесу нужно попасть в Перекрестки в нерабочее время – пусть просит разрешение у вас.

Да, в этот раз набралась смелости и предъявила сразу целый ряд требований.

– Дорогой, я очень хочу, чтобы все в нашей Академии чувствовали себя хорошо. Понимаешь? И учеба пойдет на лад. И проекты станут качественнее. Это все в наших же интересах.

Новый поцелуй в щеку.

– Чего тебе это стоит? Что изменится для тебя? Да, ничего! А ребята будут рады и благодарны нам с тобой за то, что

мы думаем о них. Авторитет. Это очень важно. Я лично займусь этими делами и все проконтролирую. Ты и так очень много сделал для города. Позволь мне заняться Академией моей матери.

Мои слова действовали. С каждой фразой я получала все больше авансов доверия от своего мужа.

– Конечно, любимая. Конечно. Раз ты так хочешь, то я разрешаю.

Его тонкие белые пальцы взяли черный стилос и вывели на листе приказа красивую подпись.

Утверждено лично Лордом Сеерой.

– Ах, милый! Давай сегодня вечером проведем время вместе? Я понимаю, что ты испытываешь ко мне лишь эмоциональную любовь. Но я – человек. И я женщина. Уверена, тебе понравится. Что скажешь?

На что я иду?

Нет, я не собираюсь спать с ним. Достаточно будет простых объятий и поцелуев. Я и так засыпаю с ним в одной постели каждую ночь.

Лорд Сеера не такой тиран, каким он мне казался в самом начале. Ради любви ко мне он идет на многие уступки. Он, правда, любит меня. Искренне. В отличии, от меня. И я пользуюсь его любовью.

Жестоко ли?

Чудовище ли я?

Но я всегда помню, во имя чего это делаю. И я не собира-

юсь сдаваться.

Нужно идти до победного конца.

– Ты, правда, этого хочешь, Айседора?

– Да, конечно.

Я обняла его крепче, сжав руки на груди, прижавшись к спине.

– Мы все-таки муж и жена. Не будем забывать об этом.

– Мне приятно это слышать от тебя.

Он повернулся лицом ко мне и поцеловал в губы. Даже его поцелуи казались мне приятными и нежными. Я перестала испытывать к нему всякое отвращение.

Образ Лорда Сееры изменился в моем представлении. Он стал гораздо мягче за прошедшие дни. Сеера все чаще думал обо мне, а не об Омуте и декане Мунлесе.

Конечно, Милантэ такое положение дел совсем не устраивает. Плевать! Я готова сражаться с ним за внимание Сееры.

Кого слушает ректор, тот и правит Академией.

Я нашла эту троицу в столовой.

После издания моего первого указа по делам Академии, все в коридорах встречали меня с счастливыми улыбками. И студенты, и профессора. Они кланялись мне, повторяли «Ваше Величество» и улыбались. И улыбки эти были искренними. Если раньше приветствие было для них проявлением уважения и почтения ко мне, как к Королеве, то сейчас оно превратилось в благодарность за мою работу.

Я изменила жизнь Олда. И готова изменить их жизнь в Академию.

Очень скоро все здесь изменится.

– Мелисса, Эш, Винтер, добрый день.

Троица, увидев меня, быстро вскочила и произнесла в раз-
нойбой: «Ваше Величество», – не забыв поклониться.

– Сидите, сидите, я к вам.

Я села рядом.

– Как вы? – спросила я.

– Потрясающе! – обрадовался Винтер. – Теперь нам разрешили есть блюда, которые готовили только для Омута.

– И стипендию повышенную выдали! – похвасталась Эш.

– А еще нам наконец открыли доступ ко всем разделам библиотеки, – ответила Мелисса, – с помощью новых знаний, которые прежде были доступны только Омуту, мы сможем найти способ улучшить наши проекты. То же самое касается качественных образцов червей. С ними мы скорректируем и дополним различные характеристики. Наши проекты только станут лучше. И нам самим постоянно не терпится все испытать и попробовать. Это великолепно. Ваше Величество, мы вам очень благодарны. Вы сдержали свое слово. И уже очень многие студенты и преподаватели на вашей стороне. Они не только поддерживают вас, но и искренне любят вас за то, что вы делаете. Конечно, только Омут всем недоволен. Но они вечно недовольны!

Мне стало так приятно и непривычно от осознания того,

что меня любят те, кто совсем не знает обо мне ничего. Но они видят, что я для них делаю. Они понимают, к чему я их веду. И они ждут того дня, когда я получу все, что хочу – когда приду к своей цели. И за свою верность они получат достойную награду – возвращение домой.

– Спасибо, ребята, что оказываете мне поддержку. Можете передать всем студентам и учителям, что я на их стороне. Это только начало. Как Королева, я продолжаю проводить реформы. Думаю, все вы знаете, как изменилась жизнь в городе. Скоро изменения произойдут и здесь. Я уже готова предоставить Лорду Сеере приказ о разрешении вашим родителям навещать вас в Академии один раз в неделю. Думаю, такие условия его устроят. И вас тоже. Родительский день.

– Вау! – воскликнул Винтер. – Было бы замечательно!

– Да, завтра я непременно этим займусь. Полагаю, этим останется доволен даже Омут. Не декан Мунлес, конечно, но студенты. Как думаете?

– Конечно, – кивнула Эш, – им тоже хочется видеть родителей здесь. И запрет на посещение Перекрестков ничего не меняет. Это все еще отличная новость для всех!

– Вот и славно. Я очень этому рада.

Пришло время переходить к делу.

– Ребята, у меня есть для вас важное задание.

Они наклонились ко мне ближе, а я заговорила тише.

– Я хочу, чтобы вы стали моими ушами и глазами в Перекрестках. Постарайтесь выведать информацию о делах Омут-

та. Я должна знать, что они вытворяют. У меня нет доступа к их лабораториям. Но мне необходимо знать, что готовит декан Мунлес для Лорда Сеера. Какой у них проект? Если вам что-то будет известно, то тайно сообщите мне. Я не хочу подвергать вас большой опасности. Не говорите о своем задании никому. Даже профессорам Орсине и Сагу. Это должны знать только вы и никто больше. Поняли?

Троица задумчиво обменялась напряженными взглядами. Мне это сразу не понравилось. Неужели моя просьба слишком сложная и опасная?

– Что такое?

Ответили они не сразу.

Слово взяла Мелисса.

– Дело в том, что...

Она сглотнула.

– ...нам удалось узнать название главного проекта Омута. Мы не знаем, что это значит. И хотели пойти в библиотеку. Возможно, там найдутся ответы.

– Название проекта? Ох... и как вы узнали? Нет, не говорите ничего! Это не имеет значения. Молодцы. Так, что это за проект?

Мелисса наклонилась ко мне ближе и шепнула на ухо всего одно слово.

Стоило моргнуть, как передо мной появился огромный морской змей.

Глава 25. Возвышение Призраков

Высокие красные стены тонкими тканями устремлялись вверх и исчезали среди звездного неба. Шахматная доска с крупными клетками служила полом. С одной стороны в каменном камине трещали бревна, их поедало алое пламя. А напротив, за кровавыми шторами на всю стену, от самого пола и до самых звезд, на всю бесконечную ширину, растягивалось окно, из которого открывался панорамный вид на Перламутр-Бич с высоты птичьего полета.

В бесконечной зале стоял стеклянный круглый столик, а вокруг него – два бархатных красных кресла. Все остальное – пустота.

Вилиамонт Гринштейн подъехал в инвалидном кресле к окну и посмотрел на город, неукротимо затапливаемый дождем.

– Он мой.

Эвр стояла у камина, не решаясь приблизиться к Вилиамонту. Они ожидали появления гостя, который расчистил им дорогу к власти.

– Это свершилось. Перламутр-Бич принадлежит нам, Эвр. Старания Алойша не были напрасны. И смерть Присциллы Пирс тоже. Мы свое получили. Мы взяли то, что хотели взять. С этого дня город и его люди лежат у нас в ногах. Как я и обещал тебе, Эвр.

Она нерешительно двинулась в его сторону.

– Очень много усилий, – произнесла она.

– Что-что?

– Кхм... нам потребовалось очень много усилий, чтобы получить город в свои руки. И много жертв.

– И оно того стоило, не так ли? Число рыбоедов с каждым днем множится. Люди так и не поняли, что происходит на самом деле. Очень скоро в Перламутр-Бич не останется ни одного свободного человеческого разума. Вся их воля будет принадлежать только мне.

Эвр встала у него за спиной. Ее руки сами потянулись к его плечам, но замерли на полпути. Она помнила, как он отверг ее нежные касания в прошлый раз. И она боялась снова получить тот же ответ.

Ее руки беспомощно упали. А в глазах заблестели слезы.

– Ты рада, Эвр?

– Конечно. Мы же так долго мечтали об этом! С того самого дня, как нас привели в лаборатории и заперли за стеклом. Мы лелеяли нашу мечту – взять верх над Перламутр-Бич. И отомстить за все то, что они сделали с нами. Они владели нашими жизнями, как игрушками. Они лишили нас воли и свободы. Теперь же мы сделаем с ними то же самое.

– Верно. Они сами не осознали, какое оружие создали. Оружие, восставшее против них самих. Эта ошибка им дорогого стоила. Они оплатили сполна. За свою гордыню. И свою глупость. Самонадеянность, Эвр, ни к чему хорошему

не приведет. Здесь нужен деловой подход. Понимаешь? Точный расчет. Очень холодный и прагматичный. Без него ничего нельзя добиться. Если действовать необдуманно, если рваться в бой, сломя голову, ты просто умрешь. И не получишь ничего. Главный залог успеха: терпение и своевременные четкие шаги. Каждый шаг должен приносить результат и открывать возможности для следующего шага. Так мы с тобой и поступили, моя Эвр. Шаг за шагом мы двигались к заветной цели. И вот наконец получили ее.

Эвр не сдержалась. Она сделала еще один шаг и встала по правую руку от Гринштейна. Эвр опустила ладонь на его плечо.

– Здесь так красиво...

– Нравится? Я очень хотел сделать все изящно и со вкусом. Это тайное измерение. О нем никто не знает, кроме нас и...

– Карателя? Как он придет сюда?

– Не волнуйся. Я оставил ему портал, через который он сможет пройти. Главное одно – наши враги нас не найдут. Мы остались неуловимы и незримы для них. Мы были и остаемся Призраками Перламутра. Самыми настоящими.

Ее пальцы крепче сжали плечо Гринштейна. Вилиамонт повернул голову вправо и взглянул на ее ручку, ничего не сказав.

– Но наши враги еще живы. Они не повержены. Они не дремлют. Верховная Матерь просит тебя заняться Скальдом.

Справишься? Сможешь его найти?

– Это не составит для меня большого труда. Если Верховная Матерь так повелела, то я с великой радостью выполню ее волю.

– Вот и славно. Не подведи меня в ее глазах. Из всех Призраков, созданных «Хароном», остались мы с тобой. И мы не можем проиграть теперь, когда вся власть над городом принадлежит нам. Скоро оружие Сееры будет готово, и у нас появится щит. Самое могущественное оружие из всех, что было когда-либо создано. С его помощью мы окончательно утвердим свою власть в городе, и никто не посмеет противиться нам.

– Время близится?

– О да, Эвр. Оно близится. Со дня на день мы полностью установим свою диктатуру в Перламутр-Бич.

И в камине вспыхнуло пламя.

Портал открылся, и в измерении появилась новая живая душа.

– Он пришел.

Несущий Погибель прошел вперед и остановился рядом со столиком.

– Присаживайтесь, Каратель. Присаживайтесь. Эвр, разверни меня.

Эвр взялась за ручки кресла и развернула Гринштейна лицом к гостю. Каратель уже сидел в бархатном кресле, сложив ногу на ногу. В руках он держал два черных искрящихся

клинка, скрестив их в воздухе.

– Добро пожаловать в нашу новую Обитель Призраков, Несущий Погибель, – обратился к нему Гринштейн, – как вам наши владения? Как интерьер?

Каратель осмотрелся. Его взгляд остановился на ночном звездном небе, служившим потолком.

– Здесь весьма... мило, – ответил Каратель, – очень приятная атмосфера. Смотрю, вы любите минимализм.

– Просто и со вкусом, как всегда, совершенно верно. Очень рад, что вы смогли по достоинству оценить наши новые покои.

Эвр подвезла кресло ближе к столу.

– Итак, я сделал свою работу. Что-то еще от меня требуется? – спросил Каратель.

Гринштейн не сдержал довольно улыбки.

– Вы сделали больше, чем достаточно. Вы избавили город от властей и защиты, позволив нам совершенно беспрепятственно занять это место. Мы с Эвр вам очень благодарны. Правда. Передавайте от нас великую благодарность Лорду Сеере и Верховной Матери. Ваша заслуга неоценима. Поверьте, без вас мы бы еще долго сражались за власть в городе. Но с вами... все случилось за считанные дни. Я бы даже сказал: часы. Потрясающе. Великолепная работа мастера! Вы были неуловимы. И непоколебимы в принятии правильных решений.

– Убивать – моя работа.

– Несомненно.

Эвр подвезла Гринштейна к столику, а сама прошла в соседнее кресло. Оно оказалось слишком велико для ее миниатюрной фигурки, а потом Эвр провалилась глубоко в бархат.

– Вы слышали мою речь? – полюбопытствовал Гринштейн у Карателя. – Что скажете?

– Сомневаюсь, что они поверят.

– Вы так думаете?

– Вы выдали им слишком много жестокой правды. Люди растеряны и напуганы. Они не знают, чего ожидать. Они не знают, что им делать. Вероятно, найдутся те, кто будет верен вам. Но я не исключаю появление смутьянов. Нельзя так просто убедить весь народ в своей правоте и исключительности. Так или иначе, вы заняли власть незаконным образом. Всвязи с этим, у вас появится ряд насущных проблем. Восстания. Мятежи. Сопrotивления.

Но у Вилиамонта было иное мнение на этот счет.

– Мой дорогой друг, не имеет никакого значения то, во что они верят. Не имеет значение и их верность мне. Я не этого хочу. Эти люди не заслуживают никакой свободы. Они созданы, чтобы слепо и верно мне подчиняться. Я у власти, а это главное. Их вера в мои слова не играет для меня никакой роли. Я не потерплю... людей. Понимаете, Каратель? Да, все дело именно в этом.

– То есть вы хотите...

Гринштейн дал гостю шанс продолжить ответ.

– Вы хотите... превратить их всех...

Вилиамонт мягко кивнул.

– В рыбоедов?..

Гринштейн не сдержал восторга и громко хлопнул.

– Потрясающе, не правда ли? Став рыбоедами, они начнут неукоснительно выполнять любые мои приказания. Что я получу? Все! Обслуживающий персонал, слуг, подхалимов и армию, которой я могу управлять. Все, что мне нужно, в одном флаконе! Мне не нужны люди. Я не желаю с ними возиться. Люди... слишком лживые. Непостоянные. Непреданные. Ненадежные. Понимаете? Рыбоеды – совсем иное. Когда все жители Перламутр-Бич распрощаются со своей волей, тогда-то для меня наступит абсолютная и безоговорочная победа.

Эвр знала об этом плане уже давно. Разумеется, Гринштейн не выносил свой истинный замысел за пределы Обители Призраков. Алойш и Присцилла также знали о намерениях Вилиамонта. Лига оставила Лорда Сеера с глубокой убежденностью в том, что они желают править Перламутр-Бич, заселенном людьми.

Но это не так.

– А посему я прошу вас, Каратель, об одной услуге. Самой последней.

– Я слушаю.

– Когда вернетесь в Академию, передайте Лорду Сееру мое прошение. Скажите, что мне нужно больше рыбы. Очень

много рыбы. Каждый житель города должен ее отведать. Они все станут рыбоедами, потому что я так хочу.

Несущий Погибель ответил Вилиамонту вежливым кивком.

– Как прикажете, Вилиамонт Гринштейн. Полагаю, для меня ваша просьба не составит трудностей в исполнении.

– Это ведь куда проще, чем убивать, верно?

– Разумеется.

Эвр ждала.

Она терпеливо выжидала, когда Гринштейн наконец получит все желаемое, когда удовлетворит все потребности, когда исполнит все задуманное.

Когда наступит тот день. Когда власть Гринштейна станет беспрепятственной и вездесущей. Когда он сможет вдохнуть полной грудью и расслабиться, получив все, что хотел.

Тогда она возьмется за дело.

И любовь Гринштейна будет принадлежать лишь ей. За нее она сражается. За нее она готова умереть.

А пока... Эвр просто ждет.

– Скальд, тебе нужно выспаться.

– Я не могу спать, Элен. Просто не в силах уснуть, зная, что случилось. Призраки захватили город. Они получили то, что хотели. Враг окружает нас со всех сторон. Нас зажимают в тиски, Элен. И на суше, и на воде. Мы зажаты в угол. И все, что мы можем – беззащитно барахтаться.

– Нет, Скальд, не говори так. Мы все сумеем преодолеть. У нас больше семиотиков. Призраков осталось всего двое: Гринштейн и Эвр. Их когда-то был целый квартет, а теперь лишь дуэт. Мы победили двоих из них...

– Да, и для победы над Алойшем нам потребовалась целая армия полиции. Теперь даже Ксавьер не может нам помочь.

– Скальд, без твоих рук мы бы не победили. Какая бы сила в них ни таилась, они способны сокрушать самых сильных и особенных Призраков. Я, Альbedo, Хоакин, Айседора, Энтони – мы все прикроем тебя. И ты нанесешь последний удар, Скальд.

– Элен. Нас слишком мало, и ты это понимаешь. Что мы можем? Жалкая горстка людей против маньяков с потусторонними силами.

– Ты сам уже завалил двоих таких маньяков, Скальд. Это сделал ты. Ты убил Присциллу Пирс после того, что она с тобой сделала. Ослабленный, израненный. У тебя хватило сил, чтобы ее победить на издыхании со всей ее магией и могуществом! Ты одолел Алойша в то время, как в его распоряжении оказалась субстанция, из которой он создавал личную армию. Ты его задушил голыми руками! Скальд. Ты не понимаешь, о чем говоришь. Мы не жалкая горстка простых людей. Мы – Печати. И ты стал одним из нас. Задача Печатей – бороться с этим злом и закрывать порталы. Все, что нам нужно – спуститься в Пепельные Глубины и запечатать Проход.

– Элен... ты не видела, что там, на дне...

Она резко замолчала, поджав губы.

Скальд наклонился к ней ближе и взял ее за руку, проведя большим пальцем по тыльной стороне ее ладони.

– Там целый город. Город под названием Одд. И там живут существа, которых ты даже представить себе не сможешь. Наполовину – люди. Наполовину – рыбы или другие морские обитатели. У них есть жабры, плавники, щупальца. И такие глаза... большие и круглые, с двумя вытянутыми тонкими вертикальными кошачьими зрачками. Они работают в шахтах и добывают кварц для Академии. А Академия... огромный коралл. Настоящая башня. Нет, замок! И над ним парят гигантские скаты. И в этой Академии живут студенты и преподаватели, которые создают из морских обитателей страшные оружия. Грозных существ, чье предназначение – убивать. Они готовят армию против нас, против поверхности. Против всех тех, кто будет сопротивляться власти Призраков. Это их союз. Лига и Академия. Два звена огромной цепи, которая сковывает нас и сдавливает все сильнее с каждым днем. И во главе Академии стоит ректор, Лорд Сеера, о силе которого мы ничего не знаем. Но знаем то, что именно из-за него появились рыбоеды. И лишь у него есть доступ к лифту, способному привести в Глубины Пепла, где спрятан Проход, который ты хочешь закрыть. Элен.

Она с болью и отчаянием взглянула на него.

– Неужели, ты думаешь, что у нашей четверки есть хоть

шанс против этой силы? И не забывай, кто стоит над всеми. Над Лигой. Над Академией. Кто тянет за ниточки и управляет Гринштейном и Лордом Сеерой?

Элен не могла произнести ни звука.

– Верховная Мать, где бы она ни скрывалась, всегда рядом. Она следит за каждым их шагом. За каждым нашим шагом. И оказывает своим последователям поддержку. А кто поддерживает нас? И что у нас есть? Только мечи и сила в моих руках, о которой я ничего не знаю? А Призраки уже пришли к власти над городом и...

Она не дала ему закончить. Элен не сдержалась и выпалила:

– Скальд, не делай этого! Не сдавайся. Я не могу больше слушать твои слова. Это невыносимо. Я так хочу поправиться. Я так хочу, чтобы мы вместе спустились на дно и спасли Айседору и Энтони. И вернулись... и победили всех врагов! Скальд, я прошу тебя... не думай о том, что нам конец. Не начинай верить в это. Ты не такой. Я же вижу. Ты – доктор. Врач, который никогда не сдается и борется за жизнь каждого пациента до конца. Ты не теряешь надежды и пытаешься вытащить людей с того света. Разве нет? Разве не ты в своей работе борешься с клинической смертью, когда человек уже одной ногой в том мире? И ты возвращаешь их. Ты даешь им шанс жить. Еще раз. Как ты сейчас можешь говорить мне все это, не попытавшись бороться? Скальд, у нас есть шанс. Давай проведем искусственное дыхание. Давай сделаем непря-

мой массаж сердца. И вытащим этот мир с того света.

Он видел в ее глазах слезы. И чувствовал, как его собственные глаза наполняются влагой.

– Ты должен верить в жизнь, Скальд. Верить в спасение. Верить в успех, который может прийти в самый неожиданный момент. Верить в шанс, которого мы достойны. Жизнь щедра на шансы, Скальд. Нам не нужна армия, чтобы одолеть их. Мы сами – армия. Верь, Скальд, мы найдем выход. Мы найдем оружие, способное одолеть их всех! Не только у них будут козыри в рукаве. Они не знают, с кем столкнулись. Они столкнулись с врачом, который всегда боролся с Алым Воплем. И не сдавался. С врачом, который верит, что его сын еще жив. С врачом, который никогда не сдается без последнего боя. С врачом, который может вернуть жизнь в тело, в которое уже вошла смерть.

Элен перевернула ладонь и взяла Скальда за руку, сжав его пальцы так сильно, как она могла.

– С таким противником им не справиться, Скальд. С тобой им не справиться. Они еще не видели, на что ты способен. Если ты голыми руками удавил Призрака, против которого не сработал семиотик, это о чем-то говорит. Ты сильнее их, Скальд. Сильнее их всех вместе взятых. И тебе есть, за что биться. Нат ждет тебя, Скальд. Он ждет, когда ты спасешь его. Я это знаю. Слышишь? Я это знаю. И ты это знаешь. И я хочу, чтобы вы встретились. Чтобы ты снова увидел своего сына, Скальд. Я хочу увидеть, как ты обнимаешь его.

И поверь, Скальд, я сделаю для этого все, что в моих силах. Я хочу быть, как ты, Скальд. Я также хочу научиться возвращать людей во время клинической смерти. И я хочу вернуть тебя. Вернуть тебе надежду в нашу победу. Нам будет непросто. Будет тяжело, но я точно знаю – мы справимся. Ты с нами. И Айседора. Альбеда. Хоакин. Энтони. Мы вместе. Мы все сможем. И Матео с Беатрис. Они тоже с нами.

Скальд оглянулся и увидел Матео с Беатрис, лежащих в спальных мешках прямо на полу кабинета. Они спали лицом друг к другу, и их пальцы едва соприкасались.

– Элен...

– Знаешь, почему я так говорю? Знаешь, почему я так верю в тебя? Потому, что я видела тебя там, Скальд. Я видела, как ты пошел на Алойша, размахивая семиотиком и сокрушая каждую его атаку. Ты ничего не боялся. Ты знал, что полицейские не в силах тебе помочь. Ты знал, что никто из нас не может тебе помочь. Ты даже знал, что семиотик не сможет сразить Алойша. И что ты сделал? Ты не сдался. Шанса не было. Ты не знал о своей силе в руках. Ты продолжал идти. Ты продолжал сражаться до самого конца. И победил, Скальд.

Он вытер слезу, скатившуюся по ее щеке.

– Ты заставил меня поверить в себя. И теперь я хочу, чтобы ты снова сам поверил в себя самого. И никакая опасность нам не страшна. Слышишь? Пока мы вместе. Лига. Академия. Верховная Матерь. Да хоть сам ад вторгнется на поверх-

ность – мы победим. И я верю. И только это помогает мне биться дальше. И не сдаваться. Будь, как я Скальд. Я верю в тебя. И ты верь в себя.

Скальд не отводил взгляда от ее глаз. Он видел в Элен источник новой силы. Новость о том, что Гринштейн пришел к власти, сильно его подкосила. Он утратил веру в то, что спасти Айседору и Энтони вообще возможно.

Но сейчас Элен возвращала в него утраченную надежду. Ее сила воли не знала равных.

– На самом деле в тот момент, когда я пошел на Алойша один, я подозревал, что у меня может что-то получиться. Когда Присцилла Пирс пленила меня в своей пещере, она пила мою кровь. Она говорила о некой силе, текущей в моих жилах. Она хотела получить частичку ее для себя. Но моя кровь не смогла отравить ее. Но мое касание... прикосновение руками к Алойшу причинило ему боль. И убило его.

– Ты что-то знал, так? Значит... ты подозревал, что в твоих руках что-то есть?

– Да, подозревал. Но понятия не имел, как этим управлять. Или хотя бы представление о том, что это такое. В тот момент я поставил на кон все.

– И не проиграл же! А победил, потому что верил в то, что все еще можно исправить. Не теряй этого чувства, Скальд. Оно нужно нам. Нужно тебе. Без него мы проиграем.

Скальд еще долго думал о словах Элен. Перед сном ее пронзительная речь не выхода у него из головы. Каждое ее

слово. Он запомнил все. Он проговаривал ее слова в своих мыслях, словно прослушивал запись с речью Элен снова и снова.

И с каждым разом его уверенность в самом себе крепла. Победа не казалась ему призрачной и недостижимой. Она становилась реальной, осязаемой.

Мысли Скальда вернулись к Натаниэлю. И с ними он наконец уснул.

Он плыл на волнах.

Скальд лежал на спине и раскачивался. Вода приятно ласкала его тело, волосы, руки, ноги.

Бинты уже размотались, и из ран тонкими струйками в разные стороны побежала кровь.

Солнце клонилось к закату – небо пылало рыжим огнем.

Чувствуя лишь воду и соленый запах, Скальд смотрел в оранжевое небо над собой.

И вот на апельсиновом фоне появился розовый цвет. Что-то круглое. Оно летело в его сторону.

Это был зонтик.

Розовый зонтик из сказки, слова которой сами пришли к нему на ум.

«И вот с неба к нему прилетел зонтик. Мальчик взял этот зонтик и раскрыл его. Подул сильный ветер. И зонтик стал парусом его лодочки-корабля. Мальчик сказал зонтику: «Зонтик, зонтик, отнеси меня к моей маме!». И зонтик по-

нес его в нужную сторону. Но потом ветер угас. И зонтик оказался бесполезен. Мальчик снова остался один».

Что же там было дальше?

Зонтик упал на воду и теперь плавал рядом с ним.

«И вот Мальчик встретил Рыбу. Большую Рыбу. И спросил Мальчик у нее: «Куда мне плыть, чтобы найти свою маму?». И Рыба ответила: «Плыви за мной следом. И я отведу тебя к ней». И Мальчик поплыл следом за Рыбой. И Рыба привезла его на берег. Мальчик вышел из лодки и увидел на берегу женщину. Он мог узнать ее со спины. Мальчик закричал: «Мама! Мама!». Женщина развернулась к мальчику. Да, это было ее лицо. Лицо его матери».

Скальд услышал смех. Детский, девичий, писклявый.

– Скальд! – прозвучал девичий голосок.

Хихиканье.

– Я нашла тебя, Скальд!

И он увидел ее лицо – белая кожа, алые губки, большие голубые глаза и золотистые вьющиеся волосы.

Эвр посмеялась и радостно объявила:

– Теперь ты мой...

Глава 26. Белый червь

Пока Сеера читал приказ, я держала руки на его плечах и покрывала шею нежными поцелуями.

– Что скажешь, милый?

Он подумал, недовольно нахмурился и заявил:

– Исключено.

– Почему?

Встретив сопротивление, я выпрямилась.

– Я не могу пустить простых жителей в стены Академии.

– Почему не можешь? Они же не будут заходить в Перекрестки. А студенты только обрадуются. У них появится возможность показать своим семьям учебные классы или комнаты, где они проводят время. Уверена, это устранил вражду между всеми студентами и Омутом. Ведь в Омуте работают такие же студенты. Им тоже хочется видеть свои семьи, как и остальным.

– Они и без посещения видят свои семьи... дома. Почему ты хочешь пустить их в Академию?

– А почему ты не хочешь их пускать? Чего ты боишься? У тебя и так есть связь с каждым коралловым отростком! Ты все почувствуешь, если кто-то проникнет в Перекрестки. Чужаки не смогут пройти в лаборатории. Это исключено.

– Но ты же прошла как-то, Айседора. Они тоже умеют плавать. Это очень рискованно. Я не могу позволить кому

бы то ни было просто так являться каждую неделю в Академию. Они могут хорошо изучить все окрестности здесь, а потом проникнуть в Перекрестки. И выкрасть... что-нибудь, что смогут использовать против нас.

– Глупости!

– Нет, Айседора. Не глупости.

Он развернулся ко мне лицом.

Я впервые увидела Сееру таким недовольным. До этого дня он с радостью принимал любые мои решения. Его устраивали все мои реформы. Что же теперь случилось?

Неужели, такая простая просьба могла вызвать в нем столько недовольства?

Я сама не ожидала, что столкнусь с подобным препятствием.

– Объясни, – потребовала я.

– Ты должна понимать, что между Академией и Оддом должна сохраняться субординация. Академия – главный орган власти. Представь, что каждую неделю люди вашего города могли бы спокойно расхаживать по мэрии, потому что сотрудники хотели показать семьям свою работу. Это бред, Айседора. Есть иерархия власти. В Академии существует много секретов. Академия сама по себе является большим таинством. Ей поклоняются. Ее уважают. Ее обожествляют. Тебе ли не знать? Это место имеет особое представление в глазах и умах жителей Одда. Существует легенда. И я не могу ее развеять. Они не должны видеть то, что происходит

внутри. Для подобных историй у них уже есть их дети, которые рассказывают им предостаточно баек. Я не могу допустить большего раскрытия тайны Академии. Это место всегда должно быть окружено аурой таинственности и загадки. Место силы. Могущества. Власти. Место, куда может ступить нога Верховной Матери. Айседора, я полагал, ты понимаешь, по каким правилам мы тут живем. Не спорю, все твои реформы привели только к лучшим результатам. Это так. Но таинство Академии я нарушить не позволю. Хватило им прийти на нашу свадьбу. И так народ до сих пор судачит, распуская сплетни и слухи. Пусть себе болтают. Это только подкрепляет существование мифа, в который они верят. Айседора, я не могу терять власть над Оддом.

– Ты ее не потеряешь! Что за глупости?

– Айседора, проще управлять теми, кто находится в неведении. В их незнании наша сила. Понимаешь? Они верят в то, что мы им скажем. Берут то, что мы им даем. Они верят в легенду. Верят в миф. Верят в могущество и божественное происхождение Академии. Смутьяны, безусловно, имеются, но их меньшинство. Они нам не страшны. Массы. Айседора. Массы должны быть легковерными и послушными. В противном случае, я утрачу... контроль.

Это меня напугало. Кажется, только сейчас я осознала истинные намерения Сееры. Его образ, как мужа, к которому я успела привыкнуть, неожиданно растаял.

И я снова увидела в его лице лицо врага.

Врага, жаждущего уничтожить Перламутр-Бич.

– Верность народа необходима во время войны. Сплоченность. И покорность. Айседора, пойми. Если они узрят истину. Если узнают правду. Если проникнут за завесу тайны, то мой контроль над ними рассеется. Я не смогу вести их за собой. Чем меньше им известно о тайнах Академии, тем лучше. И это касается всего нашего устройства. Дело не только в Перекрестках, но и в остальном. Все эти коридоры, залы, комнаты, стены – загадка. Им известно обо всем со слов детей, студентов. Так или иначе, у них нет должного представления о действительности. Только миф. Только легенда. Понимаешь?

Он не подпишет приказ. Проклятье! Я уже всем такого наобещала...

– Прости, Айседора. Не в этот раз. Я не могу подписать твой новый приказ. Придумай что-нибудь другое, что не нарушит порядок, не испортит прочную связь, существующую между Оддом и Академией. Эта цепь. Эти узы. Я не могу их так разорвать. Они нужны мне для власти, Айседора. И я хочу, чтобы ты это понимала.

Сеера взял в руки стеклянный лист с приказом и вернул его мне. Без подписи. Без утверждения.

Я взяла.

– Хорошо, Сеера. Я тебя поняла.

– Очень на это надеюсь. Возвращайся к себе.

– Я прогуляюсь. Ладно?

– По Академии?

– Да.

– Ладно, ступай, любовь моя.

За спиной раздался звук открытия дверей. А следом за ним последовал шелест – змеиный хвост скользит по дорожке.

Я направилась к выходу и встретила с ним.

– Декан Мунлес, какая встреча!

– Ваше Величество, Лорд Сеера не занят?

– Уже нет. Проходите.

– Благодарю.

Откланявшись друг перед другом, мы разошлись. Разумеется, я не стала покидать сады, а спряталась в своем любимом укрытии, откуда могла подслушать разговор Милантэ и Сееры.

– Лорд Сеера.

– Декан Мунлес. Что у вас?

– Королева опять предлагала новый указ?

– Да, я его отклонил.

– Надо же! Позвольте полюбопытствовать? Чего она добивалась на этот раз?

– Айседора хотела разрешить семьям студентам посещать стены Академии один раз в неделю, по выходным.

– Какая дерзость! Сразу видно, что ей не ведомы наши правила.

– Не будь с ней так строк, Мунлес. Она же совсем недав-

но живет с нами. Ей еще предстоит усвоить много уроков и понять наши традиции.

– Простите, повелитель, но мое личное мнение сводится к тому, что Королеве будет крайне трудно принять наши традиции. Она всю жизнь прожила на поверхности. Вы сами видите, как она внедряет порядки суши в нашу жизнь. И сейчас она посягнула на нерушимую связь Академии и Одда. Связь, держащуюся на уважении, вере в могущество, в силу. Связь, дарующую нам абсолютную власть и контроль.

– Не беспокойся, Милантэ, я уже все разъяснил Айседоре. Она поняла свою ошибку. Я никому не позволю нарушить связь Академии и Одда, не позволю потерять контроль.

– Разумеется, повелитель, вы поступили очень мудро. Но я хочу обратить ваше внимание на то, как меняется вся наша жизнь с ее приходом к власти.

– О чем ты?

– Омут уже не чувствует себя вашими избранниками. Она сравнила все привилегии. Разве, это допустимо?

– Мне показалось это необходимым, как и ей. Вас же не ущемили в правах, декан Мунлес? Скоро проект будет закончен, и все вернется на круги своя. Я распушу Омут.

– Что? Повелитель... вы...

– Он больше не потребуется. А потому необходимо возвращение к прежним порядкам. Пусть привыкают. Очень скоро все студенты будут равны перед законами. Привилегии и касты перестанут существовать. Необходимость в Омуте

отпадет, когда мы поможем Лиге выиграть войну.

Декан ничего не ответил, и тогда Сеера продолжил:

– Когда будет готов Левиафан? Я уже хочу запустить проект.

– Повелитель, Левиафан готов. Я пришел к вам затем, чтобы рассказать об этом.

– Правда?

– Да, Лорд Сеера. Мы можем начинать.

– Очень хорошо. Тогда я сегодня посмотрю на него. А завтра мы его запустим. Завтра все закончится.

– Отрадно слышать такие слова от вас, повелитель. Мы долго к этому шли.

– И скоро будем пожинать заслуженные плоды. Иди к себе, Милантэ, ты заслужил отдых. Я сообщу, когда соберусь взглянуть на Левиафана.

– Как прикажете, повелитель.

Я поспешила убраться из садов. Декан не должен меня увидеть. Пока я спасалась из покоев ректора бегством, во мне горела одна мысль: «Мне нужен контроль над Сеерой. Он должен отложить запуск проекта. Иначе я проиграю».

– Вы вызывали нас, Орсина Орэлла?

На пороге классной комнаты появились Мелисса, Эш и Винтер. Увидев сначала преподавателя, а затем меня, троица поспешила склонить головы.

– Ваше Величество.

Я кивнула Орсине и попросила ее оставить нас наедине.

Она покинула кабинет и закрыла за собой дверь. Троица студентов осталась со мной.

– Я вызвала вас для одного разговора. Не бойтесь, подойдите ближе, садитесь.

Трое неуверенно прошли ко мне и сели за первую парту.

– Вы хотели нас видеть, Ваше Величество? – спросила Меллисса.

– Да. У меня есть для вас очень важная информация. И очень важная миссия.

– Мы слушаем, – с готовностью заявила Эш.

Я не сдержала улыбки: восторг от верности мне этих троих сводил меня с ума.

– Ребята, я только что узнала важную новость. Проект Левиафан будет запущен уже завтра.

Троица синхронно охнула.

– Лорд Сеера сегодня говорил с деканом Мунлесом. Я все слышала. Время пришло.

– Это означает, – задумался Винтер, – начало войны. Все случится уже завтра!

– Да, и мне это не нравится. Я хочу попросить у вас об одной услуге. Никто не должен знать об этом. Профессора Орсину я предупредила о вашем задании. У вас же есть доступ к хранилищу червей?

Трое кивнули.

– Да, вы открыли нам проход к архивам, – добавила Эш.

– Очень хорошо. Меня в хранилище Омута не пустят. Стоит Лорду Сеере узнать, мне конец. Я вынуждена просить вас. Ребята, если бы я знала другой выход, если бы могла все сделать сама, я бы сделала это и не стала бы подвергать вас такой опасности.

– Мы ничего не боимся, Ваше Величество, – ответила Мелисса, – мы готовы сделать для вас все в знак благодарности за ваши реформы.

– Сделать это нужно сегодня до вечера. Вам нужно пойти в хранилище червей и раздобыть мне... белого червя.

– Белого червя? – ахнул Винтер. – Это же моментально подчи...

– Тише-тише! – припугнула я его. – Знаю. Вы достанете мне пробирку с белым червем и передадите мне. Если не выйдет передать лично, то отдайте профессору Орэлле. Она свяжется со мной. Поняли? Она знает, что вы можете к ней подойти с этой просьбой. Главное одно – никто не должен видеть вас. Никто не должен заметить пропажу.

– Но ее заметят уже завтра! – подметила Эш.

– Я об этом позабочусь. Завтра все изменится, и обнаружение такой пропажи не будет иметь большого значения. Не волнуйтесь. Вы меня поняли?

Трое переглянулись и закивали.

– Да, Ваше Величество, – сказала Мелисса, – белый червь будет у вас сегодня же. Обещаю.

И мои пташки полетели на миссию.

Стоя после ужина перед зеркалом в садах, я поправляла волосы. Под водой делать прически не так просто, но я уже набралась достаточно опыта в этом деле. Можно сказать, ската съела.

Ох, что я несу?

Стоит пожить пару дней под водой, сразу начинаешь перенимать на себя их фразочки и повадки. Как говорится, с каким косяком поведешься...

Алое платье – самое любимое платье Сееры. Сегодня все должно пройти идеально. Я не могла позволить себе ни одной ошибки. Пора приступать к решительным действиям и брать власть в свои руки, пока все не испортилось окончательно.

Время пролетело незаметно. И все же я невероятно горда собой. Мне удалось провести ряд реформ до того, как проект Левиафан подготовили к запуску.

Репутация в глазах народа. Вот, что я построила. Жители Олда, студенты Академии – все признали меня Королевой Морских Сердец. Каждый день я получала все больше писем с благодарностями. Многие ставят меня даже выше Лорда Сееры – это отличный знак. Но ему знать о таких подробностях моего успеха совсем не обязательно. Пусть продолжает тешить собственное мужское самолюбие и наслаждаться... «контролем».

Контроль – я.

Отныне этот мир в моих руках. В руках той, кто пришел с поверхности.

Двери в сад открылись.

Сеера?

Нет, не он. Его шаги и шелест белых тканей я узнаю, где угодно.

– Ваше Величество.

Передо мной появилась Орсина Орэлла.

Взглянув на нее, я дождалась, пока раздастся нужный скрежет – двери закрыты.

– Принесла?

– Да. Вот он.

Она достала из волос-щупалец тонкую стеклянную пробирку, в которой барахтался белый гладкий червячок.

Орсина протянула пробирку мне.

– Их кто-то видел?

– Нет, Ваше Величество. Они сработали безупречно. Никто не знает о пропаже образца.

– Очень хорошо.

Сердце заколотилось. Стоило мне взять пробирку в руки, я ощутила в ладонях запретное оружие. Оружие, способное одолеть моего врага.

– Это сработает на нем?

– Точно не знаю, Ваше Величество. Но образец уникальный. Он очень сильный. Я бы даже сказала, самый сильный и качественный из всех. Если не сработает, то ничто не сра-

ботаает.

– Поняла. Ладно. Спасибо тебе, Орсина. Не задерживайся здесь. Не хочу, чтобы тебя видели. Ступай.

– Ваше Величество.

Она откланялась и поспешила к выходу.

Я подняла пробирку с червем на уровне глаз и внимательно осмотрела содержимое. Такой маленький. Такой незаметный. Белый и почти прозрачный.

Если использую его, то... все сразу изменится. Этот мир перестанет быть прежним. У меня появятся новые проблемы. Но если я струшу и буду сейчас бездействовать, то завтра от Перламутр-Бич ничего не останется!

Я должна помочь Скальду и остальным Печатям.

Энтони я не спасла...

Не смогла...

Но смогу спасти тех, кто поможет спасти его. Скальд, Элен, Альбеда, Хоакин, Матео, Беатрис – все они важны. Все они готовы сражаться, как и я. Нельзя их подвести. Пока я здесь, на дне, я сделаю все, что в моих силах, чтобы остановить наступление врага.

Двери открылись.

– Милая.

Он здесь.

Я быстро спрятала пробирку в рукав платья.

– Иди ко мне, – ответила я.

Двери закрылись, и Сеера вошел в покои, пройдя через

заросли красных водорослей.

– Ты так прекрасна, – он замер, как только увидел меня.

Я поймала на себе его оценивающий взгляд, пробежавший по мне с ног до головы.

– У нас какой-то повод?

– А должен быть повод, чтобы порадовать своего мужа красотой?

Он посмеялся.

Сеера приблизился ко мне и обнял за талию, слегка раскачивая.

– Ты не перестаешь меня удивлять, Айседора.

– Тебе же это нравится? Ты же любишь... меня?

– Всем сердцем и душой, Айседора. Я без ума от тебя. Ты – сердце моего океана.

Я ответила ему поцелуем в губы. Ощувив, как он расслабляется, я взяла Сеера за руку и повела к кровати.

– Что ты задумала?

– Узнаешь. Ложись.

Он лег на спину, а я села ему на ноги сверху. Мои руки потянулись к его плечам. Я начала стягивать с него белые одежды. Он только улыбался, позволяя мне продолжать.

Я наклонилась к его груди и подарила несколько поцелуев, продолжая раздевать.

– Перевернись на живот, – попросила я.

– Конечно.

Сеера лег на живот, и теперь я полностью оголила его те-

ло. Мои руки легли на плечи и начали массировать гладкую белую кожу.

– Тебе нравится? – спросила я.

– Да, продолжай. Это чудесно.

– Ты сегодня устал.

– Как ты это поняла?

– От жены ничего не скроешь. Я уже знаю тебя, Сеера. Вижу, когда ты устаешь, когда злишься, когда расстроен, когда радуешься. Когда... получаешь удовольствие.

– Мое удовольствие – это любовь к тебе.

Продолжая делать массаж, я наклонилась и легла на его спину.

– Тебе приятно, когда я касаюсь тебя своим телом?

– Да, Айседора. Продолжай.

Поцелуем в шею, я заставила его закрыть глаза. Он начал глубоко дышать, получая удовольствие от каждого моего прикосновения.

Аккуратным движением я вынула из рукава пробирку.

Давай, Айседора. Сделай это! Не будь трусихой. Ты зашла уже слишком далеко. Некогда пятиться назад.

Опустив голову ему на лопатки, я повернулась в правую сторону, чтобы было удобно видеть пробирку и работать с ней.

– Я хочу, чтобы ты ощутил человеческое наслаждение, – сказала я и открыла пробирку.

Мой голос заглушил звук открывающегося колпачка.

– Кажется, я начинаю понимать вас, людей, – ответил Сеера.

Действовать пришлось быстро: червь уже собирался выскользнуть из пробирки. Я не должна была его потерять!

Наклонившись к голове и поправив длинные волосы, я ловким движением руки приложила пробирку к его уху. Своими глазами я увидела, как белый червь покинул стеклянный сосуд и нырнул внутрь Сееры.

В тот же миг... он застонал.

Его тело начало подо мной извиваться. Оно напряглось, словно все мышцы моментально сократились.

Испугавшись, я закрыла его рот ладонью, чтобы никто ничего не услышал. Из Сееры вырывался жалобный стон. Я не давала ему кричать. Он резко изогнулся и повернул шею в мою сторону. Его широко распахнутые глаза налились алым туманом. Некогда белые глазные яблоки моментально окрасились в красный.

Мне стало не по себе. Что же я наделала?

Он сопротивлялся. Он пытался скинуть меня с себя, но я крепко придавила ректора к кровати своим телом.

Его руки потянулись ко мне, и я тут же их перехватила. Пришлось разжать ему рот. Но он уже не мог кричать – только тихо стонать.

Взявшись за запястья, я обездвижила его руки.

– Что ты... со мной... сделала?.. – сдавленно произнес он.

Я не ответила. Я только ждала наступления эффекта.

Когда же эта пытка завершится?

Когда он будет принадлежать... мне?

Сеера дергался и противился. С губ покатались струйки слюны. Красный туман в его глазах рассеялся – вернулся бесконечный белый свет.

– У тебя... ничего... не выйдет...

Проклятье!

Он сопротивляется!

Если не сработает, мне конец!

Прошу! Пусть он станет моим! Пусть червь его поглотит!

Я хочу, чтобы Лорд Сеера стал моим проектом!

– Я могу... противиться... червям...

И потом его голова рухнула на подушку.

Слюна уже не вытекала изо рта. Его тело расслабилось и не сопротивлялось. Глаза стали прежними. Он больше не кричал и не мычал.

Я решила разжать запястья и отпустить его руки. Я все еще сидела сверху и смотрела на его лицо, лишенное эмоций и чувств.

– Сеера?

Я коснулась кончиками пальцев щеки.

– Сеера, ты как?

Он моргнул, и его глаза уставились на меня. Губы чуть дрогнули, и я услышала спокойный голос:

– Приказывай, госпожа.

Глава 27. Предвестие беды

– Как ты спал, Скальд?

Этот вопрос вывел его из равновесия. Руки замерли, держа между пальцами бинты.

– Почему ты это спрашиваешь, Элен?

Она отвела взгляд в сторону, туда, где на столе лежали свернутые три крапивные рубашки.

– Ты что-то говорил во сне. Я так и не расслышала. Подумала, может, кошмары снились. В чем же дело?

– Ни в чем, – отмахнулся Скальд и продолжил снимать повязки.

– Уверен? – задал вопрос Хоакин Мартинес. – Если честно, то я тоже что-то слышал, Скальд. Ты меня разбудил. Бормотал что-то невнятное во сне. Но мне так хотелось выспаться, что я не стал тебя будить.

Скальд сглотнул.

«Она нашла меня. И они слышали, как я говорю во сне. Черт!».

– И что же я... мог говорить? – парировал Скальд.

– Я так всего и не разобрала, – покачала головой Элен, – мне даже показалось, что ты говоришь на другом языке. Дай-ка вспомнить...

Скальду стало не по себе. Если Элен сможет что-то вспомнить, то, вероятно, поймет, что случилось.

– Не берите в голову, – перебил ее мысли Скальд, – это просто кошмар. Ничего необычного.

– Кошмар? Они не прекратились?

– Как же они могут прекратиться, если тут такое происходит, Элен? Каждый день мы сидим, как на иголках. И спим на углях. Конечно, мне будут сниться дурные сны. И это никак не связано с Призраками или еще с чем-то.

Элен, нахмурившись, не сводила с него взгляда.

«А если она поймет, что я лгу? Лучше не смотреть ей в глаза, а молча снимать повязки».

– Скальд, если что-то случилось, я хочу, чтобы ты об этом рассказал. Хватит тайн и загадок. Сейчас не время скрывать друг от друга проблемы.

– У меня нет никаких проблем, Элен!

Скальд сам испугался своего гневного тона.

– Эй, доктор Серпентес, полегче, – встрял в разговор Альбеда.

Скальд тяжело выдохнул, стараясь взять себя в руки.

«Эвр меня нашла. Она пробралась в мои мысли во сне. Но им совершенно не стоит беспокоиться об этом перед выходом в море. Лишние хлопоты ни к чему. Расскажу потом, когда ветер переменится».

– Прости, Элен. Я не хотел так громко говорить. Все нормально, правда. Кошмары... я думаю, что они так и будут преследовать меня, пока мы не покончим со злом.

– Ты прав, Скальд, – кивнула Элен, не собираясь злиться

в ответ, – но ты должен знать: мы все в одной связке. Не лги мне, хорошо? Так я не смогу тебе помочь.

– Не врать. Понял, будет исполнено.

Скальд почувствовал на макушке ее недовольный взгляд. Разумеется, он понимал, что плохо умеет врать – скрывать правду. Элен чувствует изменения в его поведении, теперь он это понимал.

Скальд закончил снимать бинты с Элен и осмотрел ее тело, покрытое белыми и розовыми рубцами.

– Надо же, – в глазах Элен стояли слезы, – все так быстро зажило. Скальд, да ты просто волшебник!

Но отныне тело Элен будет покрыто рубцами до самой смерти. Ее кожа навсегда потеряла ту былую нежность. Теперь же она покрыта тонкими узорами – затянувшимися ранами. Они обсыпали ее живот, грудь, шею, руки и ноги.

Тело Элен никогда не вернет свою прежнюю форму. Эти рубцы будут всегда напоминать ей о войне и о той битве, которую она чудом пережила.

– Элен...

Она вытерла слезы с глаз.

– Прости, Скальд...

– Мне так жаль...

– Нет, что ты! Я плачу от радости. Я же наконец поправилась и могу сражаться, а это самое главное. Мое тело... это все... пустяки. Я справлюсь.

Но он чувствовал боль в ее словах и видел в глазах. Элен

оставалась женщиной, заботящейся о красоте своего тела. В ее глазах она сама для себя навсегда утратила былую красоту.

Но не в глазах Скальда или кого-то еще.

– Эти шрамы... рубцы... ерунда! Правда, ребята, я очень рада, что могу вернуться в строй. Давайте не будем терять время.

Хоакин протянул Элен белую майку. Скальд помог ей одеться.

– Ты двигаться можешь? – спросил он.

Одевшись, Элен встала и подвигала руками в разные стороны. Затем ногами.

– Не болит?

– Совсем нет. Я не чувствую никаких препятствий в движениях. Все прошло.

– Точно?

– Да, точно, Скальд, точно! Я здорова. Спасибо, что вылечил меня в такой короткий срок. Итак, Альбедро, какой у нас план?

Альбедро расставил шесть семиотиков вдоль стены. Он уже хотел начать изъяснять план действий, как двери кабинета распахнулись, и в комнате появилось трое: Беатрис и Матео тащили под руки Мэтью Симонса.

– Куда вы меня ведете? Разве так можно со стариком обращаться? Никуда я вас больше не поведу! Да к черту все! Я хочу сегодня же покинуть этот дрянной город! Оставьте

меня! Отпустите же!

Матео и Беатрис вытолкнули рыбака в центр кабинета. Тот едва не повалился на пол, но Хоакин успел подхватить Мэтью за плечо и не дал ему упасть.

– Какого черта меня схватили за шкуру и привели, как беглого каторжника? – не переставал возмущаться Мэтью Симонс. – Вам вообще сколько лет? Эти малолетки!..

– Помолчи, Мэтью, – жестко отрезал Альбедро.

Старик сглотнул и замолчал, поправив свой желтый рыбацкий комбинезон.

– Матео, – обратился к нему Альбедро, – докладывай.

– Есть, сэр! Мы с Беатрис нашли его, когда он вытаскивал лодку на берег. Сначала мы по-хорошему попросили его отвезти вас в море за неплохую плату. Но Мэтью первый начал сыпать нас проклятьями и послал к чертям. Говорит, что, мол, всякий раз, когда он возит нас в море, случаются дикие несчастья. Говорит, жизни ему не даем спокойной...

– Да после ваших заплывов всякая чертовщина и происходит! – Мэтью плюнул прямо на белый пол кабинета. – Вы все меня просто достали! В печенках сидите. После первого раза померла девчонка, а меня уpekли в дурдом. Хорошо, что не оставили там! А после второго заплыва весь город захватили эти... дикари! Не знаю, чем вы там занимаетесь, но после каждого выхода в море эта дыра еще больше...

– Мэтью, хватит! – процедил Альбедро. – Я услышал предостаточно. И больше не собираюсь слушать твой несущ-

светный бред. Ты отведешь нас в море. И точка. Понял? Возражения не принимаются.

– Да к черту вас всех!

Все случилось быстро.

В руках Хоакина моментально появился семиотик, и кончик меча замер в двух сантиметрах от шеи рыбака.

– Давай уладим все по-хорошему? Что скажешь? – Хоакин говорил спокойно и размеренно. – Нам нужно в море. Ты отвозишь нас, а потом катишься на все четыре стороны. Ты нас понял? Но вот из города тебе убраться не удастся. Рыбодеды патрулируют все улицы. И скоро монстров станет больше. Если мы не спустимся под воду и не остановим этот кошмар, то городу конец. И тебе тоже, Мэтью. Прошу, расставь приоритеты. Если мы не спасем Перламутр-Бич, то не будет больше заплывов. Не будет рыбалки. Не будет вкусной рыбы и ухи. Не будет твоей «Аурелии». И тебя не будет, Мэтью. Эти твари размножатся и сожрут тебя в два счета. Или ты сам... присоединишься к ним.

Лицо рыбака покрылось испариной. Он почти задышался. Скальд заметил, как по его глотке прошелся комок.

– Что скажешь, Мэтью?

Рыбак какое-то время боролся со страхом. Только сейчас он наверняка осознавал всю серьезность ситуации.

Подумав, Мэтью дал ответ:

– Куда вас доставить?

Хоакин, удовлетворившись, опустил семиотик.

– Куда нам, Скальд?

– Если Ущелье находится в зоне «Б-пятьдесят один», а Одд располагается сразу за ним. Я думаю, что мы можем доплыть до зоны «Б-пятьдесят два», и там спуститься. Тогда мы окажемся сразу в нужном месте. И нам не придется плыть через пещеры.

– Отлично, Скальд, – кивнул Альбедро, – так и поступим. Держите свои рубашки и семиотики.

Альбедро принялся раздавать снаряжение Печатам.

– А мы? – выступила вперед Беатрис. – Мы тоже хотим помочь.

Элен взяла два меча и подошла к ней.

– Рубашек у нас только четыре. Вы не можете пойти с нами. Беатрис, Матео, вы нужнее здесь. Пока нас не будет, ваша задача – защищать кабинет Скальда. Отныне это место – наш последний оплот. Позаботьтесь о своих родителях.

Матео и Беатрис, переглянувшись, с пониманием кивнули.

– Верните Энтони, – произнес Матео, – мы скучаем.

– Конечно, Матео. Всего существует десять семиотиков. Два принадлежали родителям Энтони. Еще два были у Энтони и Айседоры, когда они остались на дне. Один принадлежит Скалду. Мы нашли еще пять. Три берем с собой. Этими двумя мечами Людо Ксавьер сражался в битве с Алойшем. Теперь он погиб. И эти мечи я отдаю с надеждой, что вам не придется их использовать. Теперь они ваши. Матео, Беатрис,

вы с нами прошли большой путь. Вы всегда поддерживали Энтони. И поддерживаете нас сейчас. Вы заслужили звание Печатей. И эти семиотики теперь ваши. На дне мы вернем мечи, принадлежавшие Айседоре и Энтони. А эти клинки я даю вам.

Матео и Беатрис, потрясенные, приняли семиотики от Элен и крепко сжали рукояти.

– Не бойтесь их использовать, если появится опасность, – добавила Элен, – мы рассчитываем на вас.

– Спасибо большое, Элеонора! – Матео пораженно уставился на искрящийся меч. – Такая сила... это восхитительно!

– Мы будем держать оборону нашего бастиона! Когда вы вернетесь, вам будет куда вернуться. Домой.

– Спасибо, Беатрис. Я очень рада это слышать. Матео, защищай ее.

– Это еще кто кого защищать будет! Ха!

Элен вернулась к остальным Печатам. Скальд, Альбедо и Хоакин уже надели крапивные рубашки. Скальд протянул зеленую форму ей.

– Ты готова, Элен? – спросил у нее Скальд.

Она взяла рубашку, прижала ее к телу и уверенно ответила:

– Пришел наш черед нанести ответный удар. За дело, мальчики.

Сеера брал контроль над сознанием пять раз.

Он сопротивлялся белому червю, и мне это совсем не нравилось. Это жутко пугало. Я всякий раз боялась, что он окончательно вернет власть над разумом. Тогда мне крышка.

Чтобы червь снова побеждал в схватке, я била Сееру по голове. Давала ему пощечины. Кидала его тело на пол, чтобы он бился головой. Словом, выводила его из равновесия всеми силами.

После очередного удара, Сеера снова вошел под мой контроль.

– Какие будут приказания, госпожа?

– Где ты спрятал семиотики? Отвечай!

– Там... за зеркалом, госпожа...

Я дала ему новую пощечину, чтобы дольше сохранить эффект. Оставив Сееру валяться на полу, я побежала к колонне с зеркалом. Осмотрев ее со всех сторон, я нашла отверстие, за которое можно было потянуть, чтобы отодвинуть зеркало в сторону.

В стеклянной колонне открылась ниша. Там плавал меч-семиотик.

– Один?

Я взяла меч, задвинула зеркало и быстро вернулась к Сеере.

– Там был только один меч! Где второй? Куда ты дел второй клинок, когда меня и Энтони поймали? Где его меч? В Перекрестках?

Но Сеера лишь мотал головой.

Он перевернулся на живот. Его тело начало содрогаться от боли. Руки царапали пол. Он пополз к двери, издавая мучительные стоны.

– Стра...

Я наступила ногой ему меж лопаток и пригвоздила его к полу.

Проклятье! Он постоянно сопротивляется! Надо было су-нуть ему червя и во второе ухо!

Чтобы он не вырвался, я села ему на спин, обвязала длин-ный белый хвост вокруг запястья и ударила его лбом о пол.

Он снова отключился.

– Го... госпожа...

– Где второй клинок-семиотик, Сеера? Говори!

Я сползла с него и перевернула тело на спину. Пустые гла-за смотрели на меня. По щекам струились слезы.

– Не бейте... меня... прошу...

– Отвечай! Где второй меч?

– Я отдал его... отдал...

– Кому? Кому, твою мать, ты отдал второй семиотик? Где он?

– У декана... Мунлеса...

Вот черт!

Я не могу так это оставить. Пока декан владеет семиоти-ком, он очень силен. Учитывая его подводную магию, оста-новить такого врага будет непросто.

– Где клинки Аладара и Лианы? Куда ты их дел?

– Они у Кара...

– У кого?

– ...Карателя...

– Что еще за Каратель? Отвечай!

– Энтони... из него сделали... Карателя... и отдали те мечи... они у него...

Каратель. Энтони. Мечи у него. Проклятье!

Что они с ним сделали?

Энтони, я спасу тебя. Что бы ни случилось. Мы тебя вытащим. Обещаю.

– Вызывай декана Мунлеса.

Я крепко держала Сееру за волосы.

– Ты скажешь ему, что запуск проекта Левиафан отменяется. Еще не время. Скажешь, что пока рано. Понял?

– Да, госпожа.

– Делай все так, как я скажу. Вызываешь декана, садишься за свой стол. И говоришь: «Запуск Левиафана откладывается. Еще не время». Если он станет задавать вопросы, ты скажешь: «Это приказ. И он не обсуждается. Можешь идти, Мунлес». Понял меня? Скажешь это? Слово в слово. Запомнил?

– Да... госпожа...

– Вот и умница! Тогда за дело.

Я подняла его за волосы на ноги. Провела к столу и усадила в кресло. Используя свою ментальную связь с Академией,

Сеера вызвал в сады декана Мунлеса. Мне оставалось только ждать.

Мой план почти сработал.

Я оставалась стоять рядом. Держала руку на плече. А за спиной – семиотик.

Лорд Сеера, ректор Академии, отныне в моей власти. Он лично прикажет декану отменить запуск Левиафана. Так я смогу отложить начало войны. Это главное, что я должна сейчас сделать.

Только бы он не начал сопротивляться... только не опять!

Прошу!

Что будет, если на глазах у Мунлеса Сеера придет в себя?

Милостивые кривоты, даже думать об этом не буду.

– Ты все помнишь?

– Да, госпожа.

– Отлично.

И я вмазала ему очередную пощечину.

– Для профилактики.

Раздался звук открывающихся дверей. Шелест змеиного хвоста. Он уже здесь.

Декан Милантэ Мунлес вышел из завесы красных водорослей и оказался в нескольких метрах от нас. Я выдавила из себя вежливую улыбку.

– Повелитель. Ваше Величество.

Мунлес вежливо поклонился.

– Вы меня вызывали, Лорд Сеера?

– У Лорда есть для тебя приказ, – начала я первая, – это касается проекта Омута.

– Да, повелитель? Я слушаю.

Я выжидающе смотрела на Сееру.

Поскольку я стоял за его спиной, то не могла видеть его лица. Но этот гад молчал.

Почему?

Я обеспокоенно взглянула на Мунлеса, стараясь не показывать свой страх. Пальцы, державшие рукоять меча, задрожали.

Сеера молчал. Что с ним?

Говори же!

Я потрясла его за плечо, дабы привести в чувство.

– Повелитель, – декан прервал молчаливое ожидание, – я жду приказаний.

Он снова посмотрел на меня. Проклятье. Все пропало. Неужели, он понял? Или начинает понимать?

Мы смотрели друг на друга, и мне было все тяжелее выносить на себе его пристальный взгляд. Еще чуть-чуть и он сорвется с петли. Терпение лопнет. Мунлес потребует объяснений...

Но голос Сееры заставил декана обратить взор на Лорда:

– Декан Мунлес.

– Да, повелитель?

– Запускайте проект Левиафан.

Все внутри меня упало.

– И поскорее.

– Слушаюсь, повелитель.

Декан откланялся и пополз прочь.

А я застыла. Будто все мышцы свело. Я не могла пошевелиться.

Голова Лорда Сееры повернулась ко мне. И я увидела его довольную улыбку. Он издевался надо мной. Он демонстрировал свою победу.

Его губы разомкнулись и произнесли:

– Сука...

Моя рука резко уперлась в затылок и припечатала лицо Сееры в письменный стол.

Ректор мгновенно потерял сознание.

А паника во мне только нарастала. И осознание поражения поглощало меня все сильнее.

Совсем скоро... Левиафан проснется.

Глава 28. Ярость Карателя

– Ты ходил к повелителю?

– Да, госпожа.

– И по какому же поводу?

– Я не имею права разглашать личные приказы Гринштейна, госпожа.

Дейне это не понравилось.

В ее руке моментально появился кинжал, и лезвие пронзило живот Карателя. Тело, забывшее нестерпимую боль, начало трясти. Он застыл, не в силах сделать ни одного движения. Его трясло. Руки и ноги выпрямились. Рот приоткрылся, и на нижней губе показалась слизь.

– Как смеешь ты не подчиняться своей госпоже? Как можешь ты скрывать правду от меня? У тебя не должно быть секретов от меня. Все твои тайны – мои тайны. Я – твоя госпожа. Запомни это!

Она резко вынула лезвие из раны.

Каратель тяжело задышал, пытаясь прийти в себя.

– Похоже, твой ученик забыл все уроки, – посмеялся мистер Маурисио, – пожалуй, стоит ему напомнить азы?

– Я сама разберусь.

Дейна подплыла ближе к Карателю. Она осмотрела его лицо и положила ладонь на кровоточащую рану. Слегка надавив, она вызвала волну пульсирующей боли.

– Смотри мне в глаза.

И он посмотрел.

Ее глаза – две бездонные черные тонкие нити в каждой глазнице. И он тонул в двух реках.

Тонкие длинные пальцы Дейны сильнее вжались в рану. Они оказались внутри его тела. Карателю казалось, что сейчас рука госпожи пронзит его живот насквозь и вырвется из спины, раздробив позвоночник. Но в рану вошли лишь пальцы.

Пока что.

– Не забывай, кто ты. И того, кто сделал тебя таким. Кто подарил тебе силу?

– Вы, госпожа.

Пальцы в ране. Дейна продвигала руку глубже.

Она вонзила в него ладонь.

– И что я могу сделать с тобой?

– Все, что пожелаете, госпожа.

– Верно.

Ее рука оказалась внутри него по самое запястье.

– Твоя жизнь в моих руках. Стоит мне захотеть, и я убью тебя. И те проблемы, которые у меня возникнут в таком случае, будут лишь моими проблемами. Не твоими. И поверь, я справлюсь. Но такой милости я тебе не окажу. Ты продолжишь свое служение мне.

– Как прикажете, госпожа.

Ее рука одним движением покинула его живот и вышла из

глубокой раны. Тело Карателя парализовала жгучая ледяная боль.

– Я задам свой вопрос еще раз. Итак, зачем ты ходил к повелителю?

Он дал честный и внятный ответ:

– Вилиамонт Гринштейн просит у Лорда Сееры еще червей для создания армии рыбоедов.

– Вот как? Очень интересно. Вы слышали это, мистер Маурисио?

Лог издал невнятное мычание. Мистер Маурисио, посмеиваясь, ответил писклявым тоном:

– Совсем скоро Верховная Мать будет здесь, и тогда Призракам не понадобятся никакие черви.

– О да, мистер Маурисио, вы совершенно правы. И для тебя, Каратель, у меня есть новый приказ.

Дейна взглянула на него и застыла. Каратель стоял перед ней неподвижно. Его взгляд устремлялся вдаль, в пустоту.

– Каратель?

– Что это с ним, Дейна? – озадачился мистер Маурисио.

– Каратель! Ты слышишь меня?

Его губы медленно шевелились. Прозвучали невнятные звуки. Дейна не могла разобрать ни слова.

– Взбодри его! – крикнул мистер Маурисио.

Дейна без промедлений вонзила кинжал в плечо Карателя. Ничего не случилось. Лезвие вошло в его тело, а Несущий Погибель никак не среагировал на это.

Он остался неподвижно стоять и смотреть в никуда.

– Проклятье! – рявкнула Дейна.

– Ты его сломала? – пытался шутить мистер Маурисио.

– Не носи чепухи!

Она нанесла новый удар. На это раз лезвие кинжала вошло прямо в сердце.

И Дейна наконец услышала, что пытался сказать Каратель:

– Миса...

Энтони проснулся в своей постели.

Он потянул руки к потолку и глубоко зевнул. Из окна в комнату валило дневное солнце.

Он вспомнил, как вчера уснул рядом с Мисой. Должно быть, она еще спит. Рядом с ним.

Предвкушая удовольствие от одного только взгляда на нее, Энтони повернулся на бок. Пусто.

Мисы рядом не оказалось.

– Миса?

Он сел в постели и обнаружил себя совсем одного, полностью обнаженным. Энтони ясно помнил, как поцеловал Мису перед сном и просил ее не уходить, пока он не проснется.

– Миса!

Обеспокоившись, Энтони встал с кровати. Надев трусы и шорты, он выбежал из комнаты и спустился вниз.

На кухне никого.

– Миса!

Где дядя? Где Миса?

Где вообще все?

Подбежав к домашнему телефону, он набрал номер Мисы.

В трубке раздавались только гудки. Никто не ответил.

Энтони бросило в жар. Он смахнул струйки пота со лба и вернулся в комнату, где на тумбочке лежал мобильник. Попытавшись еще раз дозвониться до Мисы, Энтони потерпел неудачу.

– Миса! Проклятье. Где же ты? Почему не отвечаешь?

Он позвонил Матео.

– Алло?

– Матео, это я. Ты не видел Мису? Я проснулся, а ее нет. Домой я тоже звонил. Где Миса? Беатрис знает что-нибудь?

– Эй-эй, Энтони, Беа со мной. Она, как и я, не видела сегодня Мису. Знаешь, ты нас разбудил! А мы так хорошо спали... Ну, как спали? Удалось уснуть только под утро...

И в трубке послышался приглушенный смех Матео и Беатрис.

– Ребята, я не шучу! Миса пропала. Она не отвечает на звонки. Где мне ее искать?

– Успокойся, Энтони. Она наверняка пошла на Пляж. Купается. А телефон в сумке оставила.

– Купается? Ты шутишь? Без меня?

В трубку ответила Беатрис, подменив Матео:

– Эй, Эрнандес! Миса уже самостоятельная девочка. Почему она всегда должна бегать за тобой, как собачка? Топай

на Пляж и найди ее. Мы скоро будем.

Следом раздался озорной голосок Матео:

– Или не так скоро...

И голоса их исчезли за хихиканьем. Энтони первым повесил трубку. Собравшись с мыслями, он отправился на Перламутровый Пляж.

Стоило подойти к песку...

А там кровь.

Южные пингвины. Изрезаны. Их тела разрублены на кусочки. Мертвыми птицами усыпан весь Пляж. А вокруг кружат мухи. Целые рои над каждым изуродованным телом.

Все сжалось внутри Энтони.

Он не ожидал увидеть ничего подобного.

Только вчера это место было наполнено весельем, легкостью, страстью и жизнью.

Киты... их выбросило на берег.

Мертвые киты.

Их громадные бездыханные туши лежали на песке в окружении изрезанных пингвинов.

– Миса!

Энтони закашлялся.

Он не мог свободной дышать. Каждый вдох давался с трудом. Омерзительная вонь беспощадно атаковала нос. Преодолевая отвращение, Энтони делал маленькие шаги вперед, приближая себя к морю.

– Миса!

На этот раз ему удалось крикнуть громче, чем в первый раз. С диким ужасом он осматривался по сторонам, не в силах поверить в кровавое зрелище перед ним.

– Миса! Где ты? Ответь!

Еще несколько шагов вперед, и взгляд Энтони падает на Колодец. Тело... оно лежит у каменной стенки Колодца. В луже крови. Человеческое тело.

Шаг в сторону Колодца.

Ближе...

– Миса...

Еще ближе.

И картинка, которую его мозг отказывался видеть, предстала перед ним с максимальной четкостью.

Тело Мисы лежало, прислонившись к Колодцу. Живот разрезан, и внутри в озере крови плескались черные рыбки с золотистыми глазками.

– Миса!

Темная волна пошла во все стороны от тела Карателя и отбросила от себя Дейну прямо в стену.

– Вы забрали ее у меня, – прорычал Несущий Погибель.

Лог и мистер Маурисио, попав под ударную волну, тоже упали на пол. Маурисио даже ударился хрупкой головой и разбил висок.

– Что с ним случилось? – жалобно простонал он, придерживая маленькой ручкой кровавую рану.

Увидев кровь на пальцах, мистер Маурисио заверещал:

– Дейна! Я умираю! Он меня убил! Я умираю, Дейна! Спаси! Помоги мне! Он меня убивает!

Самой же Дейне временно было не до партнера. Гнев Карателя припечатал ее к стене, и она, обмякнув, сползла на пол. Стараясь прийти в себя, она продумывала план, как исправить ситуацию.

– Вы обещали, что вернете ее, – процедил Каратель сквозь зубы, – но вы ее... не вернули! Она мертва.

Каратель оказался рядом с двумя аквариумами, в которых сидели жуткие создания – проекты Омута, принадлежавшие рукам Дейны и мистера Маурисио.

Взмахнув двумя черными мечами, Несущий Погибель разбил стекло.

Огромная туша осьминога с щупальцами, покрытыми акульими зубами, вывалилось наружу. Оно поползло в сторону Лога и мистера Маурисио.

– Нет, нет! – ревел мистер Маурисио. – Не трогай меня! Не смей! Не прикасайся ко мне, чудовище! Дейна! Дейна, отзови своего питомца! Сейчас же! Он меня съест! Дейна! Спаси!

Но Дейна в это время карабкалась по полу к выходным дверям.

– Дейна! Что ты делаешь?

Лог пятился к стене, не переставая невнятно мычать, боясь натиска морского чудовища.

– Он неуправляем, ты забыл? – бросила напарнику Дейна.

– Дейна, нет! Ты должна мне помочь! Останови его! Умоляю! Нет-нет!

Дейна открыла выходную дверь и пустила свет в лабораторию, но для спасения Лога и мистера Маурисио уже было поздно.

Громадный осьминог набросился на Лога, который прижал к стене мистера Маурисио. Тот еще раз ударился головой, на этот раз затылком. Хрустнул череп. Брызнула кровь.

А дальше мистер Маурисио издал неистовый визг, когда осьминог окутал его и Лога колючими щупальцами.

Второе существо, медуза с множеством рыбьих голов, торчащих во все стороны, поползла к выходу, на свет.

Дейна испуганно посторонилась и прижалась стене, когда монстр проплывал в коридор мимо нее.

Каратель все это время с наслаждением наблюдал, как осьминог поедает Лога и мистера Маурисио заживо. Это продолжалось недолго. Вскоре хлюпающие звуки утихли и от сросшихся напарников остались лишь кровавые разводы.

Чудовище, закончив трапезу, развернулось к свету, бьющему из коридора. Издав жуткий рев, оно поплыло к выходу, а следом за ним промелькнула стайка черных рыбок с золотистыми глазками.

Дейна, не переставая следить за Карателем, тяжело дыша, поспешила закрыть двери лаборатории, когда чудовище вышло в коридоры Перекрестков.

Она осталась с учеником один на один.

– Верните мне Мису, – прошипел Каратель.

И двинулся в ее сторону.

– Миса моя!

С диким ревом Несущий Погибель занес мечи над Дейной. Но она действовала быстро. Ускользнув от удара, Дейна всплыла прямо перед Карателем и вонзила проклятый кинжал в шею, под Адамово яблоко.

Несущий Погибель застыл, не в силах шевелиться. Пальцы ослабили хватку и выпустили оба меча.

Когда Каратель стоял перед ней без оружия, Дейна ощутила неоспоримое превосходство.

– Хватит, – отрезала она.

Дейна подалась вперед и одарила губы Карателя нежным поцелуем.

– Я – твоя госпожа. И ты не можешь убить меня.

Ощувив былую власть над Карателем, Дейна извлекла кинжал из шеи.

Несущий Погибель упал перед ней на колени.

– Простите, госпожа.

– Как ты мог позволить себе такой вздор? Какая дерзость!

– Госпожа...

– Ты дорого заплатишься за свою выходку.

– Я молю вас о прощении. Позвольте мне все исправить.

Госпожа...

И власть вернулась к ней.

– Бери мечи.

Каратель повиновался.

– Ты отправляешься в Глубины Пепла.

– Госпожа?

– Приказ Верховной Матери. Очень скоро она придет туда, и ты ее встретишь. Это ее распоряжение. Там она скажете тебе, что нужно делать.

– Слушаюсь, госпожа.

Каратель взялся двумя руками за мечи и покорно встал с колен.

Стоило ему двинуться с места, как рука Дейны в одно мгновение его остановила. Ее губы оказались рядом с его ухом. И голос ее произнес:

– Не вздумай впредь перечить мне.

Она ощутила холодную кожу Карателя. Он опять боится ее. Он верен ей.

– Это больше не повторится, госпожа...

– Останови здесь.

«Аурелия» замедлила ход, а вскоре замерла, качаясь на волнах.

– Ты уверен, что это здесь? – любопытствовала Элен у Скальда.

– Уверен. Я оказался где-то рядом, когда всплыл на поверхность после побега. Мне пришлось самому добираться отсюда до берега. Руками и руками. Поверь, Элен, у меня

имелось в запасе достаточно времени, чтобы запомнить это место.

Печати собрались вместе. Альбедро, Хоакин, Элен и Скальд. Облаченные в крапивные рубашки и вооруженные семиотиками, они стояли у края борта, готовые прыгнуть в морскую пучину.

На Сапфировом море собирался шторм. Дул морозный ветер. Брызгал неприятный дождь.

– Возвращайся в город, Мэтью, пока буря не разразилась, – велел ему Хоакин.

– Да, мы и сами справимся, – махнул рукой Альбедро.

Прокашлявшись, Мэтью Симонс ответил:

– Я могу и обождать если требуется. В море сейчас безопаснее, чем там, в городе. Сами знаете. Главное: разберитесь с этим дерьмом. Люди хотят просто жить спокойно. Многого они никогда не просят.

И Скальд был одним из таких. Ему тоже хотелось просто спокойно жить. Вместе с Силистой, вместе с Натом.

Но все сложилось иначе.

– Обязательно, Мэтью, – с уверенностью ответила Элен, – мы исправим то, что не закончили однажды. И в Перламутр-Бич вернется мирное солнце.

После этих слов Элен взяла Скальда за руку.

– Готовы? – спросил Альбедро.

Ответа не потребовалось.

Они прыгнули, не договариваясь о прыжке.

И в легкие Скальда хлынула холодная морская вода.

Он уже привык к этим переменам. Адаптация к дыханию водой протекала с каждым разом все быстрее. Скальд взгляд на Элен – она задышалась, держась за горло руками, зажмурив глаза.

– Дыши, Элен, я с тобой. Просто дыши.

Он взял ее за руку и успокоил. С ним Элен наконец смогла вдохнуть воду и открыть глаза.

– Вот видишь? Ничего страшного. Ты уже отвыкла, верно?

– Да, давно это было... я хотела забыть, и у меня получилось.

Но сегодня ей придется вспомнить, кем она является – Печатью. А Печати должны уметь сражаться на семиотиках и дышать под водой.

– Все адаптировались? – спросил Альбедро.

Он и Хоакин Мартинес также перешли на водное дыхание.

– Тогда в путь.

И что-то черное пронеслось мимо них, вынырнув из глубин.

– Ох, что это было? – ахнула Элен.

– Похоже на ската, – ответил Хоакин, – только очень... большого ската...

Скальд сразу понял: «Мы почти на месте».

И Печати покорно шли ко дну, позволив крапивным ру-

башкам тащить их вниз сквозь далекие морские глубины. Семиотики развеивали мрак вокруг и освещали путь.

– Огни! – воскликнула Элен. – Там, внизу! Я вижу их!

Вскоре проступили очертания гигантского высокого коралла. То была башня, Академия Марии Селесты. А следом – мелкие домики, освещаемые огоньками золотых рыбок.

Совсем скоро перед ними открылся новый мир, полный опасностей и странных созданий.

Скальд одобрительно кивнул Печатям и объявил:

– Добро пожаловать в Одд!

Глава 29. Левиафан

– Он готов?

Эш подошла к Винтеру за спину и взглянула на лист с расчетами.

– Давай еще немного подождем. В глазах должен появиться фиолетовый проблеск, помнишь?

– Ты прав. Я совсем забыла про этот знак.

– Его еще не было. Над подождать.

Они продолжили наблюдать за жуткой акулой в аквариуме вместе. Мелисса тем временем убирала весь инструментарий с рабочего стола и складывала пустые ампулы и пробирки в мусорный ящик.

Ей не удалось уйти далеко в свои мысли. Поначалу Мелисса вспоминала просьбу Королевы. Зачем ей понадобился белый червь? Неужели она решила использовать его на Лорде Сеере? Если это так, то сейчас ректор уже в ее полной власти.

Что же за этим последует?

Мелисса старалась отвлечься уборкой, а потом услышала шум, раздающийся из коридора.

– Ребята, вы слышите?

Шум стал громче. Топот. Крики.

Погром.

– Что там происходит? Я посмотрю.

Эш уже направилась к дверям, но Винтер схватил ее за запястье и остановил.

– Не надо, Эш. Опасно.

Эш доверяла Винтеру. Она заметила в его взгляде предчувствие большой беды. Ощувив опасность, она отошла назад.

Трое не спускали глаз с дверей, звуки за которыми делали громче. А потом они слышали оглушительные крики:

– Левиафан! Левиафан!

И сердце замерло в груди Мелиссы.

Страх накрыл ее ледяной волной от осознания того, что тайный проект Омута запущен. Это означает одно – началась война с поверхностью.

Королеве не удалось отсрочить ее начало.

– Левиафан? – сглотнул Винтер. – Вы слышали?

– Они его пробудили... – ахнула Эш.

Прогремел взрыв.

Троица сблизилась. Они прижались друг к другу и не решались даже отходить друг от друга.

И двери их лаборатории открылись. С порога раздался голый голос:

– Вот вы где!

Это были Малис, Эрис и Кроу. Облаченные в порванные белые халаты, они появились в дверях. Кроу и Малис держали стеклянные копыя, а Эрис – серп.

Мелисса смотрела на них и видела в их глазах ярость и

жажду смерти. Убивать – вот, зачем они пришли.

– Ребята, назад! – крикнула Мелисса.

Они сделали шаг к аквариуму.

– Что там у вас случилось? – кинул Винтер троице из Омута. – Совсем с ума сошли?

На лице Малиса появилась злобная гримаса, смешанная с приступом удовольствия и наслаждения.

– Что вы натворили? – бросил Малис в ответ.

– Мы? – не поняла Эш.

– Вы напали на Омут! – крикнула Эрис. – Все студенты с катушек слетели! Стоило Левиафану пробудиться, как они напали на нас! И вы с ними заодно!

– Напали? – Винтер ничего не понимал. – О чем это вы?

Кроу сделал шаг вперед.

– Из-за вашей курицы на троне началась война, идиоты. Против Омута выступила вся Академия. Стоило декану Мунлесу выполнить приказ ректора – выпустить Левиафана в город – как на нас напали. Студенты. Профессора. Все работники Академии! Они верны только вашей сучке с поверхности. Они не желают подчиняться ни ректору, ни декану, а только ей. Она вас всех одурманила!

До Мелисы только сейчас начал доходить смысл их претензий. Она сама не ожидала ничего подобного – война среди студентов. Война против Омута? Как вообще такое можно себе представить?

Реальность оказалась намного безумнее ее самых бредо-

вых фантазий.

– Вы работаете на нее, и мы это знаем, – продолжил Малис, – вы служите этой дряни, выполняете ее приказы. И я не могу позволить вам победить. Вы пытали Кроу! Пришел ваш час платить за все.

Направив копья и серп на троих друзей, студенты Омута двинулись в их сторону.

– Вы сдохнете сегодня, сейчас, – процедила Эрис сквозь зубы.

– Как же долго я ждал этого, Малис, – Кроу пустил слюну, – они поплатятся за то, что смели мне угрожать.

Мелиса с ужасом осознала сложность их положения. Они безоружны. Прижаты к аквариуму. На них направлены острые стеклянные лезвия. И бежать уже некуда.

– Думали, что сможете нас провести? Обмануть Омут? – Малис пыхтел от гнева. – Как бы не так!

Эш крепко сжала Мелису за руку. Мелиса слышала частое и прерывистое дыхание подруги.

– Что будем делать? – прозвучал слабый голос Винтера. – У нас есть план?

Но плана не было... ровно до того момента, как Мелиса заметила брызг фиолетового света.

Их проект готов.

– Мы сражаемся за честь нашей Академии, – произнес Кроу, – а за что сражаетесь вы? За предательницу? За нашего врага? За сучку с поверхности? Мне даже тошно смотреть...

на вас...

Враги приближались.

Малис уже замахнулся копьем.

И рука Мелисы рванула к пульту управления. Ее пальцы быстро надавили на нужную кнопку, и раздался скольльзящий звук – крыша аквариума открылась.

Раздалось хищное шипение.

И всплеск.

Мелиса видела, как троица из Омута испуганно попятилась к дверям. Прямо перед ее лицом возник хвост громадной акулы. Проект Винтера, полный ненависти, силы и верности своему создателю, набросился на неприятеля.

Мощный удар головы отбросил тело Кроу. Тот пролетел через всю комнату и впечатался в стену. От резкого удара затылок треснул. Потекла кровь. Мертвое зависло над полом.

– Винтер! Возьми копье! – скомандовала Эш.

Винтер, послушавшись подругу, бросился к мертвому Кроу, чтобы забрать у него оружие.

Малис отдалялся к выходу, а акула безжалостно набросилась на Эрис.

Мелиса успела заметить взгляд ужаса на ее лице. Эрис видела смерть прямо перед собой. Она уже знала, что умрет так страшно – в зубах акулы.

Это и случилось: акула набросилась на Эрис. Та выронила из рук серп, осознав тщетность попыток сражаться. И акула вцепилась острыми зубами в голову Эрис.

Мелиса видела, как тело Эрис болталось, словно тряпичная кукла, пока ее голова зажата в пасти акулы. Во все стороны растекались алые струйки.

Малис с ужасом наблюдал за концом своей напарницы. От испуга он упал на пол, не в силах взять себя в руки. Он лично увидел смерти двух своих друзей.

В это время Винтер успел завладеть копьем Кроу и вооружился.

Акула, оторвав голову Эрис от тела, набросилась труп и приступила к трапезе. Эш подбежала к серпу, лежащему неподалеку от оторванной головы Эрис, и схватила его.

– Мелиса, сюда!

Мелиса, оторвав взгляд от акулы, двинулась с места. Эш взяла подругу за руку и повела к Винтеру, который ожидал их, взяв под контроль Малиса, направив на того стеклянное копьё.

Трое друзей смотрели на Малиса, зажато в угол. Тот тяжело и часто дышал, позабыв о том, что нужно моргать. Он не мог перестать смотреть, как тело Эрис разрывают на куски.

А с другой стороны лежал Кроу с разбитым черепом.

– Не трогайте меня! – взревел Малис и ткнул острием копья в сторону Эш и Мелисы.

Девушки отскочили назад, избежав удара.

– Какой же ты гад!

Винтер с силой вонзил копьё в плечо Малиса. Тот сразу

взревел и выпустил свое оружие из рук.

– Проклятье! За что вы так с нами?

– И он еще спрашивает? – ахнула Эш. – Вы первые хотели нас убить!

– Да мы просто напугать вас хотели, идиоты! Никто вас убивать не собирался. Это было несерьезно. Мы ведь не убийцы... А вы выпустили свое чудовище!

И это «чудовище», словно услышав слова Малиса, подплыло к ним. Акула собиралась накинуться на врага, но услышала приказ создателя:

– Не надо, дружок. Не трогай его.

Акула послушно замерла, словно приученный питомец.

– Как ты смог? – Малис ничего не понимал. – Как ты его... приручил?

– Это талант, – ответила Мелиса, – талант, которым никто в Омуте не обладает, Малис. Тебе этого не понять. Просто Винтер – гений.

Винтер изумленно уставился на Мелису. Его кожа заметно порозовела.

– Мелиса, это... спасибо... очень приятно... знаешь...

– Это правда, Винтер, – ответила Мелиса, – я всегда считала тебя самым умным в Академии. Так оно и оказалось.

– Но что нам делать с ним? – спросила Эш. – В Академии началась война с Омутком. Мы должны... помочь остальным?

Мелиса присела рядом с Малисом и посмотрела ему в глаза.

– Выбери, Малис: или Винтер напускает на тебя своего дружка, или ты переходишь на нашу сторону. Ты покинешь Омут и будешь сражаться за нас. Я предлагаю тебе выбор.

Малис пыхтел, придерживая здоровой рукой раненое плечо. Он смотрел то на Мелису, то на акулу. Перспектива быть съеденным, как Эрис, его явно не радовала.

– Я остаюсь и буду верен своему повелителю, декану Мунлесу. И Верховной Матери. Да будет править она вечно...

Мелиса поднялась на ноги и дала команду Винтеру.

– Ты сделал свой выбор.

Стоило Винтеру щелкнуть пальцами, и акула уже собралась наброситься на предоставленную ей жертву. Но Малис оказался проворнее – он схватил здоровой рукой копьё и выставил его перед собой.

Акула напоролась на лезвие. Копьё вошло в ее раскрытую пасть и проникло глубоко внутрь. На лицо Малиса брызнула черная кровь.

А губы растянулись в счастливой победной улыбке.

Проект, над которым они так упорно трудились, за который они сражались. Омут забрал себе первый проект Винтера и теперь отнял другой.

Внутри Мелисы пылал праведный гнев. Она хотела лично прикончить Малиса за это убийство, но ее опередили.

Эш полоснула Малиса серпом по шее и мгновенно перерезала ему горло.

Малис издал хлюпающий звук, и его тело отклонилось на-

зад и прижалось спиной к стене. Голова небрежно упала на раненное плечо.

Сияющие алым глаза акулы потухли, и громадная рыба упала на пол, истекая чернильной кровью.

Все случилось слишком быстро. Мелиса даже не успела всего понять. За считанные секунды Малис, Кроу и Эрис погибли, а вместе с ними и акула – проект Винтера.

– Эш... – Винтер смотрел на нее.

– Я не могла иначе, – ответила она.

И Мелиса ее не винила. Она понимала Эш, как саму себя. Она крепко обняла подругу и поцеловала ее в макушку.

– Ничего, Эш, ничего, я все понимаю. Правда.

Винтер взял девушку за руку и крепко сжал в знак одобрения и поддержки.

– Что будет дальше? – спросила Эш у друзей.

Мелиса осмотрела лабораторию, усыпанную трупами и залитую кровью.

– Нам остается надеяться, что план Королевы Айседоры сработает. И в этом мире найдется человек, способный одолеть... Левиафана.

Скальд вел Печатей через Одд.

Вскоре они вышли к городской площади, где Джайлз так и лежал с бутылкой в руках, бормоча что-то себе под нос.

«Какие-то вещи никогда не меняются».

– Какой у нас план, Скальд? – спросила Элен.

– Нам нужно проникнуть в Академию. Я помню тайный путь, по которому Эванджелина провела нас в первый раз. Через него мы сможем попасть в Перекрестки, спасти Энтони, а потом спуститься в Глубины Пепла и запечатать Проход.

– Хорошо, Скальд, тогда веди нас в Академию, – велел Альбедо, осмотревшись вокруг.

Стоило Скальду двинуться с места, как вдруг раздался гром. Жители вокруг застыли и вскрикнули.

– Что это было? – напрягся Хоакин, сжав рукоять семиотика двумя руками.

Скальд, осмотревшись, заметил, что взгляды всех вокруг прикованы к башне Академии.

– Скальд!

«Знакомый голос».

Взгляд в сторону – Эванджелина. Она стояла на краю площади, глядя на него. За ее спиной к ней шли отец и мать, Ламар и Сома.

– Эванджелина, вернись! – крикнул ей Ламар. – Здесь становится опасно!

– Отец прав, милая! Происходит что-то нехорошее! Давай вернемся домой?

Взрыв.

Академия содрогнулась.

Часть стены разорвалась на обломки, выбросив их в открытые воды. И из дыры в огромном коралле полезло гро-

мадное белое длинное существо.

За спинами Скальда раздались крики ужаса. Жители Ода бросились в рассыпную.

– Что это за... – Хоакин не успел договорить.

Ни у кого не нашлось слов, чтобы дать имя существу, приближающегося к ним с неумолимой скоростью.

Огромный белый чешуйчатый змей с красными глазами, в каждом из которых блестело по два узких тонких вертикальных зрачка. Подводный змей, лишенный других конечностей, кроме тела-хвоста и головы, сделал круг вокруг башни Академии и поплыл в город.

Скаты над Академией разлетелись в разные стороны, испугавшись появления исполина.

– Скальд!

Голос Эванджедины позвал его вновь.

Она не двигалась с места, застыв на краю площади. Ламар и Сома не смели к ней приблизиться, испугавшись появления змея.

– Эванджелина, вернись! Беги к нам! – молила ее Сома

Но дочь смотрела только на него.

– Я знаю про Айседору...

Змей приближался.

Земля содрогнулась под ногами, и Эванджелина упала. Ахнув, она кратко взглянула на приближающееся к ней чудовище.

Все произошло быстро.

Существо издало дикий рев.

– Скальд, надо уходить, – скомандовал Альбедо.

– Мы должны спрятаться, а потом... – начал говорить Хоакин.

И голос Эванджелины успел сказать:

– Она...

Время замерло.

Пасть змея, появившегося на площади Одда, раскрылась.

Он пронесся прямо перед ними, поглотив первую жертву.

Эванджелина исчезла.

И Скальд услышал истошный рев Сомы. Она изо всех сил рвалась вперед – туда, где уже не было ее дочери, а Ламар стоял сзади и обнимал жену за талию, не отпуская ее от себя.

Скальд видел все своими глазами. Он с ужасом осознал: они ничего не успели. Он ничего не успел сделать.

Монстр уже здесь. И он съел Эванджелину.

Скальда схватили за руку и повалили на землю. Он ощутил легкий удар деревянных досок по животу.

– Скальд... Скальд...

Он отчаянно пытался прийти в себя. На какое-то время его сознание словно отключилось от реальности. Мозг не признавал то, что происходило вокруг. Его разум не был готов мириться с миром.

С безумным миром.

– Скальд!

Это был Альбедо.

Он потряс Скальда за плечо, пытаясь привести в чувство.

– Мы должны идти в Академию, надо найти Энтони. И закрыть Проход. Идем же скорее!

Скальд осмотрелся: он видел, как Элен и Хоакин бросились в битву с громадным змеем. Замахнувшись сверкающими золотистыми клинками, они мчались в атаку.

– Скальд! Ты слышишь меня?

И ясность ума вернулась к нему.

– А как же Элен и Хоакин?

Альбедо ничего не ответил. Его взгляд был ответом. Скальд понял: Альбедо не собирается им помогать или дожидаться их.

– Почему? Альбедо. Почему?

– Энтони для меня все, Скальд. Прости.

Потом Альбедо сказал о том, что Элен и Хоакин смогут победить змея и без них, но Скальд отказывался верить в это и даже слушать Альбедо.

– Элен...

– Идем, Скальд. Прошу. Я должен вернуть его. Пойми. Прошу тебя, ты обещал.

«Обещал? Да, я обещал спасти Энтони, спасти Айс и закрыть чертов Проход. Обещал...».

Скальд ничего не сказал. Он поднялся на ноги и взял Альбедо за руку, чтобы держать крепко – они должны двигаться вместе.

Скальд направился в сторону Академии, так и не оглянув-

шись, чтобы увидеть, как Элен, вонзив семиотик в тело змея, проводила его печальным взглядом.

Глава 30. Переворот

Я и забыла, что тяжесть семиотика совсем не ощущается. Сжимая в руке лишь увесистую рукоять, я нервно трясла ее, забывая о сверкающем продолжении – свете, способном разрубить все живое и неживое.

Даже огонь.

Отмеряя шагами кабинет Сееры, я ходила от одной стеклянной колонны к другой, поглядывая на ректора, чье тело в бессознательном состоянии сидело в кресле с опущенной на крышку письменного стола головой.

Что я натворила?

Я вырубил Сееру. Декан Мунлес запустил Левиафана. Что дальше? Мои успехи прямо пропорциональны моим поражениям.

Кто бы мог подумать, что под водой можно начать потеть? Я задыхалась. Воды не хватало. Хотелось дышать чаще.

– Спокойно, Айс. Скажи, когда было такое, что ты не выпуталась из сложной ситуации? Вспомни «Ракушку». Что там случилось?

Меня привязали к стулу и усадили за стол. Напротив меня сидел Шон. Без одного глаза, а в пустой глазнице сидела тухлая креветка. С кальмаром на голове. Рыбоеды съели моего Шона прямо у меня на глазах.

И я убила их.

Всех.

Одного за другим.

– И ты выбралась. Ты выжила. И вот ты здесь, у самого источника всех зол. Ты не можешь проиграть. Не сейчас.

Но мне нужен план.

И я неожиданно для себя осознала главное: Мунлес должен умереть.

Чем быстрее это произойдет, тем скорее мне станет намного легче. И я решу, что делать с Сеерой дальше. Избавившись от декана, я устраню главную проблему со своего пути.

– Где же ее так долго носит?

Стоило произнести это вслух, как я услышала звон открытия дверей.

– Быстрее ко мне! – не выдержала я.

Рука, сжимающая семиотик, сама дергалась в запястье. Я не могла контролировать это. Стоило расслабить кисть – ее начинало трясти.

Орсина Орэлла прошла через бардовые водоросли и появилась передо мной. Оказавшись в покоях ректора, она с ужасом уставилась на вырубленного Лорда Сееру, а потом на меня.

Ее рот приоткрылся. Глаза распахнулись и округлились. Орсина ладонями прикрыла губы.

– Ваше... Величество...

– Орсина, ты должна кое-что сделать.

Бросившись к ней, я заставила ее смотреть только на меня, а не на Сееру.

– Вы его...

– Он жив, Орсина.

– Ох, червь сработал?

– Не так, как я этого хотела. Он время от времени возвращает контроль над своим сознанием и телом. Он только что приказал Мунлесу запустить проект Омута. Левиафан.

Орсина сглотнула. У нее не нашлось слов.

– Я хочу остановить его.

– Декана Мунлеса?

– Разумеется! Орсина, ты должна сделать для меня кое-что важное.

– Слушаю.

Я покосилась на Лорда Сееру, машинально проверяя его состояние. Пока он так лежит, мне намного легче дышать.

– Найди самых верных мне людей среди стражников и приведи сюда. Они должны стоять у ворот в сад. Я хочу сейчас же сменить охрану.

– Сменить охрану?

– Да, Орсина, делай, что говорят. Сейчас же приведи сюда новых стражников, а этих убери прочь. Они работают на Омут. Я не хочу, чтобы они сейчас стояли там. Только те, кто верен мне, должны сейчас быть рядом со мной. Ты поняла?

– Я...

– Орсина, если Мунлес все понял, а я почти уверена в

этом, то он захочет меня убить. У него есть такой же клинок. И еще сила. Я должна быть защищена от него всеми средствами. Немедленно приведи новую стражу и отправляйся в Перекрестки. Узнай, что там с Левиафаном.

Обернулась: Сеера еще не пришел в себя.

– Я не могу оставить его одного. Я всегда должна быть рядом с ним. Ступай, Орсина. Поспеш. Мне нужна защита немедленно.

– Да, Ваше Величество. Но что будет потом? Что вы собираетесь делать?

Я и сама еще не знала.

Ситуация патовая и скорее всего придется импровизировать. Я уже это делаю!

– Доверься мне, Орсина. У меня все под контролем.

Ничего подобного.

– Скоро я стану ректором Академии. Главное – покончить с Омут. Время пришло.

Покончить с Омут? Не слишком ли я уверена в себе?

– Поторопись. И тебя не должны видеть. В этом случае они сразу обо всем догадаются. Они захотят уничтожить меня сегодня.

– Я не позволю этому случиться, Ваше Величество. Я все сделаю.

– Ступай скорее, Орсина. И береги себя.

Ответив краткой улыбкой и быстрым поклоном, Орсина Орэлла поспешила покинуть сады и выполнить мою просьбу.

Вернувшись к Сеере, я внимательно его осмотрела. Надеюсь, но не притворяется. Мне конец, если он прямо сейчас разыгрывают драму и подыгрывает мне, чтобы найти нужный момент для нападения.

Лорд Сеера куда опаснее Мунлеса. Но пока что он под моим контролем.

Отчасти.

Долгое время ничего не происходило, а потом я услышала шум. Грохот. И страшный вой.

Левиафан. Проект запущен.

Проклятье!

Что же теперь будет?

Стены задрожали. И снова жуткий рев. Гигантский змей на свободе.

Ситуация осложнилась. Вскоре Орсина вернулась. Она поменяла стражников у дверей и сообщила о том, что Левиафан вошел в Одд.

– И еще кое-что...

– Говори же!

Я буквально пыхтела от нервов.

– Началась битва.

– Битва? Что?

– Студенты, верные вам, вступили в схватку с Омутотом. Пробуждение Левиафана подняло всеобщее восстание. Насколько мне известно, в Одде Левиафан встретил врагов.

– Война? Орсина, о чем ты?

– Я сама не знаю, как все так быстро переменялось... Айседора, Академия восстала против Омута и декана Мунлеса.

Отчего мне эти слова дарят столько спокойствия? Люди, верные мне, отважились вершить революцию, выступив против Омута.

– Почему никто не испугался Сееру?

Орсина пожала плечами.

– Они знают, что ректор – ваш муж. Может, рассчитывают на вашу поддержку.

– Они хотят, чтобы я заняла его место?

Орсина не ответила, но это и не требовалось.

– Ты не должна здесь больше находиться, Орсина.

– Но Ваше Величество, я готова защищать вас...

– Нет. Орсина, уходи. Ты заменила стражу? Отлично. Дальше я справлюсь сама.

– Вы уверены?

– Да, Орсина. Я смогу. Просто уходи. Я закончу то, что начала.

Мне удалось спровадить Орсину. Я не могла позволить ей подвергать себя опасности ради меня. Ей не нужно видеть то, что я собираюсь сделать.

Оставшись одна в садах, я вернулась к Сеере. Он так и лежал, не осознавая, что Академия восстала против всех правил.

Началась война.

Я сжала семиотик двумя руками и занесла меч над шеей

Лорда Сееры.

– Возьми себя в руки, Айс. Ты сможешь.

Убить...

Я уже убивала, но для защиты.

Я никогда не убивала того, кто не может дать сдачи. Правда, Изабелла... впрочем, это другое.

Сеера без сознания. Крепко я его приложила. Он даже не узнает, что погибнет.

Просто перестанет дышать. Дышать станет нечем.

Закрыв глаза, я подняла меч выше. Оставалось опустить клинок и обезглавить собственного мужа.

– Кх...

Послышался голос.

Белые волосы зашевелились. Сеера поднял голову. Он посмотрел на меня, стоящую над ним с семиотиком в руках, и глаза его загорелись синим.

– Ты думаешь, что сможешь победить меня?

Его голос звучал холодно и властно.

– Я – древнее существо, обладающее невероятной силой. Вся Академия принадлежит только мне. Кто ты такая, чтобы бросать вызов?

Он оперся руками о стол и попытался встать. Каждое движение давалось ему тяжело. Червь все еще сражался за контроль над разумом. И Сеера сражался с ним. Но с каждым новым движением они становились увереннее.

Он возвращает контроль.

– Тебе меня не одолеть...

Его босые ступни оторвались от пола. Сеера начал всплывать вверх, и я поняла: медлить нельзя.

– Ты потеряла мое доверие...

Одно движение.

Всего лишь направление руки.

И сверкающий клинок пронзил тело ректора Сееры насквозь.

Синий огонь в его глазах замерцал, как перегорающая лампочка. Я сжимала рукоять меча и видела, как из раны сочится серая струя. Мое сознание будто отключилось. Я перестала понимать, что делаю. Не могла даже шевелиться. А просто сжимала меч и ждала чего-то...

Сеера тяжело дышал. Он задыхался. И глаза наполнялись красным. Его руки упали вдоль туловища. Голова запрокинулась назад. Сеера выпустил воду из себя.

И его тело медленно пошло ко дну.

Я потянула за рукоять и вынула меч. Мертвое тело Лорда Сееры с серой раной на животе и с красными глазами упало мне в ноги.

Вот и все?

Так погиб ректор Академии Марии Селесты?

Лишь один удар лишил его жизни?..

Я не могла в это поверить, пока не увидела, как рога-кораллы рассыпались в хрупкие песочные обломки. Серебристые узоры на его теле почернели. И кожа стала не белой, а

серой.

Убила все-таки...

И двери распахнулись.

Я бросила взгляд в сторону, и в нескольких метрах от меня появился декан Мунлес. Увидев мертвое тело Лорда Серы, он застыл. Я видела ужас в его глазах. И страх. Самый настоящий и неподдельный.

Его напуганный и растерянный вид придал мне уверенности и самообладания. Крепче сжав рукоять семиотика, я обратилась к нему:

– Ты проиграл, Мунлес. Омуту конец. И твой ректор тебя не спасет. Отныне я – ректор Академии Марии Селесты. И ты больше не декан.

– Как смеешь ты так говорить со мной? – прорычал он. – Я предупреждал его... предостерегал... говорил, что ты принесешь нам лишь беды. Мы жили согласно давним традициям и правилам, пока не появилась ты, злобная стерва.

– Вы жили в тирании. Жители Одда страдали. Студенты страдали. Все страдали под твоим гнетом, Мунлес. Омут нагло пользовался своим положением, считая себя выше других. Я лишь уравнила всех.

– И это привело к войне, тупая сука! Иерархия нарушена. Они все восстали против Омута! Но ничего... Верховная Матерь скоро будет здесь...

Мелисента!

– Она наведет порядок. Она и мой Левиафан. Ты можешь

убить Сееру. Можешь прикончить меня. Но с ней тебе не совладать. Левиафан сожрет весь твой город и не подавится. Знай же это, тварь. Грязная убийца...

Убийца.

Еще посмотрим, кто тут убийца.

– Стража! Стража! – заголосила я. – Декан Мунлес убил моего мужа! Лорд Сеера мертв!

– Мерзавка! Подлая сука!

Что-то мелькнуло, и в руке Мунлеса появился семиотик. Его змеиный хвост извился и поднял хозяина вверх. Мунлес бросился в мою сторону.

Все, что я успела сделать, это прикрыть себя клинком. Два меча-семиотика скрестились – раздался оглушительный треск – посыпались искры-иероглифы.

– Помогите! Стража!

Я продолжала звать на помощь. Мунлес так просто не сдастся. Глядя в его глаза, я видела непоколебимое и мучительное желание убить меня.

– Ты сдохнешь, тварь. Ты заплатишься за все!

Приложив усилия, я отбросила его от себя, толкнув мечом. Мунлес проплыл назад, а затем новый рывок – он снова движется ко мне.

Удар.

Я отбилась.

Семиотики сверкали, сталкиваясь друг с другом. Мунлес летал вокруг меня, кружился, интенсивно двигая хвостом в

воде. Я же оставалась стоять на полу и просто перемещалась с места на место, отбивая одну атаку за другой.

Сжимая семиотик двумя руками, я отчаянно размахивала им, не позволяя Мунлесу даже ранить меня.

А потом он применил силу.

Водоросли потянулись ко мне. Пришлось отвлечься от битвы с деканом и разрубить навязчивые живые морские пути прежде, чем они схватили меня.

– Твои трюки не сработают в этот раз, Мунлес. У меня было время тебя изучить.

– Ничего ты не знаешь, глупая пиявка! Ничего!

Взревев, он бросился в мою сторону. Удар. Отбив атаку, я полоснула семиотиком его по руке.

– Проклятье!

Декан не лишился всей конечности – зеленая кисть повисла на тонком лоскутке чешуйчатой кожи. Из раны хлынула зелено-алая кровь.

Стеная от боли, декан выронил семиотик и схватился за полу отрубленную руку.

– Сука, что ты наделала?

– Это только начало твоего конца, Мунлес.

Он не готов сдаваться.

Мунлес взял клинок в здоровую руку.

Он уже двигался в мою сторону, замахнувшись мечом, когда за его спиной появилось двое стражников. Студенты с серпами подхватили Мунлеса за руки и завели их за спину.

Семиотик выпал.

– Нет! Оставьте меня! Я – ваш декан! Я – председатель Омута! Эта тварь с поверхности убила вашего ректора! Вы не должны ее слушаться! Она убила вашего повелителя!

– Ваше Величество, мы его задержали, – сказал один с лицом, похожим на акулу, – какие будут приказания?

Все под моим контролем.

Теперь я это осознала.

– Держите его крепче. Декан Мунлес – убийца Лорда Сееры, моего горячо любимого мужа и ректора Академии.

– Она лжет! – верещал Мунлес. – Как вы не понимаете, идиоты? Она убила Лорда Сееру! Она хочет власти! Не трогайте меня, болваны!

Но двое студентов оказались сильнее и проворнее. Их не останавливал факт того, что они держали декана. Я видела в их глазах безупречную верность мне.

– Доложите о том, что происходит в Академии, – приказала я.

Второй, с щупальцами вместо волос, отрапортовал:

– Восстание успешно подавляет сопротивление Омута. Проект Левиафан задерживается на улицах города и не покидает Одд.

– Почему? Что мешает ему уплыть?

– Этого мы не знаем, Ваше Величество.

– А что там с сопротивлением? Что делают с членами Омута?

– Казнят за предательство.

– Предательство?

– Они были верны декану Мунлесу, а не вам. Остальные не хотят терпеть ненадежных людей.

– Остановить это сейчас же. Все члены Омута должны быть задержаны, а не убиты. Вы меня поняли? Все они заслуживают того, чтобы вернуться домой к своим семьям. Я не хочу крови. И я не хочу быть Королевой, которая взяла власть кровью. Я издавала реформы, а не планировала революцию. Смерти заслуживает только он, убийца моего мужа. Лишь декан Мунлес будет казнен. Остальные члены Омута должны присягнуть мне или быть арестованы, но не убиты.

– Мы позаботимся об этом, Ваше Величество.

Сейчас я ощутила ответственность за все свои действия. Все началось с невинных реформ, а закончилось революцией и кровопролитием среди студентов. Пробуждение Левиафана запустило кровавый механизм. Все сдерживающие силы пали, и студенты перестали сдерживать свои страшные желания.

Омут донимал их очень долго, и вот наступил час расплаты за все. Но я не могу позволить смертям множиться. Я появилась здесь, чтобы остановить войну, а не развязать бойню.

– Что делать с деканом? – спросил страж-акула.

Я сделала шаг вперед, не сводя взгляда с глаз Мунлеса. Он уже не сопротивлялся. Его змеиное тело обвисло на руках

стражников. Он смирился с судьбой – деваться ему некуда.

– За свои преступления...

– Твоя маленькая победа – только начало еще больших бед.

Он не слушал меня, а говорил свое.

– Верховная Матерь здесь. И она не пощадит того, кто сломал установленный порядок. Лига Призраков Перламутра не оставит все без отмщения. Академия и Лига остаются крепкими партнерами, ближайшими соратниками на службе у Верховной Матери.

– Теперь все изменится, декан Мунлес. После того, что ты сделал...

– Ты сделала, и мы оба это знаем.

Мне стало не по себе, ведь этот гад прав. Я убила Сееру, своего мужа.

– И твой сегодняшний поступок определит дальнейшую судьбу. Ты права, этот день перевернет все с ног на голову, но совсем не так, как ты этого хочешь.

Его голос сделался ровным и спокойным. Впервые за все время декан Мунлес был смиренным.

– Ошибаешься, Мунлес. Хочешь знать, как у меня все получилось? Я дала им то, чего они заслуживали, чего хотели, что должны были иметь по праву. И взамен я получила верность и любовь, а не страх. Это твоя ошибка, Милантэ.

– Страх?

– И я не боюсь Верховной Матери. Я не боюсь Лиги При-

зраков Перламутра. Я – дочь своей матери, Айседора Селеста Блейс. И я приговариваю тебя к смертной казни, декан Сеера, за все твои преступления против меня и Академии.

Он смотрел на меня. Прямо в глаза, как я и хотела.

Я занесла над его шеей семиотик и услышала последние слова декана:

– Слава Верховной Матери. Да будет править она вечно.

Рукоять опущена.

Клинок коснулся шеи Мунлеса и разрезал плоть, как воздух.

Голова отделилась от тела и медленно упала на пол.

Пьянящее чувство победы, превосходства, силы и власти охватило меня в тот миг и уже не опускало.

Стражники выпустили мертвое змеиное тело, и оно также медленно опустилось на пол и теперь лежало рядом с головой. И я не могла оторвать от мертвого декана глаз. Так мне нравилось смотреть на его обезглавленный труп. Это зрелище утверждало в моем сознании безоговорочную победу.

Мою победу.

– Я, ваша Королева Морских Сердец, Айседора Селеста Блейс, объявляю себя ректором Академии Марии Селесты.

Глава 31. На самом дне

– Какого черта?!

Белый свет глухо мерцал.

Слабые мигания виднелись вдали темного коридора.

Перекрестки усыпаны трупами.

От мертвых тел, искалеченных и изрубленных, во все стороны тянулись тонкие алые струйки, и растекались мутные багровые лужи. Тела словно висели в воздухе. Как мертвые рыбы, перевернутые животами к потолку, они зависли, будто подвешенные за невидимые ниточки.

Руки, ноги и головы, отделенные от тел, плавали повсюду. Мертвые пальцы сухими веточками тянулись куда-то в пустоту.

Изувеченные тела существ, напоминающих и рыб, и людей, теперь казались куклами. Манекенами. Бездушными. Словно они никогда не были живыми.

Перекрестки, превратившиеся в гробницу, в могилу, наполнялись кровью и смрадным гнилым запахом. Вдали, там, где мерцал белый свет, разносился жуткий чудовищный истошный вопль. А когда он затихал, мертвый лабиринт накрывала раздражающая и пугающая тишина.

– Идемте, Альбеде. Не отставайте. Надо найти Энтони и лифт, ведущий в Глубины Пепла.

– Я пойду первым.

Стоило Альбедо сделать шаг, Скальд остановил его, создав перед ним преграду, выставив в сторону меч-семиотик.

– Скальд.

– Никаких возражений, Альбедо. Я иду вперед, а вы держитесь за мной.

– Скальд...

– Я сказал: никаких возражений.

Альбедо выдохнул воду и заметно ослабил руку, сжимающую магический клинок. Скальд пошел первым, раздвигая перед собой холодные трупы, висящие над головой.

– Постарайтесь не дышать кровью, – сообщил он Альбедо, – это может быть опасно. Не хватало нам чем-нибудь заразиться.

– Кровь повсюду. Кто-то устроил здесь настоящую бойню.

– Тогда предлагаю, проходя мимо трупов, вообще не дышать. Держитесь ближе, я уверен, что Энтони должен быть где-то поблизости.

На самом же деле Скальд совершенно не верил в то, что Энтони мог быть рядом. С каждой минутой он все больше сомневался, что им удастся обнаружить Энтони Эрнандеса живым.

– Кто мог устроить подобное? – задавался вопросами Альбедо. – Неужели, тот змей их всех перерезал?

– Не думаю.

Скальд заметил окровавленные стеклянные копья и серпа.

– Они сделали это сами, – убедился он.

– Они? – не понял Альбедро.

– Студенты Академии. Они напали друг на друга. Видите? Здесь много колотых и резаных ран. Они отрубали друг другу конечности. Здесь была битва. Они сражались друг с другом, а не со змеем. И вероятно...

Мимо проплыл толстый кусок отрубленного щупальца.

– ...с ними был кто-то еще.

– Кто же?

– Монстры, которых они сами создали.

Раздался рев.

Скальд тут же остановился и дал Альбедро жестом команду замереть.

– Студенты долгое время занимались разработкой проектов, используя самых разных подводных тварей, создавая армию для ректора Академии. Теперь все их творения... вышли на волю.

Скальду становилось самому не по себе от собственных слов, предвещавших большую опасность. Он продолжил двигаться дальше, следуя маршруту, по которому их вела Эванджелина. Он верил, что только так сможет найти заветный лифт, ведущий на самое дно, к Проходу.

Перед лицом Скальда снова и снова всплывала картинка последних секунд жизни Эванджелины. Ее взгляд. Ее лицо. Ее слова.

Она хотела ему что-то сказать об Айседоре, но не смогла.

Она точно хотела помочь – сделать что-то важное и полезное перед гибелью.

Скальд не мог перестать думать об Элен, оставшуюся сражаться со змеем вместе с Хоакином Мартинесом. Он оставил ее. Ушел с Альбедо сюда, в Перекрестки. Ему остается лишь молиться о том, что у них все получится.

Он не хочет терять кого-то еще.

«Энтони... прости меня».

– Скальд!

За спиной раздался голос Альбедо, но Скальд услышал его с опозданием. Он так глубоко погрузился в мысли, что не заметил появления в конце коридора фигуры с множеством щупалец вместо ног. А на голове, вместо волос, росли живые хищные муруны с блестящими алыми и желтыми глазами.

Выглядела она обеспокоенно. Перестав метаться по коридорам Перекрестков, она наконец остановилась и взглянула на двоих незнакомцев. Скальд заметил, как ее взгляд упал на семиотики.

«Она знает, что это такое. Она видела их раньше».

А потом... щупальца оторвались от пола, и она быстро поплыла к ним. И в руках ее появились стеклянный серп и странный черный пульсирующий чернилами нож.

– Альбедо, приготовьтесь!

– Всегда готов!

Скальд увидел, как морская бестия скрестила руки, и в их сторону хлынул мощный поток воды, закручивающийся

в водоворот.

Скальд, дождавшись приближения спиральной волны, рассек ее взмахом семиотика точно так же, как когда-то рассек огненные чары Присциллы Пирс.

Но враг не подал виду – ее нисколько не удивила сила меча.

– Где Энтони? – крикнул Альбеде, будто надеялся, что получит от незнакомки вразумительный ответ.

Скальд заметил, как белые губы врага растянулись в довольную улыбку. Вскоре она появилась прямо перед ними, замахиваясь серпом и кинжалом одновременно.

– Альбеде!

Скальд махнул мечом и разбил стеклянное оружие. Незнакомка ахнула. Альбеде вышел из-за спины Скальда и выставил меч вперед – семиотик пронзил живот противницы прямо под рисунком реберных дуг.

Она застыла, широко раскрыв рот.

– Ты знаешь Энтони? Ты слышала о нем? – спрашивал Альбеде, не теряя надежды что-то выяснить о племяннике.

Скальд видел умирающие глаза женщины-осьминога. А ее губы издали едкий смешок. Мурены умирали, их глаза гасли, а змеиные тела обмякали, как увядающие лепестки цветка.

Она успела произнести:

– Вы его потеряли.

Скальд взглянул на Альбеде – на его лице стоял ужас. В глазах Эрнандеса старшего вскипал праведный гнев. Ярость.

И жажда крови.

– Альбедо...

И тот издал дикий рев.

Альбедо оттолкнул Скальда в сторону и резким движением разрубил тело незнакомки с черным ножом надвое.

Из разреза растекалась чернильная кровь.

– Альбедо? Вы как?

Скальд опустился на ноги после того, как отплыл в сторону после толчка напарника, и подошел к Альбедо, протянув к нему свободную руку.

– Скажи мне, Скальд.

Альбедо тяжело дышал кровью врага.

– Где он? Где мой мальчик? Где Энтони?

Скальд не мог с уверенностью думать о том, что Энтони погиб. И говорить об этом в лицо страдающему Альбедо – хуже казни.

– Мы его найдем. Обещаю.

Скальд взял Альбедо за руку, чтобы как можно быстрее увести от нового трупа, чьи две половинки отплывали друг от друга все дальше и дальше. Щупальца выпустили чернила, и разрубленное тело утонуло в черном тумане.

Скальд двигался дальше. Он снова и снова рылся в памяти, воспроизводя маршрут, по которому их вела Эванджелина. Бесконечные повороты. И однотипные коридоры.

Если в первый раз, когда Скальд оказался в Перекрестках, эти туннели блестели от белизны и света, то сейчас... тьма,

редкое мерцание лампочек, трупы и кровь.

Перекрестки превратились в жуткие коридоры, полные опасности и смерти.

Редко где мигал свет. Большую часть пути приходилось проделывать во мраке, и лишь сияние семиотиков освещало дорогу.

Скальд, все отчетливее вспоминая дорогу, начинал идти быстрее. Без страха и брезгливости он растаскивал от себя трупы прочь, а повороты делал все увереннее.

– Куда мы так побежали, Скальд? – Альбедро почти бежал за Скальдом. – Ты вспомнил дорогу? Ты понял, где могут держать Энтони?

Несмотря на то, что большая часть черных железных дверей, которые когда-то были заперты, теперь открыты настежь, Скальд даже не думал заглядывать в лаборатории. И уж тем более искать там Энтони. Или его тело.

Им двигала иная цель. Он жаждал завершить то, что закончить следовало давно. Устранить главную причину всех бед.

– Скальд! Скальд!

Поворот.

Еще туннель.

Альбедро бежит за Скальдом.

– Подожди меня, Скальд! Куда же ты?

Поворот.

И снова коридор. Еще поворот.

– Скальд!

И вот оно... Скальд замер, найдя то, что так неистово искал все это время.

Лифт.

– Скальд, куда ты так погнал? Ты же не хотел убежать от меня? Ох... дай-ка мне отдышаться...

Альбеде повесил руку на плечо Скальда и перевел дыхание.

– Прости, Альбеде. Я просто боялся забыть дорогу.

– Дорогу куда?

– Вот оно. Это лифт, который отведет нас в Глубины Пепла. Там мы сможем запечатать Проход раз и навсегда. Покончим с угрозой для Перламутр-Бич навечно. Источник всех бед. Пришло время его уничтожить.

Альбеде не волновал лифт. Он даже не взглянул на него. Он смотрел только на Скальда.

– А как же Энтони?

– Альбеде, поймите, Проход сейчас важнее. Очень велик шанс, что я больше никогда не найду этот лифт. Мы можем ходить по этим коридорам годами. Я не знаю всех дорог и направлений. Давайте закроем Проход, а потом отправимся искать Энтони. Я тоже очень сильно хочу его найти. Но сейчас у нас есть шанс закончить дело его родителей.

– Энтони важнее, Скальд. Я не могу идти куда бы то ни было без него! Ты же сказал, что мы сначала найдем его и Айс, а потом займемся Проходом.

– Времени нет, Альбеде. Это наш шанс. Послушайте. Этот лифт связан какой-то особой силой с ректором Академии. Как только мы войдем внутрь – он узнает, что мы там. И он явится в Глубины Пепла. У нас есть шанс закрыть Проход и убить Лорда Сееру, правителя этого мира. Избавимся от их главаря, от того, кому они все служат. И тогда, я уверен, все они сдадутся. Битва закончится. И мы сможем спокойно отыскать Энтони и Айседору. Если пойдем сейчас, то... столкнемся с кучей препятствий и массой врагов. Поймите, это самый надежный выход из ситуации: сперва закрыть Проход и покончить с ректором, а потом отыскать наших друзей. Тогда все закончится, и останутся лишь Лига и Верховная Матерь. Сапфировое море будет спасено. Альбеде, вы же и сами понимаете, что это разумно. Это правильно. Прошу вас. Я обещаю, что мы найдем Энтони, но сперва...

Альбеде приподнял ладонь, призывая Скальда к молчанию. Скальд отчаянно надеялся, что Альбеде сумеет понять ход его мыслей и примет такой план действий.

– Ладно, Скальд. Закроем чертов Проход. Убьем чертового ректора этой сраной Академии. А потом я хочу увидеть своего племянника. Ты меня понял?

– Обязательно, Альбеде. Мы сразу же помчимся его искать. Никаких промедлений и смены плана. Договорились?

Скальд протянул Альбеде ладонь для пожатия. Он рассчитывал наконец уладить все разногласия с дядей Энтони за то, что случилось. Несмотря на дружеское расположение

Альбеде, Скальд все еще видел в этом человеке затаенную обиду и злость на него за то, что он оставил Айс и Энтони в Академии. Отдал их в руки врагу.

Альбеде не стал жать руку Скальда в ответ. Он просто развернулся лицом к лифту и ответил:

– Идем.

И первый направился к дверям.

Скальд, стараясь перестать думать об обиде Альбеде, последовал за ним.

«Сейчас есть дела поважнее».

Ему не терпелось оказаться в Глубинах Пепла и избавиться от злосчастного Прохода, из-за которого все началось.

Двери лифта открылись. В кабинке горел ослепительный ясный свет. Двое зашли внутрь. На стене Скальд заметил всего две кнопки – два этажа: Перекрестки и Глубины Пепла.

– Приготовьтесь вершить историю, Альбеде. Мы делаем большое дело.

И Скальд нажал на нижнюю кнопку – двери закрылись. Альбеде лишь недовольно хмыкнул. Лифт начал спуск вниз. Ехали они в полном молчании. Альбеде не сказал ни слова, и Скальд решил промолчать в ответ.

Лифт замер. Пауза.

И двери открылись.

Перед Скальдом появились Глубины Пепла.

То была огромная черная бездонная пещера, в которой не видно ни потолка, ни стен, ни земли. От лифта вдаль вел

широкий каменный мост, раскинутый через глубокую пропасть. Вокруг – абсолютная всепоглощающая тьма. И вода здесь... холодная. Гораздо холоднее, чем в Перекрестках на дне океана.

Длинный мост соединял лифт и нечто, растущее на дальней стене. Сияние. Черное и красное. Сплетение щупалец или корней? Словно множество тонких и толстых ветвей, переплетающихся друг с другом в хаотическом порядке. Черные сплетения, сияющие кровавыми огнями, образовывали огромное кольцо, в центре которого брезжили красные и черные искры, сливаясь в единый световой поток.

Скальд сразу догадался – это и был тот самый Проход – огромный портал между мирами.

Ветви-щупальца словно живые. Они находились в постоянном движении. Они обнимались, как клок змей. И даже издавали шипение. Шуршащий звук, напоминающий дребезжание радио, – единственное, что нарушало тишину во мраке.

Сделав несколько шагов вперед, Скальд заметил на мосту силуэт. Человеческий силуэт.

– Идемте, Альbedo, – наконец произнес он.

– Кто там, Скальд?

– Я пока не вижу.

Они шли дальше. Шаг за шагом, приближаясь к силуэту вдали.

Кто-то стоял на середине моста и смотрел на них, ожидал

их. И в руках у него блестело что-то черное и тонкое. Два меча.

Скальд, которому удалось первому распознать личность фигуры, остолбенел.

Голый изрезанный ранами торс. Никакой крапивной рубашки. На ногах лишь рваные черные джинсы по колено. Ноги босы. И в руках – два черных искрящихся меча, напоминающих семиотики. Но символы не золотые, а чернильные и даже красные. Мечи словно были сотканы из той же энергии, что и Проход.

Бледное тело. Серая кожа, покрытая черными и багровыми порезами, разбросанными на груди, животе, плечах, шее и руках.

Альbedo, сделав еще несколько шагов вперед, наконец распознал своего племянника.

– Энтони...

Альbedo хотел сорваться на бег, но Скальд тут же его остановил, схватил за запястье.

– Отпусти меня! – рявкнул Альbedo.

– Нет, Альbedo, с ним что-то не так. Это уже не наш Энтони.

– Прочь, Скальд! Это мой Энтони! Мой! Мой мальчик...

Альbedo удалось вырваться из хватки Скальда и убежать вперед.

– Альbedo, стойте! Вернитесь! Разве вы не видите? Это не Энтони. Он опасен. Прошу вас, не идите к нему.

Но Альбеде не слушался. Он бежал к Энтони, и Скальд, почуяв неладное, погнался за ним.

– Альбеде! Альбеде, нет! Не смейте приближаться к нему!

Скальд почти догнал Альбеде, когда тот остановился в паре шагов от того, кто раньше был Энтони.

– Энтони... что они с тобой сделали?

Ноги Альбеде подогнулись. Он выронил семиотик. Скальд подлетел к нему, не дав упасть.

– Альбеде, прошу...

– Оставь меня, Скальд. Это все из-за тебя! Уходи. Прощу. Оставь меня. Отпусти!

Альбеде дернулся, стряхивая с себя руки Скальда. Он сам снова встал на ноги и смотрел только на Энтони – того, кем он стал.

Скальд осторожно сделал шаг назад, пытаясь контролировать ситуацию. Пока что измененный Энтони не проявлял агрессии. Он вообще ничего не проявлял – просто стоял и смотрел.

– Энтони... – рука Альбеде потянулась к племяннику, – ты помнишь меня? Помнишь, кто я такой?

И новый Энтони подал голос:

– Мое имя – Каратель.

И все упало внутри Скальда от осознания того, кто стоял за всеми убийствами в Перламутр-Бич.

Бина Ларс, Альраун Кост и Людо Ксавьер... все они пали от его руки. Их убил он, Энтони... вернее тот, в кого они его

превратили.

Несущий Погибель. Каратель. Наемник на службе у Лиги Призраков.

Энтони.

– Нет, – пробормотал Альбедро, – не может быть... нет, ты не Каратель. Ты не Несущий Погибель. Ты – Энтони Эрнандес. Мой племянник. Ты – сын своих родителей, Лианы и Аладара. Ты – друг Матео и Беатрис. Ты помнишь их? Ты – тот, кто любит Мису Филиндерс всем сердцем даже после ее смерти. Они убили ее, Энтони. Ты же это понимаешь? Они убили ее...

Скальд переживал за Альбедро. Как бы Каратель, он же Несущий Погибель, он же Энтони, не сделал чего-то опасного. А эти два черных клинка, видимо, бывшие некогда семиотиками, внушали ужас.

«Как им удалось изменить их? Изменить Энтони? Что это за сила? Откуда она?».

– Энтони, прошу тебя. Вспомни. Твои мама и папа сражались с этим злом. Они бы не хотели, чтобы ты был тем, кем стал. Ты еще можешь вернуться к нам. Я верю. Энтони, прошу. Ты еще можешь стать прежним. Я знаю тебя. Ты – хороший человек. Очень хороший и добрый славный парень, с которым случилось много всего дурного. Ты потерял Мису. Они... использовали это против тебя, так? Ты же знаешь, что ее не вернуть. Ты можешь только мстить. Но для начала... тебе надо восстать против них. Ты должен стать прежним,

Энтони. Я знаю, ты можешь. Мальчик мой... прошу тебя. Матео и Беатрис, ты помнишь их? Они так за тебя переживают. А Скальд? А Айседора? Элен? Хоакин Мартинес? Мы все – твои друзья. Твоя большая семья. Мы готовы поддерживать тебя, помочь тебе. Я готов сделать для тебя все, Энтони. Только вернись... оставь это в прошлом. Они использовали тебя в своих целях. Они не могут дать тебе того, что ты ищешь...

– Миса...

– Миса, да? Вот, что они обещали тебе? Энтони. Ее не вернуть. Они обманули тебя. Они лгали тебе. И использовали эту ложь против тебя, чтобы творить зло твоими же руками. Но ты не такой. Я знаю. Я точно знаю, потому что я воспитал тебя. Я помню, как ты рос у меня на глазах. Прости... Энтони, прости, что так долго скрывал от тебя всю правду. Я просто хотел сбегать...

Скальд не отрывал взгляда от Энтони. Он контролировал каждое его действие. И он заметил на лице Энтони растерянность: глаза забегали в разные стороны, опустившись вниз.

– Ты помнишь «Глубоководье»? Помнишь рыбалку? Помнишь «Хот Фиш» и Луи? Помнишь «Первую Лагуну»? Помнишь серфинг? Энтони, ты помнишь, как ты катался на доске по волнам? Как ты летал? Какое удовольствие ты получал? Ты сам мне говорил: «Дядя, я чувствую себя свободным. Я чувствую себя живым». Энтони, они хотели отнять у тебя это все. Они забрали у тебя Мису, забрали твой серфинг,

забрали твою свободу, твою жизнь... Энтони, прошу... вернись к нам. Я знаю, я не могу вернуть Мису. И никто не сможет. Но я могу дать тебе лучшую жизнь. Не жизнь убийцы на службе зла. Не жизнь наемника. А нормальную человеческую жизнь. Друзей. Любовь. Семью. Свободу. Серфинг... Энтони, прошу... не убивай себя сам... не поддавайся им. Борись. Ты сильный. Я знаю, черт возьми! Я тебя растил. Ты очень сильный, мальчик мой. Борись с этой гадостью внутри тебя. Энтони, прошу. Не сдавайся. И сейчас – твоя самая большая битва. Прошу, сделай правильный выбор. Ради себя самого. Ради своей жизни. Ради свободы. Ты не пленник, Энтони. Ты не раб. И ты не чей-то слуга. Ты – свободный человек. Человек, Энтони. Помни об этом.

Энтони продолжал молчать. Его взгляд все еще метался в растерянности. Он смотрел то на Альбеда, то на Скальда, то себе в ноги, то на мечи.

Скальд не мог даже догадываться о внутренней борьбе, царившей внутри Энтони прямо сейчас.

А Альбеда продолжал убеждать Энтони вернуться к прежней жизни:

– Помнишь, что я тебе говорил про жизнь, Энтони? Жизнь – чертова яма дерьма. Ты либо тонешь в ней, либо выбираешься наружу, на свет. Энтони, я вижу тебя. Я вижу, что ты висишь на краю пропасти. Ты пытаешься забраться наверх, я это чувствую. Позволь мне помочь тебе?

Альбеда опустил меч в ноги и протянул свободные руки

к Энтони.

Скальд, заметив это, крепче сжал рукоять семиотика.

– Прошу тебя, не отпускай руки. Не разжимай пальцы. Не тони в дерьме, Энтони. Ты сильный. Ты умеешь держать удар. Ты умеешь справляться с трудностями. Что тебе было не под силу? Скажи мне! Ты мог все, Энтони. Ты – сын своих родителей. Ты – мой племянник. И твои друзья тоже сделали тебя сильным. И любовь, Энтони. Любовь. Ее любовь. Я же все видел, Энтони. Миса давала тебе сил. Она делала тебя свободным и счастливым. Она научила тебя тому, чему я был не в силах научить. Рядом с ней ты ощущал себя на поверхности, а не в яме дерьма. Рядом с ней, Энтони, ты жил по-настоящему. И дышал свободно. И что сделали они? Они убили ее. Убили не только Мису, но и силу в тебе, тягу к жизни, тягу к свободе. Волю. Они потащили тебя на самое дно, Энтони. Выбирайся. Прошу. Выбирайся. Я знаю, что тебе это под силу. Ты тянись, Энтони. Тянись. Я помогу тебе. Мы все исправим. Вместе. Обещаю.

Альбедро сделал шаг навстречу Энтони.

Скальд напрягся.

– Идем со мной, мой мальчик.

Еще шаг.

– Я помогу тебе выбраться. Вот увидишь, Энтони. Ты станешь счастливым.

Шаг.

– Энтони, пойдём.

Альбеде стоял прямо перед ним, протягивая руки.

Энтони посмотрел на Скальда, потом на Альбеде. И сделал короткий шаг навстречу.

Энтони завел руки за спину Альбеде для объятий. Альбеде радостно прижал племянника к себе.

Скальд следил за Энтони – тот закрыл глаза. Он все еще сжимал два черных меча, а потому обнимал дядю лишь плечами.

– Спасибо тебе, мой мальчик... – Скальд услышал голос Альбеде, – я тебя люблю...

Энтони открыл глаза.

Он смотрел на Скальда и улыбался.

А потом...

Прежде, чем Скальд успел двинуться с места, два черных меча-семиотика вонзились в спину Альбеде.

Они прошли насквозь самого Альбеде и тела Энтони...

Скальд замер, не в силах ни двигаться, ни дышать...

Каратель ухмылялся, глядя ему в лицо. Он сделал шаг назад, вынув оба клинка, отделив себя от тела родного дяди. В спине Альбеде зияли две кровавые раны, из которых сочилась темная смола.

Несущий Погибель смотрел в лицо Альбеде и улыбался. Скальд не мог видеть взгляда Альбеде, не мог даже представить, что тот чувствовал.

Альбеде попятился отступил назад. Он обнимал себя руками, придерживая рану. Его взгляд не отрывался от Кара-

теля.

Тот, кто когда-то звался Энтони, взял золотой семиотик, принадлежавший Альбедо, и бросил его за пределы моста. Магическое сияние утонуло во мраке.

Несущий Погибель приблизился к Альбедо, стоящему на краю обрыва.

– Нет!

Скальд рванулся с места.

А потом... Каратель ударил ногой Альбедо прямо в живот.

Тело быстро отклонилось назад и упало за границу каменного моста в самую бездну Глубин Пепла.

Глава 32. Любой ценой

Элен упала на землю и прижалась спиной к гигантской ракушке. Сжимая двумя руками рукоять меча-семиотика, она перевела дух. Из носа текла кровь, и алая струйка растворялась в подводном течении.

– Ты как?

Рядом к ней примкнул плечом Хоакин Мартинес.

И раздался рев исполинского белого змея с горящими красными глазами. Чудовище разносило подводный город Одд в щепки: крушило дома, взрывало землю. И беспощадно пожирало каждого на своем пути.

Жители бросились уплывать и бежать в рассыпную. Куда они не шли – так это в шахты. Они боялись оказаться запертыми в ловушке в рудниках наедине с проектом Омута.

– Что нам с ним делать, Хоакин?

– У тебя кровь, Элен!

Его рука потянулась к ней.

– Пустяки, – она отвернула лицо.

Новый взрыв. Элен уже привыкла. Она знала, что такие звуки раздаются после того, как змей зарывается под песчаное дно, а затем выныривает наружу, уничтожая часть построек.

– Нам удавалось его ранить.

– Трижды, – парировала злобно Элен, – этого недостаточно.

но. Семиотик причиняет ему вред, но мало. Нужно отрубить голову этой твари. Хоакин, думай, как к нему подступиться!

Хоакин на мгновение выглянул из укрытия, чтобы проверить обстановку. Огромный змей плыл по улицам в поисках новой добычи.

– Нужно загнать его в ловушку.

– Как ты это себе представляешь? Построить капкан?

– Не нужно изобретать капкан, когда он уже у нас под рукой.

Элен с любопытством взглянула на напарника.

– Что ты предлагаешь?

Хоакин кивнул в сторону выхода из города.

– Шахты.

– Заманим туда чудовище? И сами окажемся в ловушке!

Хоакин, как ты это себе представляешь? Он нас сожрет живьем в этих пещерах.

– Не сожрет. Я пойду вперед и заманю его внутрь. Ты нанесешь последний удар. Устроим обвал.

– Нет, Хоакин, нет! Даже не вздумай. Это слишком рискованно. А вдруг ты не успеешь выбраться?

Элен стало не по себе от глупой затеи Хоакина. Он собрался жертвовать собой, чтобы у нее появилось время для удара – возможность сразить змея окончательно.

– Элен, скоро он закончит разрушать Одд и поплывет к поверхности. Ты этого хочешь?

– Хоакин! Должен быть другой путь. Я не позволю тебе

работать приманкой. Наживкой. Нет! Не смей, Хоакин.

Она смотрела ему в глаза, стараясь убедить его отказаться от паршивой идеи.

– Мы убьем его вместе, Хоакин, – заверила она друга, – никому не придется рисковать жизнью. Мы можем... заманить его в шахты и обрушить потолок? Просто вонзим семиотики в крышу и...

– Устроим обвал.

– Именно так! Хоакин, не смей заходить в пещеру, ты меня понял? Что я потом скажу Альбедо? Скальду? А Матео и Беатрис? Ты не умрешь сегодня, понял? Я не позволю тебе рисковать. Мы загоним гада в рудники и обрушим на него горы камней.

Хоакин согласно кивнул, уведя взгляд в сторону.

– Эй-эй, Хоакин, посмотри на меня.

Элен взяла рукоять в одну руку, а второй коснулась щеки Хоакина и повернула голову к себе лицом.

– Не смей. Слышишь?

В его глазах она разглядела отчаяние.

– Не смей умирать, Хоакин Мартинес. Не сегодня. Понял меня? Это приказ, мать твою.

– Я еще в своем уме, Элен. Я не собираюсь жертвовать собой! И не собирался, предлагая свой план. Ты же все поняла, правда же?

– Клянись.

– Клясться?

– Жизнями Матео и Беатрис.

– Элен...

– Хоакин. Я жду.

Новый взрыв.

Чудовище ревело. Элен чувствовала спиной приближение ползучего белого кошмара.

Она слышала, как монстр шипит и даже клацает острыми длинными верхними клыками. Змей будто говорил им: «Вам не спрятаться. Вы оба сдохнете».

Но в планы Элен на сегодня смерть не входила. И что еще важнее – смерть Хоакина.

– Давай, Хоакин. Клянись и пошли сражаться, пока он все не сожрал.

– Ладно, Элен. Клянусь жизнями Матео Мончо и Беатрис де Кастелл, что не полезу в рудники вместе со змеем. Довольна? Пошли сражаться.

– Держись рядом.

Схватив рукояти семиотиков двумя руками, они оттолкнулись спинами от защитной стены и встали на ноги.

– Давай, Хоакин, завалим гада!

По команде они покинули укрытие и вышли на улицу Олда. Какое-то время змея нигде не было видно, но потом здание, сооруженное из части корабля, по правую сторону взорвалось.

Из земли вырвалась громадная белая толстая труба – тело змея, – издавая оглушительное ревущее шипение.

– Давай, змееныш, поиграем в догонялки! – издевательски бросил Хоакин.

И двое Печатей сорвались на бег.

Они бежали к границе города, за которой начиналась дорога, ведущая в кварцевые шахты. Змей гнался за ними, опустив голову на землю широко раскрыв фиолетовую пасть. Его тело извивалось и сверху могло напоминать живую молочную реку.

– Думаешь, бежать от змея – хорошая идея? – спросил у Элен на бегу Хоакин.

– Точно не знаю. Мы успеем?

– Да хранят нас милостивые духи! К черту всех и вся! Беги, Элен, беги так быстро, как только можешь!

– Черт возьми, я стараюсь! Бежать по морскому дну не очень-то и просто, если ты не заметил.

– О, поверь, я заметил!

– Мои поздравления. Десять из десяти за наблюдательность.

– Обожаю, когда ты пускаешь шутки, находясь в шаге от верной смерти.

– А что еще остается? Только смех и спасает!

Переложив меч в правую руку, Элен ускорила темп бега. Она забыла про крапивную рубашку, про водяное дыхание, про магический клинок. Она на время даже забыла о могучем змее у себя за спиной.

Она бежала, и всю ее голову занимали мысли только о

Скальде и Альбедо. Что с ними? Нашли ли они Энтони? Закрыли ли Проход? Одолели ли ректора Академии?

Живы ли они?

«Милостивые духи, прошу: спасите их души. Пусть они живут! Пусть они оба спасутся. Пусть живут, пожалуйста. Подарите им жизнь. Только жизнь. Прошу!».

С каждой новой мыслью Элен все больше осознавала, что не представляет свою жизнь без Альбедо, без Скальда...

«Спаси его... спаси!».

– Элен!

Голос Хоакина вернул ее из мыслей в реальность.

– Мы уже покинули город. Давай к рудникам.

Элен быстро осмотрелась: песчаная подводная равнина. Тропа ведет к рудникам. Жители Одда разбежались за много метров от города прочь. И прочь от рудников, спасаясь от безжалостного свирепого чудовища.

– Он догоняет! – крикнул Хоакин. – Ползти по песку ему гораздо проще, чем по улочкам руин Одда.

– Проклятье. Тогда быстрее.

Змей настигал.

– Успеем? – с надежной в голосе спросила Элен.

– Как посмотреть...

Элен оглянулась – змей близко. Она посмотрела в сторону шахт – еще далеко.

«Нет, не успеем».

Элен остановилась и взялась за рукоять двумя руками.

– Что ты делаешь? – выпалил Хоакин. – Надо бежать!

– Он съест нас еще на полпути до шахт. Нужно ослабить его, чтобы выиграть время.

– С ума сошла? Он несется прямо на нас!

– Пусть несется...

«Я только этого и жду».

– Элен, бежим, пока не поздно!

– Уже очень поздно, Хоакин... он здесь.

Белый змей нагнал их.

Громадное чудовище, замедлив скорость, устремило голову вперед, разинув пасть. Между белыми клыками появился толстый фиолетовый язык, который стрелой понесся вперед головы.

Взмах.

Удар семиотика пришелся прямо по сиреневой плоти. Брызнула лиловая кровь. Элен держала семиотик в руках, сверкающий полной силой.

– Ты отрезала ему язык! – ахнул Хоакин.

– Я заметила, а теперь бежим.

Элен верила, что такой мощный удар сможет задержать змея и дать им время достигнуть рудников.

Змей, взыв от боли, повалился на песок. Из пасти растекалась цветистая кровь, поднимаясь пухлыми облачками вверх.

Оглянувшись, Элен заметила, что монстр начинает приходить в себя. Голова отрывается от земли, чудовище шипит,

и тело снова извивается – погоня возобновляется.

– Быстрее, Хоакин! Мы все успеем!

– Что будем делать, когда добежим до входа?

– Дождемся, когда он разгонится и всплывем вверх. Змей окажется внутри, и мы ударим по потолку, завалив проход.

– Это и был твой план?

– Я думала, ты все понял.

Хоакин не ответил. Он, как и Элен, сосредоточился на беге. Змей настигал их, а до входа в пещеру оставались считанные метры.

Они бежали мимо палаток, где готовилась еда для рабочих. Иные палатки служили лазаретам для раненых.

По мере приближения к входу в шахты, количество новых построек и сооружений возрастало.

Змей обрушил на все это мощь своего тела. Сбивая все палатки хвостом, он безжалостно превращал шахтерский лагерь в руины.

Элен видела перед собой проход в пещеры. Пришел черед самой важной и ответственной части ее плана.

– Давай, Хоакин, мы уже у цели!

– Вижу, вижу! Не слепой!

Печати достигли цели. Проход в шахты.

Вдвоем они развернулись лицами к монстру, несущемуся прямо на них. Змей кусал воду и кромсал все, что оставалось за спиной.

– Когда всплываем? – спросил Хоакин, переводя дыхание.

– По моей команде. Дождемся, когда он хорошенько разгонится.

Змей приближался.

– Всплываем?

– Подожди. Еще немного...

– Элен, это слишком опасно.

Но Элен выжидала.

Она успела запомнить механику движения тела змея. Увидев отличительный толчок, служивший для разгона, Элен дала команду:

– Всплываем!

Их ноги оторвались от песка, и вдвоем они поплыли вверх, поднявшись над змеем, голова которого быстро забралась внутрь рудника.

Элен надеялась, что змей наткнется на какой-нибудь спуск и просто свалится вниз. Масса змея тащила его внутрь.

– Получается. Давай заваливать проход.

Элен и Хоакин подплыли к крыше пещеры и принялись кромсать каменную скалу семиотиками.

– Нужно свалить вон тот валун! – Хоакин заметил громадный камень, висевший над входом, но гораздо выше. – Он перекроет пещеру.

– Я поднимаюсь!

Элен начала плыть выше, а Хоакин продолжал рубить скалу над проходом. И потом... тело змея изменило направление.

«О, нет...».

Элен с ужасом осознала: они опоздали.

Раздался яростный рев чудовища, который понял, что его заманили в глупую ловушку. Он разворачивался и выбирался обратно из шахт.

– Он возвращается! – крикнула Элен.

Сама она уже доплыла до проклятого валуна, о котором ей сказал Хоакин. Но сбрасывать его поздно – змей выполз наружу.

Хоакин застыл над крышей, глядя в лицо змея.

– Хоакин!

Он не двигался.

И Элен ужаснулась: она все поняла.

– Хоакин, нет! – тут же сорвалось с нее.

Хоакин не думал отказываться от того, что затеял:

– Руби валун, Элен. Я заманю его внутрь.

– Нет!

Истошный вопль вырвался из груди Элен, когда она увидела, как Хоакин заплывал в шахты, загоня вместе с собой чудовище.

– Давай, иди ко мне! Поймай меня! – слышались его крики, разносящиеся по рудникам эхо.

По щекам Элен текли слезы.

Она не могла решиться.

«Я не могу похоронить его... не могу обрушить валун... только не так...»,

Ее одолевало желание спуститься вниз и вытащить Хоакина. Но змей уже там...

– Бей! – раздался голос Хоакина. – Элен! Действуй!

А потом голос внезапно оборвался. И Элен услышала звук смыкания клыков. А затем довольный рев змея.

«Хоакин... нет...».

Она не могла точно сказать: жив он или мертв. Убил его змей, или Хоакин еще сражается с ним?

Если мертв... если Хоакина нет, ей не справиться со змеем в одиночку. Она это понимала. Ее шанс одолеть монстра – перед ней.

Стоит лишь ударить.

«Хоакин... прости...».

– Сдохни!

От боли, от отчаяния, от горя и от злости Элен ударила семиотиком по валуну. Громадный кусок скалы закрипел. Элен отплыла от скалы прочь. И валун отвалился и упал вниз.

Обрушенная часть скалы перекрыла не только вход в кварцевые шахты. Обвал вызвал массивное крушение потолков и сводов пещер изнутри. Элен слышала град падающих камней.

Шахты стремительно заваливало.

И исчезли звуки, издаваемые змеем. Слышен лишь грохот камней.

Элен не могла больше смотреть на закрытый вход в пеще-

ру. Эту могилу она вырыла сама и похоронила в кварцевых шахтах Одда не только змея, но и друга.

Ее пальцы тряслись.

Мысли вязко обволакивали сознание: «А вдруг он был жив? А если я могла его спасти? Был ли у него хоть шанс выбраться?».

– Ты поклялся, что не станешь идти внутрь... ты поклялся...

Но не все Печати держат свои клятвы.

Элен обещала себе, что не позволит кому-то погибнуть. И нарушала слово, данное самой себе.

«И я... ничуть не лучше...».

Крапивная рубашка потянула Элен на дно. Она упала коленями в песок и выронила сверкающий семиотик из рук. Из укрытий к ней потянулись жители Одда. Они выглядывали и медленно шли в ее сторону.

Но Элен не чувствовала радости победы – только боль от личного поражения перед самой собой. Боль, которую невозможно унять.

Глава 33. Верховная Матерь Мелисента

«Почему я стоял? Почему ничего не сделал? Почему не спас его? Почему позволил убить?».

Скальд забыл про существование Прохода.

Он забыл о существовании ректора Академии, который должен вот-вот явиться сюда.

Он даже забыл о том, что существо, убившее Альбедо Эрнандеса, когда-то звалось Энтони Эрнандес. Его друг. Тот, с кого все началось.

Перед глазами стояла лишь сцена смерти Альбедо.

Каратель обнимает его, сжимая в руках два черных меча. Клинки разворачиваются остриями к спине Альбедо и пронзают его тело насквозь. Альбедо замирает. Клинки выходят из тела, и Альбедо, держась за рану пятится к обрыву, к краю моста, за которым начинается бесконечная пропасть.

Каратель приближается. Они смотрят друг на друга. И удар... ногой в живот.

Альбедо отклоняется назад и делает последний шаг за край моста. И падает. Его лик, его образ исчезают во мраке бездны.

А что делал Скальд?

Он стоял поодаль и смотрел на это.

«Я ничего не сделал, чтобы его спасти».

Мог ли он предвидеть то, что может случиться? Верил ли он в то, что Альбеде удастся вернуть своего племянника, изменить его новую темную природу? Был ли он уверен в том, то в объятиях племянника Альбеде будет в безопасности?

«Альбеде... прости... почему я не смог? Почему не остановил Карателя? Почему ничего не сделал?».

В душе Скальда поднялся неистовый крик боли и отчаяния. Он позволил другу умереть. Он стоял рядом и ничего не предпринял.

«Я бы мог успеть... мог остановить это... надо было идти и разнимать их... я не должен был отходить от Альбеде так далеко с самого начала!».

Он снова кричал в душе.

Скальд вспоминал, что сказал ему Альбеде прежде, чем пойти разговаривать с племянником:

– Оставь меня, Скальд. Это все из-за тебя! Уходи. Прошу. Оставь меня. Отпусти!

«Это все из-за тебя».

Скальд подавил внутри неприятный душащий комок слез.

«Я оставил Энтони в тот день и ушел... из-за меня он стал таким... из-за меня он изменился... из-за меня погиб Альбеде. Почему я отошел? Почему послушался Альбеде и отошел так далеко? Почему повелся на его выходку и позволил ему себя прогнать? Я должен был остаться рядом с ним, несмотря ни на что. Мне не стоило отходить... я же сам хо-

тел, чтобы мы держались вместе. Почему? Почему послушал его? Почему убил его?».

Каратель стоял у края обрыва. Сжимая в двух руках черные блестящие мечи, он смотрел вглубь пропасти, куда мгновением раньше свалился его дядя Альбедо.

«Ты уже не Энтони Эрнандес. Энтони мертв. Они убили его внутри тебя. Осталась лишь оболочка, наполненная злобой и тьмой. Каратель. Несущий Погибель. Убийца мэра Перламутр-Бич, убийца Людо Ксавьера, убийца Печати Альбедо Эрнандеса. Убийца. Вот, кем ты стал. Кем тебя сделали. Энтони... прости».

Сжав рукоять семиотика крепче, Скальд сделал шаг вперед. Каратель не обращал на него ни малейшего внимания.

«Это мой шанс».

И он побежал со слезами на глазах, занеся над собой меч. Он бежал убивать Карателя.

Когда Скальд подобрался к нему слишком близко, Каратель развернулся и встретил его перекрещенными темными семиотиками. Два черных меча столкнулись с золотистым сиянием семиотика Скальда. Брызнули искры. Сквозь шипение рассыпающихся иероглифов на Скальда смотрел равнодушный и холодный взгляд Карателя – лицо Энтони.

Скальд прилагал все усилия, чтобы пробить блок Карателя. Он давил и давил, пытаясь сломить защиту из двух клинков.

Но ничего не вышло.

Каратель сделал рывок, мощный толчок образовал волну, отбившую Скальда назад.

Он упал на спину, прокатившись по каменному мосту. Во время падения Скальд потерял семиотик – меч подкатился к самому краю моста.

Каратель остался стоять на своем месте. Он просто смотрел на Скальда, не думая убивать его.

Скальд пытался прийти в себя. Даже в толще воды удар от падения оказался сильным. Он начал подозревать, что темные семиотики гораздо более могущественные, чем обычные.

«Как это возможно?».

Он почти поднялся на ноги, преодолевая боль в спине и в ладонях, когда двери лифта открылись.

Перед лицом Скальда появился белый свет, льющийся из кабинки лифта.

«Ректор Академии. Лорд Сеера...».

Скальд с ужасом ощутил дыхание смерти за спиной. Его окружили. Ректор и Каратель. Ему не выстоять против такой силы.

А потом... в миг истинного страха раздался знакомый голос:

– Скальд!

И нежные холодные руки коснулись плеч.

– Айс?

Она здесь. Она рядом. Она оставила два семиотика лежать

рядом на земле.

– Скальд, ты как?

Айс помогла ему подняться на ноги, а потом заметила Карателя, мирно наблюдавшего за ними.

– Твой меч. Нужно взять его.

Айс быстро подбежала к семиотику Скальда, лежащему на краю моста. Вернув меч владельцу, она посмотрела другу в глаза.

– Ах, Скальд! Как же я скучала...

Из глаз текли едва заметные под водой слезы.

– Айседора... как же я рад, что ты жива...

Скальд крепко обнял ее. Она нашлась. Она здесь, с ним. Айседора выжила в Академии. Но на ней нет крапивной рубашки.

«С ней тоже что-то сделали. Но она не похожа на того, кем стал Энтони».

– Скальд, ты даже не представляешь, что я тут пережила!

– Где ректор Академии? Он же должен прийти сюда.

– Не волнуйся за это... я с ним справилась. Ох, какая же это долгая история!

– Мы еще успеем всем поделиться друг с другом. Для начала надо разобраться с ним.

И они посмотрели на Карателя.

– Энтони... – ахнула Айс.

– Уже нет, – Скальд покачал головой, – его сильно изменили. Только что он убил Альбеда.

– Что? Как? О, нет! Это моя вина... я не смогла остановить то, что с ним творили в Перекрестках... Сеера мне не позволял... я все знала, Скальд! Я знала, что его там мучают, но ничего... не смогла...

Скальд сразу обнял ее.

– Не надо, Айс. Не вини себя. Ты не виновата. Ты сделала главное и единственное, что могла – выжила. И сейчас ты со мной. Все хорошо. Тише, Айс... мы справимся. Мы что-нибудь придумаем.

Скальд не переставал обнимать Айседору и следить за Карателем. Ему стало невыносимо больно от того, что их троица наконец собралась вместе, и они не могут насладиться объятиями втроем.

Энтони, Каратель, кем бы он ни был, уже не с ними. Он стоит поодаль от Скальда и Айседоры.

«Он уже не помнит нас. Он другой».

И в этот миг Скальда посетила страшная мысль: «Хорошо, что Альбеде умер. Теперь он не будет жить с болью от осознания того, кем стал его племянник. Его не будет мучить это зрелище, эта новая реальность».

– Энтони, – произнес голос Айс, – прости... я не смогла помочь...

Ее рука потянулась к нему. Скальд чувствовал, что ей также больно, как и ему, как было больно Альбеде.

Они потеряли своего Энтони.

– Миса... она бы не хотела, чтобы ты стал таким...

Но Каратель не повел даже бровью. Он смотрел на них с тем же хладом и равнодушием, с какими оттолкнул от себя Скальда и столкнул своего дядю Альбеда в пропасть.

– Айс, мы должны закрыть Проход, чтобы зло больше не прорывалось в наш мир. Ты сказала, что справились с Лордом Сеерой. Отлично, теперь задача стала легче.

– Нет, Скальд, нет! Я обещала жителям Олда и студентам Академии, что верну их через Проход домой, в их мир.

– Что?

Скальд не был уверен, что расслышал Айседору правильно.

– Что ты им обещала?

Она уже открыла рот, чтобы все объяснить, но вдруг... двери лифта открылись вновь.

Темный мост осветил белый свет.

И Скальд увидел под ногами очертания силуэта, сотканного из тени, посреди полосы белого света.

Казалось, вода вокруг стала еще холоднее.

Скальд заметил, как Каратель принял ровную стойку, выпрямившись и подняв мечи, словно солдат, приветствующий генерала.

Скальд крепче прижал к себе Айс, пытаясь уберечь ее от любой опасности. Он чувствовал, кто мог появиться в Глубинах Пепла, но отказывался в это верить, пока не увидел собственными глазами.

Она шагнула на мост.

Алое длинное платье с черными ветвистыми узорами развевалось по подводному течению. Длинные рукава, обрывающиеся на уровне локтей, струились, пуская по воде алые ручейки. Платье подчеркивало стройную фигуру и тонкую талию. Оно казалось пламенем. Черными и алыми огнями, струящимся по белой коже тела. Грудь украшало изящное свободное декольте. И на левой груди, прямо там, где должно быть сердце, платье и кожа порваны. Там зиял кровоточащий шрам. Белая кожа лица и губ контрастировала с кровью, текущей из глаз. А сами глаза – белые белки, залитые алыми каплями и струйками, вытекающими наружу и стекающими по щекам. Волосы – серебристые длинные локоны, вьющиеся и спадающие далеко за спину. Они развевались по воде, словно свадебная фата. И только ее руки до самых локтей не были покрыты белой кожей, а черной смолой, усыпанной красными трещинами. И чернила медленно капали с кончиков ее пальцев.

У Скальда не оставалось сомнений. Это могла быть только она.

Верховная Мать.

Она смотрела прямо на него и произнесла нежным ласковым голосом:

– Скальд... я рада встречи.

И эти слова пронзили его до мурашек. Он сразу вспомнил, как Присцилла Пирс готовила из него послушного пса, чтобы передать его Верховной Матери. В тот день она должна

была вот-вот появиться в пещерах в мире под Колодцем, но они так и не встретились. Скальд, Энтони и Айседора удрали из логова ведьмы раньше, чем там появилась Верховная Мать.

Но она нашла его здесь, на самых Глубинах Пепла.

Она шла вперед по мосту, глядя только на него, Скальда. Он не мог перестать думать о ее странных руках, сотканных будто из той же энергии, из которой сотворен Проход.

Руки... ее руки также изувечены странной силой, как и его собственные руки, искалеченные от ран и трещин.

Его руки, которыми он задушил Алойша.

– Кто же ты? – спросил Скальд, когда Верховная Мать остановилась прямо перед ним.

– Можешь звать меня Мелисентой. Рада знакомству. Впрочем, мы видимся не в первый раз, не так ли?

«Что это значит? Не в первый раз? Когда я ее мог видеть? О чем это она говорит?».

Скальд терялся в догадках.

А потом Верховная Мать перевела взгляд на Айседору.

– Королева Морских Сердец, мое почтение. Поздравляю с новой должностью. Вы зашли очень далеко, но знайте – это ненадолго. Вам недолго осталось играть в свою игру. И ваше правление под водой в скором времени закончится. Помните мое слово.

И Мелисента обошла их стороной, направляясь к Карателю.

– Королева? – Скальд шепнул Айс.

– Я позже все объясню, – торопливо ответила она.

Скальд провожал Верховную Матерь взглядом. Она остановилась перед Карателем, и тот опустился на колени.

– Моя госпожа... – произнес он.

– Я благодарна тебе за твою верность, Несущий Погибель. Готов ли ты остаться со мной? Отныне только я буду тебе приказывать. И никто больше. У тебя не будет других господ, кроме меня.

– Да... конечно, моя госпожа. Только вы. Вы одна на веки. Я буду служить лишь вам, Верховная Матерь Мелисента. Да будет ваша власть вечной.

Она протянула ему руку, и Каратель наклонился, одарив тыльную сторону ладонь поцелуем. На его губах появилась черная смола, которую он слизал языком с явным наслаждением.

Верховная Матерь развернулась лицом к Скальду и Айседоре.

– Кто ты такая? – спросил Скальд. – Откуда ты взялась?

– Это долгая история, мой милый Скальд. Когда-нибудь придет время, и я все расскажу. Но сейчас у меня очень много дел. Нам пора.

А потом... двери лифта открылись вновь.

Скальд увидел перед собой полосу света. Верховная Матерь недовольно смотрела на прибывшего гостя и сказала ему:

– Я же велела тебе ждать меня на той стороне и не спускаться сюда! Почему ты никогда не слушаешься?

И звучный детский голосок ответил:

– Мне там стало скучно, мама! И я решил спуститься к тебе. Там так воняет! А здесь довольно свежо. И вода чистая, пускай и холодная.

И сознание Скальда вспыхнуло жарким огнем.

Голос, что был таким знакомым.

Голос, который он слышал в телефонной трубке и в видениях.

Голос, который он узнает везде.

Скальд повернул голову и увидел его на ступеньках у лифта.

Отец и сын смотрели друг на друга.

– Натаниэль...